

О ВОЙНЕ. О РОССИИ. О ЛИЧНОМ

Лучшие письма Kit

*Сборник третий
февраль-июнь 2023 года*

Подписаться на рассылку Kit можно на сайте getkit.news.

© KIT, 2023

Содержание

Об Украине

#01 [Первая мировая кибервойна. Письмо о битве хакеров за Украину](#)

#02 [«Мы знаем, за что умираем». Украинцы пишут россиянам о годе войны](#)

#03 [Здесь была «Азовсталь». Письмо о прошлом завода и будущем Донбасса](#)

Об России

#04 [16 человек в купе без окон. Письмо о том, как в России возят заключенных](#)

#05 [«Ищу девочку 13 лет». Как кибергруппы превращают подростков](#)

#06 [Как защититься от спецслужб? Правила выживания советских диссидентов](#)

О личном

#07 [Почему мы больше не вырастем? Письмо о 30-летних детях](#)

#08 [А вы точно любите животных? Письмо о том, чего хотят питомцы](#)

#09 [Фанфики лучше порно. Письмо о сексе и чтении ко Дню всех Влюбленных](#)

О неочевидном

#10 [Уверены, что ученым можно доверять? Письмо о большом кризисе в науке](#)

#11 [Представьте: вам платят деньги просто так. Письмо о безусловном базовом доходе](#)

#12 [Леса, полные золота. Письмо о том, зачем спасать тропики Амазонии](#)

Третий раз редакция берется за эту задачу и третий раз справляется с трудом — выбрать лучшие, по нашему мнению, тексты рассылки за последние полгода. Каждый раз в команде приходится устраивать голосование — между прочим, в двух турах — чтобы из десятков писем выбрать самые-самые. Мы искренне любим каждый наш материал, над каждым так много работали — как тут отсеивать? И все же вот он, наш очередной сборник, — в нем двенадцать писем Kit за первое полугодие 2023 года. Почему двенадцать? Хотели шесть, но было сложно остановиться.

Лучший текст Kit — что это вообще такое? Во-первых, он большой и очень подробный: мы любим как следует закопаться в тему, о чем бы ни писали, поэтому мучаем наших авторов бесконечными вопросами и просьбами что-то уточнить. Во-вторых, он четко выстроен: стараюсь не упрощать, мы тем не менее придаем всем нашим материалам структурную ясность, которая облегчает понимание даже очень сложных тем. В-третьих, его действительно интересно читать от начала до конца: мы любим рассказывать истории и любим, чтобы эти истории запоминались.

Все это вы найдете в каждом из писем нынешнего сборника, который разбит на четыре блока. Первый посвящен Украине и украинцам, о России — второй, в третьем мы собрали письма о взрослении, животных и сексуальности (и назвали «О личном»), а в заключительный блок включены материалы на редкие и неожиданные темы — но от этого не менее важные.

Постоянные читатели Kit знают, что каждое наше письмо снабжено счетчиком времени. Здесь мы сохранили эту традицию (перед каждым письмом указано количество минут на чтение), а еще подсчитали, сколько уйдет на весь сборник целиком. Что ж, вам понадобится почти три с половиной часа — надеемся, вы проведете это время приятно и с пользой.

Команда Kit

Главный редактор **Анна Чесова**

Издатель **Сергей Якупов**

Заместитель главного редактора **Елизавета Антонова**

Редактор **Андрей Яковлев**

СММ-редактор **Мария Лацинская**

><{{{._____})

ОБ УКРАИНЕ

#01

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ КИБЕРВОЙНА. ПИСЬМО О БИТВЕ ХАКЕРОВ ЗА УКРАИНУ

(ʎᵱ_ᵱ)ʎ σ(· ω · σ) Всем привет, с вами журналист-расследователь и иноагент Андрей Захаров. К теме киберпреступлений я всегда относился как к довольно безобидной. Я писал о [Евгении Пригожине](#), семейном [бизнесе](#) руководства ФСБ, третьей [дочке](#) Владимира Путина — и понимал, что это опасно. Но берясь за очередную текст про хакеров, всякий раз думал: «Ну что они мне могут сделать — максимум компьютер ломанут!»

А зря.

В конце сентября 2021 года я — на тот момент корреспондент «Русской службы Би-би-си» — привел своих британских коллег-телевизионщиков в подъезд обычного дома на юге Москвы. Здесь был прописан Максим Якубец — человек, чье имя и фотография с чуть нагловатой улыбкой [красуются](#) в списке ФБР самых разыскиваемых хакеров из группировки *Evil Corp*. Дверь нам открыл отец киберпреступника, который на камеру эмоционально рассказал, что его сын никакой не хакер, а появление в

списке ФБР сильно испортило Максиму жизнь. Это была почти ошеломляющая удача для фильма, который мы тогда снимали, — о том, как живут киберпреступники, знаменитые на весь мир.

Мы довольно дружелюбно расстались, но во дворе отец Якубца нагнал нас и потребовал «кассету» с записанным интервью, иначе «проблемы будут у всех». Минут пятнадцать я убеждал его, что мы не покажем его лицо в фильме, и в конце оставил свою визитку. На следующий день по обвинению в госизмене задержали одного из самых известных в России специалистов по кибербезопасности, основателя компании *Group-IB* Илью Сачкова — ранее он [критиковал](#) власти за неэффективную борьбу с хакерами и призывал обратить на Максима Якубца внимание. Спустя месяц я заметил за собой слезку и спешно уехал из страны. Когда я, уже в безопасности, набрал своего коллегу по исследовательскому цеху, он покрутил пальцем у виска: «Ты знаешь, что *Evil Corp* близки к ФСБ и вообще одни из самых опасных хакеров, а в день ареста Сачкова у них в офисе в “Москва-Сити” якобы устроили вечеринку?»

Спустя еще несколько месяцев российские хакеры, действуя заодно с армией РФ, атаковали Украину. И получили отпор от киберзащитников страны — им, как и украинским военным, помогал весь мир. Когда ВСУ выжигали американскими [«Джавелинами»](#) танковые колонны России под Киевом, украинские хакеры атаковали компьютерные сети в Москве. Это письмо — о первой мировой кибервойне, которая уже повлияла на жизнь

каждого россиянина, в том числе вашу (даже если вы об этом не подозреваете).

В тексте больше 29 тысяч знаков, время на чтение — около 20 минут.

Часть первая. Как «русские хакеры» пытались напугать весь мир перед войной

И как устроена их работа

В марте 2016 года Джон Подеста — бывший глава аппарата Белого дома и руководитель предвыборного штаба Хиллари Клинтон — получил письмо на личный адрес в *Gmail*. Для пожилого мужчины, не искушенного в вопросах компьютерной безопасности, оно выглядело пугающе: в тексте от имени почтового сервиса сообщалось, что неизвестный пользователь из Украины пытался зайти в почту Подесты, но был вовремя остановлен системой — и поэтому нужно срочно сменить пароль от ящика.

Чиновник ввел новый пароль — и совершил роковую ошибку. Письмо оказалось фишинговым, то есть имитировало служебные сообщения *Google*. Отправившие его злоумышленники получили доступ к почте Подесты, выкачали все его письма и через полгода передали *WikiLeaks*, где компромат с радостью опубликовали накануне выборов президента США. Впрочем, на карьере Подесты скандал в итоге сказался не сильно: в 2022 году президент Джо Байден назначил его своим старшим советником по вопросам экоинноваций.

И американские правоохранительные органы, и эксперты [пришли к выводу](#), что за взломом стояли российские хакеры из группировки *Fancy Bear*, дословно — «Модный мишка». Это название на слуху благодаря новостям, но сами хакеры себя вообще никак не называли, а бренд *Fancy Bear* появился благодаря американским исследователям в области кибербезопасности. *Bear* — потому что взломщики из России, а *fancy* — всего лишь название [поп-песни](#), [созвучной](#) наименованию одного из вирусов, который использовали хакеры. Модным место их работы не назовешь: согласно [данным](#) американских правоохранительных органов, они состоят в кибервойсках Главного управления Генерального штаба ВС РФ (ГРУ) и пишут вредоносные программы строго в рабочие часы по московскому времени, что видно в исходном коде.

В качестве жертв *Fancy Bear* выбирали в основном государственные и военные организации западных стран, и это еще один признак вероятной связи хакеров с российскими силовиками. В списке атакованных целей «мишек», помимо почты Джона Подесты, —

информационные системы НАТО, Пентагона и бундестага. В 2016 году в ответ на массовую дисквалификацию российских спортсменов за использование допинга *Fancy Bear* [взломали](#) базу Всемирного антидопингового агентства — и опубликовали информацию о том, что американские спортсмены получали разрешение принимать запрещенные препараты в терапевтических целях.

Но не только *Fancy Bear* атаковали правительственные и военные учреждения Запада. Этим же занимались хакеры из группировки *Cozy Bear* — «Уютный мишка»; название тоже условное. Они, как принято считать, числились в Службе внешней разведки (СВР) и ревниво относились к успехам конкурентов. Соперничество дошло до того, что в 2016 году обе группировки «медведей» одновременно атаковали серверы Демократической партии США, чтобы найти компромат на кандидата в президенты США Хиллари Клинтон и помочь избраться Дональду Трампу.

Нападали российские государственные хакеры и на Украину. Но до 2022-го эти атаки были в основном гибридными — такими же, как и война, которую Россия [вела в Донбассе](#). Некоторые кибератаки на Украину были внешне похожи на обычное сетевое мошенничество — их пытались выдать, например, за попытку вымогательства. Так, накануне Дня Конституции Украины в 2017-м произошло масштабное заражение компьютеров органов госвласти, госпредприятий, медиа и банков страны. Вирус *NonPetya* заражал систему и требовал выкуп в биткоинах, но платить было не обязательно — *NonPetya* все равно стирал все данные с жесткого диска. Те, кто стоял за атакой, имитировали поведение мошенников, но таковыми

не являлись: американские власти [утверждают](#), что *NonPetya* разработали все те же кибербойцы из ГРУ. Возможно, это был тест — сможет ли Россия парализовать компьютерные сети Украины в случае войны?

Россия устами президентского пресс-секретаря Дмитрия Пескова много раз [отрицала](#), что имеет отношение к этим атакам. Однако в 2010-е в стране вполне официально формировались киберподразделения внутри силовых ведомств, и прежде всего в министерстве обороны. В 2013 году тогдашний замглавы ведомства Олег Остапенко со страниц «Российской газеты» [рассказывал](#) о создании «научных рот», в которые планировали призывать в том числе «имевших проблемы с законом хакеров». Бывший спецкор «Медузы»* Даниил Туровский посвятил таким хакерам целую [книгу](#): в конце 1990-х — начале 2000-х талантливые ребята из провинции зарабатывали на воровстве информации о банковских картах, пока государство не осознало, что их умения можно использовать в кибервойнах против Запада.

«Когда замечают кого-то технически подкованного в российском [хакерском] подполье, на него заводится уголовное дело, потом он просто исчезает и начинает работать на российские спецслужбы», — [говорил](#) журналистам специалист исследовательской компании *Crowdstrike* Дмитрий Альперович (именно он придумал название *Fancy Bear*). Хакеров, пойманных на преступлении, вербуют в киберподразделения спецслужб в обмен на прекращение уголовного преследования. Причем зачастую даже не требуется особой идеологической обработки. Как показывает в своей книге Туровский,

российские хакеры еще с девяностых переполнены тем, что сейчас модно называть ресентиментом: им кажется, что Россия по-прежнему должна противостоять США, поэтому они имеют полное право воровать данные кредитных карт американских граждан.

Имена некоторых кибервзломщиков, работающих на ГРУ, СВР или МВД, известны: около четверти всех фигурантов списка «самых разыскиваемых хакеров» на [сайте](#) ФБР — россияне. Колличеством российские хакеры уступают разве что своим коллегам из Ирана.

↘ **Какие бывают хакеры и типы взломов**

Слова «хакер» и «киберпреступник» часто употребляются как синонимы. Предполагается, что взломщики так или иначе нарушают закон — но это не так.

Хакеры бывают «черными», «серыми» и «белыми» (или «черные шляпы», «серые шляпы» и «белые шляпы»). «Черные» действительно совершают преступления: ломают компьютерные системы, чтобы украсть деньги или потребовать выкуп в обмен на восстановление данных. «Белые» атакуют компьютерные сети по договоренности с владельцами, чтобы найти уязвимости до того, как их обнаружат «черные»; за свою работу «белые» получают вознаграждение. «Серые» же находятся в промежуточной зоне. У них нет цели красть данные, но они тоже ломают системы для поиска слабых мест — только без согласия владельца.

Когда находят проблемы, тут же сообщают администратору и намекают, что за работу хорошо бы заплатить.

Есть несколько распространенных способов взлома. Один из них — **фишинг**, то есть «рыбалка» по-английски. Этот способ действительно напоминает рыбную ловлю: жертве — например, сотруднику

компании, в сети которой хотят проникнуть хакеры, — присылают на *email* письмо, похожее на служебное сообщение почтового сервиса. Письмо пугающее: нужно срочно перейти по ссылке и поменять пароль, иначе доступ к ящику будет потерян. Если жертва заглатывает крючок, злоумышленники проникают в почту человека (как это случилось с Джоном Подестой), и очень часто это открывает им дорогу во внутренние сети компании.

Второй популярный способ взлома — **поиск уязвимостей** в операционной системе Windows. Она состоит из множества компонентов, и хакеры постоянно ищут, есть ли в них слабые места. Например, в 2017 году по миру разлетелся вирус *WannaCry*, который заражал компьютеры с *Windows*, шифровал данные и требовал выкуп за разблокировку. Именно поэтому самую популярную операционную систему нужно постоянно обновлять: «белые шляпы» по заказу *Microsoft* [находят](#) потенциальные дыры раньше «черных», а потом компания, по сути, рассылает своим клиентам заплатки.

В Украине не менее талантливые хакеры, чем в России: в нулевые одним из самых известных торговцев ворованными данными кредитных карт в мире считался киевлянин Егор Шевелев. Постсоветское хакерское сообщество тогда было единым: киберпреступники из России и Украины могли входить в одну группировку. Такой, например, была группа во главе с украинским хакером Иваном Турчиновым, которая взламывала американские финансовые сайты и за деньги торговала инсайдерскими данными. Всего они [украли](#) информацию о 800 сделках и заработали на этом минимум 100 миллионов долларов.

После аннексии Крыма и начала войны в Донбассе единое хакерское пространство начало разрушаться. Часть украинских хакеров объединились в отдельный «Киберальянс» для противостояния российской агрессии в интернете. Им, в частности, удалось получить доступ к сайту Первого канала, документообороту одного из департаментов Минобороны и переписке известных сепаратистов. Но самая успешная акция «Киберальянса» — взлом почты тогдашнего помощника президента РФ Владислава Суркова, который много лет курировал «украинское направление» Кремля и считается одним из идеологов начала гибридной войны России против Украины. Утечка *Surkov Leaks* [подтвердила](#), что Москва планировала поддерживать сепаратистские настроения и в других регионах Украины — в частности, обсуждалось создание «Народной республики Бессарабия» и особого региона «Слобожанщина».

Если в России хакеров поставили «под ружье» уже к 2014 году, то в Украине контакт между силовиками и

патриотичными специалистами по взломам был налажен не сразу. В 2020 году — спустя четыре года после *Surkov Leaks* — у некоторых участников «Киберальянса» прошли обыски. СБУ подозревала их во взломе информационной системы одесского аэропорта, но сами хакеры отрицали взлом и утверждали, что, наоборот, предупреждали власти страны о наличии уязвимостей в системе. Члены «Киберальянса» дали пресс-конференцию, где раскрыли свои имена (беспрецедентное решение!) и [заявили](#), что прекращают сотрудничество с украинскими спецслужбами до официальных извинений.

Осенью 2021 года, когда западные разведки положили на стол руководства Украины российские [планы](#) вторжения, страна начала готовиться к обороне — и не только в реальном мире, но и в виртуальном. За три-четыре месяца до начала полномасштабной войны Киев создал собственную команду хакеров, которые [атаковали](#) государственные порталы и системы энергетической инфраструктуры, чтобы найти уязвимости. Это было дальновидно: 24 февраля 2022 года Россия обрушила на Украину не только ракеты, но и силы своих лучших кибервзломщиков.

Часть вторая. Как началась первая мировая кибервойна

И на чьей стороне Anonymous

За день до полномасштабного вторжения на Украину обрушилась мощная DDoS-атака. Она напоминала артиллерийский обстрел, цель которого — не только нанести противнику урон, но и не дать поднять голову. Атаке подверглись сайты Верховной рады, кабинета министров, МИДа, СБУ и банков. На фоне 200-тысячной российской армии, подошедшей к украинской границе, хакерский обстрел выглядел зловеще, хотя многие еще надеялись, что большой войны все-таки не случится.

Но вторжение началось, и украинцы умело сопротивлялись, в том числе с помощью западного оружия. Помог Запад и в обороне от киберагрессии Кремля: накануне войны НАТО дало Украине доступ к своей библиотеке компьютерных вирусов, а британские эксперты в области кибербезопасности участвовали в укреплении защиты украинских сайтов (на что британские власти потратили в общей сложности шесть миллионов фунтов). Наконец, серверы доменной зоны ua перевели в Европу, и цель была достигнута — украинская информационная инфраструктура выстояла.

↘ В первые дни после начала российской агрессии украинская сторона [фиксировала](#) по десять крупных кибератак в день, а всего за 2022 год их [было](#) более 1500. Все атаки можно разделить на группы в зависимости от того, что становилось объектом нападения. Первая группа — правительственные сайты и сервисы вроде приложения «Дія», через которое украинцы получают госуслуги. Вторая — информационные системы объектов энергетики и телекоммуникаций. Наконец, некоторые взломы носили откровенно психологический характер — скажем, атаке [подвергся](#) сайт украинского гостелеканала «Дом», который вещает на неподконтрольные Киеву территории.

Насколько успешными были эти кибербомбардировки? Журнал *Economist* [предлагает](#) оценить их по нескольким пунктам. Удалось ли России лишить киевлян электричества в первые дни войны? Нет. Был ли в стране интернет? Да. Работали ли банковские приложения и банкоматы? Да. В этом отличие 2022 года от 2016-го, когда российские хакеры из группировки *Sandworm*, которую тоже связывают с ГРУ, вывели из строя подстанцию на севере Киева, из-за чего часть города осталась без электричества. Весной 2022 года все те же *Sandworm* пытались устроить блэкаут в Винницкой области, но распространение вируса, который должен был поразить систему управления энергосистемой, удалось [остановить](#). В итоге частично лишить украинцев электричества Россия смогла не руками хакеров, а [бомбардировкой](#) подстанций и ТЭЦ.

Были и успешные с военной точки зрения кибератаки. Так, за час до начала вторжения российские хакеры атаковали инфраструктуру спутника компании *Viasat*, который [обеспечивал](#) связь украинских военных. Однако война затягивалась, и российская киберагрессия [становилась](#) все менее интенсивной: как и в случае с «горячей» войной, Кремль рассчитывал на короткую победоносную операцию, а на продолжительные сражения ресурсов уже не хватало.

В кибератаках на Украину в 2022 году участвовали уже известные российские группировки, связанные с ГРУ, СВР и ФСБ (включая *Fancy Bear* и *Cozy Bear*). Но появились и новые — например, *HakNet Team*. Эти хакеры смогли взломать сайт Министерства финансов Украины и выложили переписку его сотрудников в открытый доступ, а также устроить *DDoS*-атаку на некоторые сайты НАТО, [затруднив](#) тем самым связь диспетчеров с военными самолетами, которые везли помощь жертвам землетрясения в Турции. *HakNet* позиционирует себя как независимое «объединение патриотичных хакеров, которые решили защищать родную страну на фронте». Но эксперты компании *Mandiant*, которая специализируется на кибербезопасности и сейчас входит в *Google*, [обнаружили](#), что группа координирует свои действия с ГРУ.

Некоторые российские хакеры открыто [заявили](#) о поддержке Кремля, но доказательств их связи со спецслужбами пока не найдено. При этом западные агентства по цифровой безопасности все равно полагают, что эти группировки участвуют в кибервойне на стороне Москвы и [зарабатывают](#) на своих атаках. Самая известная — *Killnet* — совершила нападения на правительственные

сайты нескольких европейских стран и якобы смогла [положить](#) информационную систему авиакомпании *Lufthansa*. Впрочем, в самой *Lufthansa* [говорили](#), что сбой произошел из-за повреждения кабеля при строительных работах.

В ответ на российскую виртуальную агрессию украинские хакеры, которые раньше особо не лезли в политику, решили вступить в кибервойну на стороне Киева. Это еще одна аналогия с событиями «горячей» войны, когда тысячи украинцев в первые дни вторжения пошли записываться в тероборону. Похожая добровольческая структура, но в цифровом пространстве называется [IT-army of Ukraine](#) — клич вступить в нее министр цифровой трансформации Украины Михаил Федоров кинул через два дня после вторжения. На сайте движения можно скачать простейшие программы для DDoS-атак, так что присоединиться к борьбе может любой. Также в [телеграм-канале](#) «армии» публикуются советы по взлому и список российских сайтов, работу которых нужно парализовать. К своим успехам *IT-army* причисляет [атаку](#) на сайты Сбербанка и банка «Тинькофф», в результате которой у клиентов как минимум в течение пары часов не проходила оплата. Всего к украинской *IT-army* [присоединились](#) больше 250 тысяч волонтеров.

Конечно, в кибервойне участвуют и профессиональные украинские хакеры. Некоторые из них вышли из группировок, в которых раньше состояли вместе с россиянами. Так, например, произошло в *Conti* — это объединение экспертов из *Group-IB* даже назвали «IT-компанией» за высокий уровень организации работы с

зарплатами, системами мотивации и отпусками. После начала вторжения *Conti* заявила о поддержке российских властей, и входивший в группировку украинец, который раньше вместе с россиянами зарабатывал на рассылке вирусов-вымогателей, решил уйти. Но перед этим он сохранил внутреннюю переписку *Conti* и другие документы, а затем [разослал](#) компромат журналистам и специалистам в области кибербезопасности по всему миру. Так стали известны биткоин-адреса, с помощью которых *Conti* вымогала криптовалюту. Это помогло правоохранительным органам отследить транзакции, а в будущем, возможно, позволит выйти и на самих членов группы.

Если проанализировать все объекты, которые атаковали украинские хакеры, получится странная картина: здесь и госорганы, и банки, и онлайн-магазины. Это связано с тем, что **кибервойна идет довольно хаотично**, объясняет в разговоре с *Kit* российский эксперт в области кибербезопасности, попросивший об анонимности. «*IT-армия Украины* — это самоорганизующийся протест, социальная инициатива, эдакая цифровая “Запорожская Сечь”. Кто-то залезает на броневики и предлагает: “А давайте атаковать такой-то сайт или сервис”. Цели приходится несладко: в этой “Сечи” есть и профессионалы, есть и неискушенные люди, и каждый атакует так, как может. Где-то в итоге и рвется, никакой системы или автоматизации тут нет», — объясняет он.

Анализируя характер атак, известный украинский киберэксперт, экс-сотрудник СБУ Константин Корсун, [написал](#) в начале мая 2022-го, что проукраинские хакеры в основном занимаются *DDoS*-атаками и психологическими

операциями в интернете, в то время как пророссийские больше заточены на уничтожение данных и взломы внутренних систем. «Этот нюанс свидетельствует о преимущественно волонтерском подходе с украинской стороны», — полагает он.

Впрочем, украинским хакерам, по сути, помогает весь мир — точно так же, как и украинской армии. Например, американские кибервойска тоже проводили атаки против РФ, подтверждал глава киберкомандования США Пол Накасоне — не [уточнив](#) при этом, насколько они были масштабными. О готовности сражаться с Россией в киберпространстве [заявил](#) десяток международных группировок во главе с одним из самых известных неформальных хакерских объединений — *Anonymous*. Этому движению, как и любой анархистской организации, чужда иерархия, поэтому иногда сложно определить, за какой атакой стоят хактивисты *Anonymous*, а за какой — те, кто откликнулся на их [призыв](#).

Так или иначе хакеры со всего мира вместе с украинскими товарищами по киберфронту обрушили на Россию крупнейшую *DDoS*-атаку, в результате которой в первые недели после начала войны периодически не работали сайт Кремля, порталы государственных закупок, государственных и лояльных медиа. На некоторые (например, портал госзакупок или госторгов) до сих пор можно зайти только с российского *IP* — это установленная Россией защита от нового *DDoS*'а: теперь любые запросы из-за рубежа блокируются, словно они — новая потенциальная атака.

Периодически эксперты составляют [таблицы](#), похожие на боевые справки о том, армии каких стран помогают России, а какие — Украине. В этих [списках](#) перечислены хакерские группировки, вставшие на сторону одной или другой стороны, однако, учитывая, что речь идет о неформальных структурах, относиться к ним следует осторожно. Судя по всему, на российской стороне выступают группировки, связанные с белорусскими спецслужбами, и на долю кибервойск из Беларуси приходится 10% всех атак, [утверждал](#) глава департамента кибербезопасности СБУ Илья Витюк.

Сколько именно хакеров сражается на российской стороне, непонятно. Но есть примерные [подсчеты](#), что противостоят им около 400 тысяч хакеров со всего мира — цифра, конечно, беспрецедентная. Особенно с учетом того, что стоимость одной атаки [варьируется](#) от ста до миллиона долларов — в зависимости от того, идет ли речь о простом *DDoS'e* или о вторжении в сети электростанции, подготовка к которому может идти годами.

В начале марта 2022 года на фоне непрекращающихся *DDoS*-атак министерство цифрового развития РФ разослало в государственные органы власти телеграмму о необходимости перехода на российские серверы и отказа от иностранных хостингов. Телеграмма утекла в сеть и была [воспринята](#) как подтверждение слухов, что Кремль собирается отключить Россию от мирового интернета и замкнуть в «чебурнете». А дата, к которой госорганам нужно было перейти на безопасную инфраструктуру (11 марта), даже всерьез [называлась](#) как дата, когда Путин опустит рубильник.

Всего же по итогам 2022 года российские власти зафиксировали больше 50 тысяч кибератак, что стало максимумом за всю историю. «Мы никогда ранее не подвергались такому нашествию», — [сетовал](#) вице-премьер Дмитрий Чернышенко.

Это «нашествие» привело еще и к самой масштабной утечке персональных данных россиян — потому что украинские хакеры ломают все, до чего могут дотянуться.

Часть третья. Как возникло цунами утечек персональных данных

И почему хакерских атак стало меньше

8 февраля в истории российских медиа случилось, пожалуй, беспрецедентное событие. Расследования на одну и ту же тему одновременно выпустили сразу пять изданий: [«Важные истории»*](#), [«Медиазона»*](#), [«Настоящее время»*](#), [«Агентство»](#) и [центр «Досье» Михаила Ходорковского](#). Конспирологи могли увидеть в этом сговор и вездесущую «руку ЦРУ», но синхронность объяснялась просто. В конце 2022-го белорусская хакерская группа «Киберпартизаны», выступающая в информационной войне на стороне Украины, взломала серверы дочерней

структуры Роскомнадзора — «Главного радиочастотного центра» (ГРЧЦ), который, как оказалось, занимается слежкой, цензурой и доносами. Все медиа, которые хотели поучаствовать в разборе тысяч электронных писем и документов, могли написать пресс-секретарю «Киберпартизан» и получить доступ к файлам.

Это была не единственная утечка данных российских госорганов в 2022 году. Но именно массив «Главного радиочастотного центра» помог сделать больше всего журналистских расследований — о том, как в России [готовятся](#) справки о признании людей «иноагентами», какие информационные системы задействованы в проекте цензурирования сети [«Чистый интернет»](#) и какие слова, по мнению Роскомнадзора, [оскорбляют](#) президента Путина (в списке — «архипиздрит», «бздло», «говновазия» и «сцуль»).

Другие взломы коснулись куда более известных структур, но не привели к мощным расследованиям. Как минимум часть данных была добыта в результате атак хакеров из группы *Anonymous*, а их публикацией занималось сообщество *DDoSecrets*. Одна из его основательниц, американская активистка и исследовательница Эмма Бест, посчитала, что в первые два месяца после начала вторжения на сайте сообщества [опубликовали](#) более шести миллионов документов на русском языке. Немало — особенно если вспомнить, что *WikiLeaks* за всю свою историю выложил 10 миллионов документов.

Однако все эти взломы не имеют почти никакой ценности. Например, в выложенных данных Центробанка РФ

обнаружились только отчеты банков и финансовая статистика — документы, которые и так доступны на сайте ЦБ. «Утечка Минкульта» оказалась рабочей перепиской одной из подведомственных структур — дирекции по строительству и реставрации. Опубликованный [массив](#) электронной переписки башкирского управления Роскомнадзора хоть и дал представление о том, как ведомство отслеживает негативные публикации в интернете, но сенсации, подобно утечке того же ГРЧЦ, не случилось. Письма сотрудников «Липецкого механического завода» [показали](#), как концерн «Калашников» пытался купить патроны в обход санкций — но кого это могло удивить? А все более-менее значительное, что удалось выжать из огромной утечки ВГТРК, — заметка о том, что телерадиокомпания получала от Минобороны и ФСБ материалы, на основании которых журналисты [готовили](#) сюжеты.

↳ Так что главный ущерб российско-украинская кибервойна пока нанесла простым россиянам — такого количества утечек персональных данных на коротком промежутке времени не было никогда, отмечает в разговоре с *Kit* специалист по информационной безопасности Ашот Оганесян. В своем [телеграм-канале](#) «Утечки информации» он анализирует все подобные инциденты: по его подсчетам, в 2022 году массивы с персональными данными граждан РФ публиковались в интернете больше 300 раз. А по [данным](#) Сбербанка, только за первую половину 2022-го из-за хакерских атак в свободном доступе оказались данные

65 миллионов россиян — почти половины населения страны.

Многие утечки — дело рук хакеров из проукраинской группы *NLB*, о которых мало что известно. Они размещают в своем [телеграм-канале](#) *zip*-файлы с телефонами и электронными адресами миллионов россиян, особо не делая при этом политических заявлений. Разогрелись *NLB* на сайте государственного РИА Новости — и так в открытый доступ попали данные 600 тысяч зарегистрированных пользователей с *email*-адресами, более половины которых ранее не встречались в других утечках. Далее последовала база заказов *Delivery Club*, сделанных в 2020–2021 годах, — это почти миллион телефонов с адресами клиентов, кодами домофонов и даже составом заказов.

В июле 2022 года *NLB* выложили базу сайта *Tutu.ru*, где россияне покупают билеты в путешествия (более двух миллионов телефонных номеров), потом — «Почты России» (данные на 10 миллионов отправок), затем — программы лояльности *Tele2* (больше семи миллионов уникальных номеров). Далее последовали сливы информации нескольких онлайн-магазинов, включая популярную платформу по продаже секс-игрушек *Intimshop* и сервис доставки сети «ВкусВилл».

А в конце 2022 года хакеры из *NLB* опубликовали базу проекта «Московская электронная школа», в котором родители могут следить за успеваемостью детей или

узнавать, что те ели на обед. Всего в файле было несколько миллионов телефонных номеров и адресов электронной почты.

В московской мэрии [заявили](#), что «опубликованные материалы не имеют отношения к реальным данным пользователей «Московской электронной школы»». Но остальные жертвы утечек, как правило, признавали, что персональные данные принадлежат их клиентам и пользователям. А «Почта России» и вовсе прямо подтвердила, что они были получены в результате хакерской атаки. Впрочем, оспаривать факт крупной утечки сложно. В теории можно скомпилировать данные на основе тех, что ранее появлялись в даркнете, но специалисты легко это определяют. Например, таким анализом как раз занимается специалист по информационной безопасности Ашот Оганесян: как только *NLB* публикует свежий массив (например, почти 50 миллионов пользователей бонусной программы «СберСпасибо» в начале марта 2023-го), он тут же изучает ее на предмет подлинности. Скажем, база «СберСпасибо», по его оценке, подлинная — помимо имен, телефонов и адресов электронной почты, там есть даже номера карт в зашифрованном виде, но алгоритм шифрования настолько слабый, что Оганесян, по его словам, легко провел дешифровку.

Российские хакеры тоже сливали в интернет персональные данные украинцев, но в гораздо меньших масштабах. Незадолго до войны на продажу [выставили](#) фрагмент базы с сайта «Дія» — аналога российских «Госуслуг». Украинские чиновники отрицали, что утечка действительно была, но местные киберэксперты [указывали](#), что, во-

первых, какие-то данные и правда украдены (без уточнения деталей), а во-вторых, связывали атаку с российскими хакерами. Уже после вторжения прокремлевские кибервзломщики выложили базу популярного украинского сайта по продаже билетов в театры и на концерты «Контрамарка» (почти два миллиона пользователей) и логистической компании «Новая почта» (почти три миллиона телефонных номеров).

Всплеск атак с обеих сторон, понятно, пришелся на первые месяцы войны. Постепенно у России истощились ресурсы для интенсивного кибернаступления, угас и запал у хакерских группировок из других стран — например, у тех же *Anonymus*. Целями атак остались лишь относительно легкодоступные для взлома сайты с персональными данными россиян и украинцев. Но это не значит, что киберфронт российско-украинской войны перестал существовать: в середине марта 2023 года в Microsoft [предупредили](#), что хакеры из РФ с января увеличили число атак в отношении Украины и ее партнеров — и, возможно, готовят новую мощную волну кибервзломов.

Говорить, кто побеждает в кибервойне между Россией и Украиной, пока рано: она еще идет. Но точно можно сказать, что, начав это противостояние в интернете, Россия нанесла вред в первую очередь собственным гражданам.

><{{{._____)

Массивы персональных данных, которые публикуют проукраинские хакеры, тут же пополняют российские телеграм-боты по пробиву информации. У большинства

россиян и так уже есть цифровые профили в них. Благодаря и прошлым, и нынешним, «военным» утечкам там записаны наши телефоны, имейлы, адреса проживания, номера автомобилей, данные о кулинарных пристрастиях из заказов еды. Даже сексуальные привычки из базы секс-шопа.

Буквально в два клика любой человек за небольшую плату может узнать, где я, автор этого письма Андрей Захаров, зарегистрирован в Петербурге, где я жил в Москве; как зовут мою восьмилетнюю дочь; какой телефон я использовал раньше (из утечки «Спортмастера», опубликованной украинским хакером); какой у меня СНИЛС (утечка «Московской электронной школы»). Эта информация доступна любому мошеннику, и уверяю вас: такой портрет есть и на вас. И если россияне могут жить своей частной жизнью, стараясь не замечать войны, то масштабное пополнение цифровых профилей показывает, что на самом деле она пришла в каждый дом.

■

Андрей Захаров

Редактор: Андрей Яковлев

#02

«МЫ ЗНАЕМ, ЗА ЧТО УМИРАЕМ». УКРАИНЦЫ ПИШУТ РОССИЯНАМ О ГОДЕ ВОЙНЫ

Привет, это редактор *Kit* Лиза Антонова.

«Как ты, — написала я недавно другу, который живет под Киевом, — в порядке?» «„В порядке“ бывает разное, — ответил друг, — все равно не поймешь, если расскажу». Он имел в виду что-то вроде: ты в безопасности, не видела смерть так близко, как я; не прощалась с родными на неопределенный срок. Я поняла его — он прав.

Год идет война. Новости о ней бьют под дых каждый раз: авиаудары по украинским городам, убийства, изнасилования, разрушения. И нет, я так и не привыкла — думаю, как и вы. Не могу даже допустить мысли, что мы когда-нибудь привыкнем. К такому невозможно привыкнуть.

Я попросила четырех украинцев написать россиянам письма — о том, как изменилась их жизнь за год, что они чувствуют и что хотят сказать гражданам страны, которая на них напала. Авторы этих писем очень разные, но послание каждого тронуло меня до глубины души. Отдельно тронуло, что герои согласились эти письма

написать — когда, казалось бы, диалог между россиянами и украинцами невозможен.

Прочитайте эти письма и покажите близким — особенно если они поддерживают войну.

В тексте больше 25 тысяч знаков, время на чтение — около 16 минут.

«Не смогу вернуть время, которое сын растёт без меня»

↘ **Олександр, 50 лет,
Киевская область**

Госслужащий

На вопрос «как дела?» ответить можно, но тот, кто не пережил этого, все равно не поймет. Тут два уровня. Самый сложный — приучить мозг жить в реалиях войны. Основная проблема — психологическая. Все сломано. Семьи разбиты. Весь этот год я живу с собакой. С марта не могу убрать в квартире. Вещи детей разбросаны.

Собирались быстро... Тогда шли бои под Киевом.
Хотели взять в кольцо. Успел вывезти их и вернулся.

Поездки в метро теперь планирую так, чтобы по времени они совпадали с наиболее вероятным временем ракетных атак. А решение бытовых вопросов — с графиком отключений электричества.

Даже если ты не на фронте, война забирает часть жизни у всех. Я не смогу вернуть время, которое мой сын растёт без меня. Точно так же — дети без детства. **Я до сих пор живу в 24 февраля.** Много картинок в голове. Очень ярко: в пустом магазине обуви девушка-продащица смотрит через витрину на автомобильную пробку из города. Тысячи людей бегут, а она пришла на работу и спокойно ждёт покупателей.

Внешне Киев живет обычно — только в темноте. Сирены воздушных тревог. Но это все ерунда. Внутри — пустота и ненависть.

Мир наступит при любом исходе войны. Но нас устраивает только тот мир, который наступит после нашей победы. «Мир», который предлагает нам агрессор, — «сдавайтесь, и мы перестанем вас массово убивать» — это смертный приговор с отсрочкой приведения в исполнение. Сейчас мечта одна — чтобы РФ поскорее утратила всякую возможность кому-либо угрожать.

Если бы меня спросили, как, будучи россиянином, можно помочь нам, украинцам, я сказал бы, что вам нужно срочно начать помогать себе. Выдавливайте из себя имперский шовинизм. Начать можно с простого: принять, что у других народов есть своя история, которую вы не знаете. У вас

никто не должен спрашивать разрешения, кам им жить в своей стране.

И называйте события своими именами, не подменяйте понятия и не позволяйте это делать. Если это кража чужой территории, то это кража, а не «присоединение»; нападение — это нападение, а не «освобождение».

И перестаньте бояться.

«Все причастны»

↘ **Федір Шандор, 47 лет,
Ужгород**

***Доктор философских наук, профессор
Ужгородского национального университета;
служит в теробороне неподалеку
от российской границы***

Вся моя жизнь связана с преподаванием и наукой — 27 лет я работаю в Ужгородском национальном университете. Я веду кафедру социологии и социальной работы, читаю лекции по философии религии, социологии и психологии массового поведения. Еще у меня есть хобби — туризм, и, так как по совместительству я возглавляю Закарпатскую туристическую организацию, в университете я основал кафедру туризма.

В тероборону я пошел 24 февраля. Провел с утра три пары — и принял решение. Я пошел [служить], потому что знал: если Россия начала с кем-то войну, это будет новый Армагеддон — изнасилованные жены, убитые дети, все уничтожено. Потому что, как показывает история, после прихода русских в деревни и города от них не остается ничего: уничтоженные Кавказ, Афганистан, Сирия, Грузия.

Я непризывной, профессоров и доцентов в армию пока не призывают. К тому же у меня четверо детей. Передо мной встал выбор: бежать за границу или пробовать обороняться и защищать свою семью. Я выбрал второе — таких, как я, как видите, миллионы. Я понял, что был прав, когда случились Ирпень, Бородянка, Буча. Я был там, жил в селах у Донецкой области, а также у Харьковской, которую мы освобождали. И просто не понимаю, как можно к себе так варварски относиться, чтобы рыть окопы в Чернобыльской зоне или жить в помещении АЭС. Даже если ты насилуешь, режешь врага, как это — жить в радиационной зоне или воровать туалеты? Это **алогичный враг, алогичная война**.

Моя миссия — образование и развитие науки, поэтому я продолжил читать лекции и в войну. Наш батальон — из Закарпатской области, принцип призыва был территориальный, так что мы тут, из Ужгородского университета, и встретились. Теперь здесь несколько десятков наших студентов и преподаватели.

Весь мой боевой опыт до этого — фильмы-блокбастеры, поэтому пришел я сюда солдатом. А с декабря уже младший сержант и три месяца командовал ротой — такой вот у меня карьерный рост в армии. Первые месяцы не говорил студентам, где я. Просто читал онлайн все предметы — после пандемии все к такому формату привыкли. Технически это просто — у каждого взвода в моей роте есть *Starlink* (*спутниковый интернет от компании SpaceX Илона Маска, — прим. Kit*) и генератор, который заряжает *EcoFlow* — большие пауэрбанки. Я включал *Starlink*, он даже помещается в рюкзачок, главное, чтобы была энергия, — и тогда есть связь и в лесу, и в горах, и на крыше машины.

Однажды во время лекции по нам пришло два удара — рядом начало сильно бухать. Я зашел поглубже в окопы и попросил студентов немного подождать, отключил у себя микрофон. Они меня спрашивают: «Федір Федорович, что это?» Говорю: «Давайте так — закончим пары. Хотите видеть?» Они хотели. Показал им, где нахожусь. Все были в шоке, спрашивали, что я там делаю. Говорю — пошел защищать вас, все нормально.

Раньше мой день начинался с первых пар. Если не путешествовал по работе, а ездил я много (посетил все пять континентов), то после обеда обычно занимался общественными делами — туризмом, социальными проектами, студенческим волонтерским клубом. Или спортом: сына отводил на хоккей, сам играл в американский футбол и регби — я президент федерации американского футбола

Закарпатской области, мы чемпионы Суперлиги Украины. По выходным мы с семьей вместе постоянно что-то полезное делали, например очищали от мусора замки, горные реки, деревянные церкви. В 2021-м со студентами расчистили могилы солдат Первой мировой по Карпатскому хребту. Семья участвовала в этом вместе со мной — и волонтерства, и близких мне сейчас очень не хватает. Хотя я вижу их регулярно: телефон и Starlink — достижение человечества, конечно. Никаких тебе писем-треуголок, просто позвонил и включил видео. Они все в Украине.

Сейчас мы стоим в Харьковской области возле российско-украинской границы. Главное, что изменилось, — комфорт. Бытовые элементарные вещи: все-таки **окоп — это не дом**. И я изменился. В армии нет понятия «творческий беспорядок». Максимум, что позволяю себе творческого сейчас, — лекции, и то с разрешения командиров. Четыре часа дежуришь — потом отдыхаешь (когда отстираешься после окопов). Душ, бритье.

Пока я не был ротным, служил солдатом в пехоте. Это значит держать линию, которую тебе показали: выкопать блиндаж, окопы, наблюдать в сторону врага, дежурить ночью, а если что-то непонятное, сообщать по радиации в наблюдательный пункт — там офицеры принимают решения. Теперь я ротный, и это, конечно, совсем другое — оформлять документы, вести ротный подсчет, оформлять двухсотых (*то есть погибших*, — прим. Kit), оружие... Поскольку я долго занимался образовательной

бюрократией в университете, здесь мне все это легко дается. Ну а если солдат, например, заболел — идешь в окоп и дежуришь за него.

Конечно, бывает страшно. Нормально бояться, когда стреляет артиллерия, а ты в яме глубиной четыре метра. И переживать — правильно. Когда нас атаковали российские дроны, мы понимали, что перед ними мы бессильны, — пока не появилась антидроновая пушка (*оружие, нейтрализующее беспилотники, — прим. Kit*).

Главное сейчас — победа. Мир наступит быстрее, чем победа. Потому что победа, к сожалению, наступит лишь в одном случае — когда империя зла падет. А империя огромна, и чем больше труп, тем дольше он будет гнить. Это как Римская империя — она не пала сразу, а умирала постепенно.

Вспомните отношение русских к немцам после Второй мировой войны. Фашист, нацист и немец — это были синонимы на протяжении трех поколений, 75 лет. Было стыдно называть себя немцем. Немцы были для всех — Холокост, Освенцим. **Русские теперь — это Ирпень, Буча, Бородянка.** Стыдно будет очень долго, и стыдно будет говорить, что ты русский. Я как социолог это говорю. Будут прятаться, дистанцироваться, как и немцы когда-то. Понятно, что и это пройдет. Диалог между нами когда-то восстановится. Мы живем на планете Земля, мы никуда не исчезаем, однозначно диалог вернется, но нескоро. Сначала вам придется извиниться, бросить оружие и полностью заплатить за содеянное. Потребуется деятельное раскаяние от поколений россиян.

Я считаю, что все должны извиниться — даже те, кто поддерживает Украину, все сто процентов [россиян]. Кто-то радовался колорадским ленточкам (*речь о георгиевских лентах, — прим. Kit*), кто-то просто ничего не делал. В том числе журналисты, преподаватели, писатели, кинематографисты. Да, легче убежать сейчас и сказать, что мы к этому непричастны. Все причастны. Из гитлеровской Германии тоже много кто бежал: и в Аргентину, и в Австралию, но все были причастны — все вместе сотворили этого демона. А теперь нужно переступить через свою гордыню — и пройти чистилище. «Каждый день войны стоит сотен жизней»

↘ **Дмитро Ясєнєв, 44 года, Киев**

Ведущий программист украинской компании — разработчика компьютерных игр GSC Game World, один из создателей игр S.T.A.L.K.E.R. и S.T.A.L.K.E.R. 2

Я долго сомневался, отвечать ли российскому изданию, учитывая, что моя компания отказывает в интервью российским СМИ. Но в конце концов решил, что это может быть важным — и эту возможность нужно использовать.

По образованию я кибернетик — как и мои родители. В детстве отец брал меня на работу, где мы играли в «Танчики» восьмидесятых, и он показывал мне машины киевского Института проблем моделирования в энергетике. Разработкой игр я увлекся еще в девяностые — ведь если самому написать программу, можно быстрее проходить

популярные тогда «Реверси» (*игра в фишки для двух человек, — прим. Kit*).

До начала полномасштабной войны я жил в Киеве и работал ведущим программистом в *GSC Game World*. Занимался искусственным интеллектом персонажей и разработкой движка — сначала в проекте *Oblivion Lost* (*эта игра [так и не вышла](#), — прим. Kit*), а затем в *S.T.A.L.K.E.R.* и *S.T.A.L.K.E.R. 2* — действие двух последних игр разворачивается в Чернобыльской зоне.

Работы было много, но она захватывала. В классических ИТ-проектах мне часто было недостаточно интересно: не хватало вызовов.

Война изменила все. Уже за несколько дней до вторжения — после [обещаний](#) Путина показать нам, что такое декоммунизация, — я понял, что грянет война, но отказался выезжать за границу. Честно говоря, не думал, что он [Путин] пойдет на Киев, — это казалось абсолютным безумием. Решил записаться в тероборону, чтобы быть полезным, когда начнется. Но не успел оформиться до конца. Как раз 24-го должен был занести медсправку, но ранним утром я проснулся от воя сирены — никогда до этого ее не слышал. Прочел новости, обзвонил друзей и поехал записываться в тероборону. Принимали уже безо всяких медсправок, только по паспорту. Когда-то у меня была военная кафедра в университете, ничего оттуда не помню. Вот и весь мой опыт на начало войны.

Пошел в чем был: джинсы, куртка, рюкзачок Сталкера. Ночь провел уже не дома, утром выдали оружие, аптечку, я позвонил домой и попрощался на всякий случай. Вокруг постоянно [выли] сирены, народ бегает, суетится, вдалеке слышны взрывы — если бы я представлял себе начало третьей мировой, примерно так бы оно и выглядело. Первую неделю было очень тяжело, так как мало что было готово. И холодно, форму — кстати, отличную — выдали лишь потом. Сначала я дико мерз в джинсах и куртке, первые дней пять не мог заснуть — трясло от холода, и это мешало спать. Да и спальников не было, а пол ледяной, ведь помещение до этого долго не отапливалось. Подстелили какой-то картон и пенопласт.

Потом жили в подъездах домов, а через пару недель отправились на пункт постоянной дислокации. Дежурили на блокпостах — по четыре часа поочередно. Я постоянно переживал, что в перчатках не удастся вовремя сдернуть предохранитель на автомате Калашникова, хотя я его отогнул достаточно сильно (один парень у нас так отгibal, что сломал его). Я находился в непосредственной близости от Киева, что меня, конечно, сильно согревало. Семье удалось уехать в Польшу, когда появилась такая возможность, а родители остались. Через какое-то время нас начали отпускать домой на несколько часов — смог нормально помыться и выспаться. А затем нас расформировали, и мы снова стали внештатными. Все это время я пытался перевестись туда, где мог бы приносить больше пользы. Наконец мне удалось это сделать, и теперь я занимаюсь работой, которая гораздо ближе к моей специальности, ближе к компьютерам, к «железу».

Вместе с командой мы разрабатываем решение, которое, на мой взгляд, усилит наши позиции на поле боя.

С февраля 2022 года я почти не работаю над игрой, лишь изредка участвую в рабочих дискуссиях и консультирую коллег. Несмотря на это, компания платит мне полную зарплату, я чувствую их поддержку. То, как GSC выстраивает отношения со своими сотрудниками в ВСУ и теробороне, вызывает у меня большое уважение. Я постоянно чувствую, что они верят в нас. В декабре GSC оборудовала бункер и всю необходимую инфраструктуру. Работники компании и их семьи могут жить там в случае отключений энергии.

С 24 февраля погибли люди, которых я знал лично. Один из разработчиков S.T.A.L.K.E.R. — Владимир Ежов погиб под Бахмутом. Хороший был парень, спокойный, цельный. Погиб Семен из 72-й бригады, к сожалению, не знаю его фамилию. Он нам очень много рассказал про ПЗРК (*переносной зенитный ракетный комплекс, — прим. Kit*). **Их уже не вернуть.**

Я никогда не был пацифистом. Считаю, что зло должно быть наказано, а добро должно побеждать. Россия сейчас на стороне зла. Риторика ваших официальных лиц слово в слово [повторяет](#) высказывания Гитлера, [Гимmlера](#) и других [фашистов](#). «Украина должна согласиться на условия РФ», — [заявляет](#) Песков. Повсеместно используется практика навязывания своих недостатков другим. Сами фашисты, но будут называть так украинцев. Притом что Украина не

вторглась на территорию других государств, не заявляет, что украинская нация — самая-самая, а другие должны быть уничтожены, у нас нет никакого «украинского мира». А вот [«русский мир»](#) существует. «Границы России нигде не заканчиваются» — это [слова](#) вашего президента.

Что такое «русский мир», хорошо видно в сравнении. Вспомните Донецк 2012-го: [«Евро 2012»](#), [один из сильнейших футбольных клубов Европы](#), прекрасный стадион, уникальная скульптура [вечно вращающегося мяча](#), чистые красивые улицы, развитая промышленность. И Донецк сегодня: футбольный клуб давно в Киеве, стадион заброшен, никаких соревнований, скульптуру мяча, как и большинство предприятий, [«покрали»](#) и [вывезли](#) в Россию.

Но даже это не полная картина. Сравните этот город, который якобы [«восемь лет бомбят ВСУ»](#), — и Мариуполь, который всего пару месяцев [разрушали](#) российской артиллерией и авиацией. Думаете, у ВСУ недостаточно средств, чтобы не то что за восемь лет, а за несколько месяцев превратить Донецк в руины? Просто это наше — его потом восстанавливать нужно, там живут наши граждане, которым мы выплачиваем пенсию.

Вам же все выворачивают наизнанку: якобы это [украинцы разрушили Мариуполь](#), хотя его штурмовала армия России. Вам рассказывают, что ракеты, которыми вы нас обстреливаете, направлены исключительно на военные объекты — но это неправда!

У вас нет такого количества высокоточных ракет, а старые советские ракеты при всем желании [не могут попасть точно](#) — поэтому ракета попадает куда попадает. В последних обстрелах Киева используются ракеты комплексов ПВО [С-300](#) и [С-400](#) — они вообще не предназначены для поражения наземных целей. Как только такая ракета попадает в жилой дом, сразу же ваши пропагандисты пишут о «беспощадной» ПВО Украины, которая разрушает собственные дома. Атака ракетами и беспилотниками на объекты гражданской инфраструктуры — это [терроризм](#). Вас все еще удивляет, что Россию [признали государством](#) — [спонсором терроризма](#)?

Вам рассказывают, что Россия кого-то «спасает» в Украине, «борется» за права человека. И это говорят ваши государственные руководители, которые полностью уничтожили права человека в собственной стране, — в России уничтожены свободные СМИ, нет независимых судов, а в тюрьмах творятся ужасные вещи.

Донбасс и Крым — территория государства Украина. Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье, теперь Крым и Донбасс — Россия не в первый раз создает кровоточащие раны на теле других государств под видом «защиты русскоязычного населения» и «поддержки народов, стремящихся обрести независимость». В то же время, когда Ичкерия [боролась](#) за независимость, Россия заняла противоположную позицию, называя это сепаратизмом.

Украина сама будет решать, в какие военные союзы входить и с какими государствами дружить. Без вас. 2014 год начался с [оккупации Крыма](#). Атаку на управление

полиции и СБУ в [Славянске](#) начал [Игорь Гиркин](#) — гражданин РФ. Все оружие, танки, артиллерия, боеприпасы — все там из России, там не было ничего, пока вы туда не завезли. Донбасс [никогда не был](#) независимым государством.

Вас возмущает, что в Украине сносятся памятники российским культурным деятелям? Это реакция украинского общества на использование русской культуры в пропагандистских целях. Лучше отказаться от русской культуры, чем жить в «русском мире». На данный момент выбор стоит именно так — и вопрос этот ребром поставили вы.

Вся Украина сейчас мечтает лишь об одном — о полной и безоговорочной победе. Возврат всех территорий, вступление в НАТО и ЕС, наращивание мощностей на границе с РФ до такой степени, чтобы не было желания посмотреть в нашу сторону криво. Чтобы ни одна ракета не пролетела. Что будет, когда вы сможете сменить власть, неизвестно, но пока так.

Помните фильм Марка Захарова «Дом, который построил Свифт»? Там есть замечательный эпизод, когда стражнику рассказывают о его предыдущих жизнях, и в каждой из них он стоит на площади и охраняет тюрьму.

И ничего не меняется из жизни в жизнь — то есть из поколения в поколение. И тогда стражник решает что-то изменить и ценой своей жизни отпускает из заключения уличных артистов. Задумайтесь над этим. Не повторяйте своих же собственных ошибок. **Нужно что-то менять — и делать это прямо сейчас**, каждый день войны стоит

сотен жизней. Иначе ваши дети будут жить в новой Северной Корее, в полной изоляции от внешнего мира и все так же требовать уважения к себе лишь потому, что у них есть ядерное оружие. Но главная ценность любого государства — не оружие и ресурсы, а люди.

«Я верю, что цветы в душе прорастут»

↘ **Наталья, 42 года, Киев**

Хозяйка сервиса доставки еды. С первых дней вторжения перестроила свой бизнес и почти год кормила украинских военных и нуждающихся — пожилых и людей с ограниченными возможностями

24 февраля мир стал черно-белым и таким остается. Я не из тех, кто призывает «жить в моменте», искать хорошее во всем и так далее. Мир стал черно-белым, преимущественно черным, навалилась беда. И беда с нами каждым день.

Все это время я пребываю в глубоком изумлении — не думала, что смогу столько дней кряду удивляться. Но рф поражает меня ежедневно — чудовищной ложью. Я до сих пор не могу понять, как возможно так невероятно лгать, я

до сих пор иногда бегаю по потолку и кричу: «Как, как, как?!» Дошло до того, что я невольно вижу ложь везде, не знаю, как научиться доверять хоть кому-то. Да и стоит ли? Я волевым усилием заставляю себя верить — людям, заметкам, блогам, своим глазам. И это нелегко.

А вот к смерти я теперь отношусь легко — к своей смерти. Меня она перестала пугать, я начала мыслить другими категориями: я — не самый ценный кадр, поэтому моя смерть, если что, не станет невосполнимой утратой. А чужие смерти меня по-прежнему жестоко ранят.

Страх всегда конечен, если смириться с самым страшным, а вот боль может быть бесконечной. Каждый день натыкаешься на очередное свидетельство войны — и больно, как в первый день. Например, в группе владельцев вельш-корги кто-то спрашивает о девушке, заводчице корги. И видишь короткий ответ: она погибла в Мариуполе, и все ее собаки — тоже. Или пишешь старому поставщику, а он отвечает: мы в оккупации, работать не можем. Или звонит коллега с бывшей работы и просит помолиться за другую нашу коллегу — она овдовела.

Знаю, есть много публикаций о том, что близость смерти делает жизнь ярче, но это не про меня. Иногда я вспоминаю прошлую жизнь, что я делала и что не делала. Жизнь идет, но она совсем другая.

За год я практически полностью поседела. И в моем гардеробе появился бронежилет. Легкий, но от осколков может спасти.

Теперь я гуляю с двумя собаками вместо одной: младшую мы взяли импульсивно, она родом из сгоревшего питомника под Гостомелем.

Перед выходом на работу звоню администратору — спросить, есть ли электричество. Кухня (у меня небольшой сервис доставки) работает и без света — а я не могу, нужен интернет.

Не гуляю по вечерам в парке с подружкой Дашей — парк не освещается, очень темно, и Даша боится. Дашин муж ушел на фронт 25 февраля прошлого года и еще не вернулся.

Я хожу обязательно с фонариком. Иногда — с рацией.

Я пишу маме и сестре: «У нас ракетная атака, может лечь связь». Раньше не приходилось такое писать.

Не планирую развитие бизнеса, инвестиции (написала это слово и аж засмеялась). Я не знаю, сколько вообще еще смогу работать.

Читаю очень много некрологов — и заставляю себя не пролистывать их. Я хочу помнить.

Каждый день перевозжу деньги незнакомым людям: очень много молодых людей остались без работы и средств, часто на их плечах дети, старики, животные.

Больше не занимаюсь итальянским по скайпу: трудно совместить с преподавателем наши графики наличия электричества-связи.

Зато учу украинский. Раньше не нужно было, да и времени не хватало. Сейчас делаю это методично и осознанно. Украинский — он как русский, только наоборот, вот что я заметила.

Мы с мужем не ездим в гости к друзьям в Ирпень — их дом сгорел, дети с мамой теперь в Австралии.

Каждый день дома спотыкаюсь о бутылки с водой — питьевой и технической. Ракетные атаки рф могут оставить нас без света и воды надолго, нужно быть готовым.

Теперь я покупаю все, что нужно, в двойном-тройном объеме, иначе не могу. В марте прошлого года я стояла в очереди за хлебом (и купила), а потом за творогом (не купила, закончился), и теперь у меня деформация.

Я не езжу за рулем. Сначала было сложно из-за блокпостов, теперь — из-за неработающих светофоров.

Не могу читать, не смотрю фильмы, не могу сосредоточиться.

Я невероятно много ругаюсь и проклинаяю.

Сейчас все мечты исчезли, я ничего не хочу и не знаю, чего хотеть, кроме одного. Но есть аллегория, о которой я часто думаю. Под Киевом работает частный дендрарий «Добропарк». В нем тоже побывали российские войска: как обычно, все разграбили, сожгли хозпостройки, детские карусели, все разорили. Но тюльпаны в «Добропарке» все равно расцвели — их высаживают в ноябре,

поэтому луковицы уже были в земле, и в положенное время они ожили, выгнали листья и стрелки.

На фоне черных остовов построек раскинулись поля цветущих тюльпанов.

Я верю, что и со мной случится то же: цветы в душе прорастут, я опять буду жить и мечтать о красоте. Но не сейчас. Не сегодня.

Иногда я думаю о «той» стороне, о людях, что живут в рф и не хотят этой войны. Что они могут сделать? Тут хочется вспомнить Петра Мамонова, его цитату «Спаси себя — и будет с тебя». Ситуацию уже не исправить, все, что могло бы помочь, нужно было делать задолго до. Теперь главное — сохранить в себе человека, спасти себя.

Подумать о принципах (я поняла, что это — не пустые слова; принцип «свобода или смерть» оказался краеугольным) и подумать, чем вы готовы заплатить за свои принципы. Подумать, что вы готовы сделать, чтобы черное зло не захватило и вас. И если можете — делать это. Не для нас, для себя.

Можете помогать деньгами — найдите знакомых, кто адресно поможет фронту или нуждающимся, найдите фонд. Не можете — спасите себя, увезите себя. Не можете — саботируйте то, что не хотите исполнять. Всегда можно что-то придумать, чтобы Не делать. Всегда можно затянуть, забыть, сделать кое-как, сделать и одновременно Не сделать. Не соглашайтесь с ложью и, главное, не обманывайте себя.

И еще. Не жалейте себя, не надо, это непродуктивно. И нас не надо жалеть.

Нам не нужна жалость, нужна эмпатия. Мы знаем, за что воюем и за что умираем. У нас война, а не конец света.

><{{{._____)

Очень важно продолжать помогать Украине и украинцам — так активно, как можете. Вот несколько вариантов.

- Если вы находитесь за рубежом и хотите помочь украинцам **перебраться в безопасное место**, присоединяйтесь к проекту [Rubikus](#). Помочь можно деньгами, жильем, транспортом или волонтерством.
- Если вы хотите помочь попавшим под обстрелы **домашним животным**, переведите денег украинскому некоммерческому проекту [«Зоопатруль»](#).
- Если вы в России и хотите помочь украинцам, **вынужденно оказавшимся на ее территории**, обратитесь в благотворительную организацию помощи беженцам и мигрантам «Гражданское содействие»*. Вы можете [перевести деньги](#) или [принести вещи](#).
- Если вы хотите помочь людям, которые **по-прежнему находятся в Украине**, переведите денег в Международный комитет Красного Креста (МККК). Он работает в зоне военных действий и обеспечивает местных жителей чистой водой. В дальнейшем МККК [планирует](#) помогать в восстановлении инфраструктуры, обеспечивать больницы лекарствами и оборудованием, а семьи —

едой и средствами гигиены. Важный момент: в [назначении платежа](#) нельзя указать конкретное направление. Но МККК [сотрудничает](#) с Обществом Красного Креста Украины — и им [можно перевести деньги](#) напрямую.

■
Письма подготовила Елизавета Антонова

#03

ЗДЕСЬ БЫЛА «АЗОВСТАЛЬ». ПИСЬМО О ПРОШЛОМ ЗАВОДА И БУДУЩЕМ ДОНБАССА

((□) / \ (○)), Здравствуй, это Константин Скоркин — независимый журналист и исследователь украинской политики. Мое письмо посвящено судьбе Мариуполя и местного завода «Азовсталь».

Около года назад российские войска осадили это предприятие, и рассказы о его героической обороне обошли [все мировые СМИ](#) — так завод превратился в один из символов украинского сопротивления. Теперь этот символ [в руинах](#), а Мариуполь разрушен и оккупирован Россией. Причем страна [не собирается](#) восстанавливать завод, который определял местную жизнь на протяжении последнего столетия.

Впрочем, это не первая война, которую увидело ключевое предприятие Мариуполя. Жизнь «Азовстали» продлилась чуть больше 90 лет, и ее можно сравнить с удивительной

судьбой человека, заставшего смену нескольких эпох.

Я расскажу об их отражении в истории завода и самого города, а также попробую разглядеть контуры возможного будущего этих мест.

В тексте больше 23 тысяч знаков, время на чтение — около 14 минут.

Часть первая, в которой мы узнаем Мариуполь поближе

На побережье теплого Азовского моря, в устье рек Кальмиус и Кальчик, в Донецкой области Украины расположен город Мариуполь. Уже больше года его название у всех на слуху, но что мы знаем о нем? Этот город намного старше, чем может показаться на первый взгляд: первые поселения здесь [появились](#) аж несколько тысячелетий назад, в эпоху позднего неолита, то есть за 5200–5500 лет до нашей эры.

Уже в нашу эру, в XVI веке, здесь был форпост под названием [Домаха](#) — отсюда запорожские казаки уходили в

военные походы на Азовское море. За эти земли с казаками соперничали крымские татары, и через какое-то время на месте Домахи возникла крепость [Крымского ханства](#) — Балы-сарай. В конце концов украинские казаки все-таки отвоевали территорию, и в 1740 году [Войско Запорожское](#) (так называлось казачье «государство») основало здесь административную единицу войска, [Кальмиусскую паланку](#), которая постепенно стала приобретать черты города.

Современный Мариуполь появился в 1778-м — к тому моменту эти земли отошли Российской империи. Ее правительство под руководством Екатерины II [хотело](#), чтобы сюда переселялись православные греки, жившие в Крыму, и для этого на новом месте их наделяли привилегиями — например, освобождали от службы в армии и уплаты части налогов, а также давали небольшой участок земли. Так российские власти стремились укрепить южные границы империи за счет увеличения числа лояльного христианского населения, и греки действительно заплонили Мариуполь. В 1783 году российский путешественник Николай Озерецковский [описывал](#) его как «греческий город близ моря, около которого находится несколько греческих деревень».

↘ Потомки этих греков так и остались в Мариуполе и его окрестностях — в 1920–1930-е здесь все еще [был](#) свой греческий национальный район. А внешне Мариуполь заметно отличался от других городов Донбасса, большинство которых возникали как рабочие поселки при заводах и шахтах.

Например, он мог похвастаться архитектурными достопримечательностями, и именно поэтому современные местные активисты на фоне боевых действий отдельно [опасались](#) за богатое историческое наследие. И уже составлен подробный [архитектурный гид](#) по Мариуполю, которого больше нет:

после начала полномасштабного российского вторжения город [пережил](#) страшные разрушения, и война [не пощадила](#) многие исторические здания в том числе.

Расположение на берегу Азовского моря давало городу огромное преимущество — для Российской империи он превратился в стратегический порт. Через него шла значительная часть российской торговли, в первую очередь экспорт зерна. А с начала промышленного бума конца XIX века здесь развивалась тяжелая промышленность — благодаря расположенным неподалеку угольным и железорудным месторождениям [Донбасса](#) и [Крыма](#).

Крупнейшим в регионе заводом тогда стал металлургический комбинат [«Русский Провиданс»](#), который производил чугун и листовое железо. Его [основали](#) бельгийские капиталисты, а построили американские инженеры. В 1917–1919 годы комбинат национализировали большевики и назвали в честь Владимира Ленина. Так появился Мариупольский меткомбинат имени Ильича — одно из ключевых металлургических предприятий СССР и независимой Украины. С этим названием связана забавная

история: когда в 2015-м в Украине активно шла кампания по [декоммунизации](#), руководители предприятия захотели сохранить историческое название, и им удалось. Для этого комбинат переназвали в честь другого Ильича — знаменитого металлурга [Зота Ильича Некрасова](#).

В советское время, с 1948 по 1989 год, город носил имя Жданов — в честь уроженца Мариуполя и соратника Иосифа Сталина, члена политбюро [Андрея Жданова](#). Но кроме него в Мариуполе родились и другие, более приятные исторические персонажи — например, выходец из местных греков, художник-пейзажист Архип Куинджи. С 2010-го здесь работал его музей, который в марте 2022 года **был уничтожен российским авиаударом**.

С Мариуполем связана и жизнь одного из самых выдающихся художников-монументалистов XX века — [Виктора Арнаутова](#). В городе прошла его юность, а затем, после многих лет жизни в Китае, Мексике и США, уже мировой знаменитостью художник на склоне лет вернулся в родной город, где создал выдающиеся [фрески](#). И здесь придется вспомнить еще об одной невосполнимой потере войны: в 2023-м во время российской оккупации Мариуполя **был разрушен исторический памятник «дом с часами»**, в котором в свое время располагалась мастерская Арнаутова.

В годы Гражданской войны в городе шли кровопролитные бои между украинской армией, красными и белыми. А во второй половине XX века Мариуполь часто становился прибежищем для пострадавших от политических репрессий, которые стремились затеряться в «глухой

провинции у моря». Среди них была, например, [Эмма Сторэ](#) — бывшая возлюбленная знаменитого российского революционера и террориста [Бориса Савинкова](#); после пяти лет лагерей и сибирской ссылки она [провела](#) последние годы жизни в Мариуполе. Жил в городе и [Мыкола Стасюк](#) — бывший деятель украинской Центральной рады и министр продовольствия [Украинской народной республики](#) (УНР); он отсидел в советских лагерях восемь лет и, выйдя на свободу в 1940-м, [поселился](#) в Мариуполе, где работал сторожем в городском парке.

Многие помнят улицы Мариуполя по одному из самых известных советских фильмов эпохи перестройки, картине [«Маленькая Вера»](#) — критики [отмечали](#), что индустриальный ландшафт города отлично подчеркивает кризис советского образа жизни, показанный в ленте. Кстати, режиссер «Маленькой Веры» Василий Пичул — еще один известный уроженец города — в 2014-м [поддержал](#) путинскую аннексию Крыма.

Часть вторая, в которой будет построена, разрушена и восстановлена «Азовсталь»

К 1930 году одного металлургического комбината в Мариуполе для нужд [советской индустриализации](#) оказалось мало. Власти решили построить еще один завод, и так появилась «Азовсталь».

У истоков ее строительства стоял молодой советский управленец Яков Гугель. С 26 лет он руководил серьезными предприятиями Донбасса, в том числе Мариупольским меткомбинатом имени Ильича. В тридцатые Гугель возглавил строительство «Азовстали» и в итоге стал ее первым директором. Это был типичный начальник эпохи советской индустриализации, который опирался на партийные директивы и проводил авральные работы-«штурмы». А непосредственно проектно-техническими работами, как и на многих других мегастройках социализма, [руководили](#) нанятые в США инженеры. Из кадров «Азовстали» вышли и другие видные деятели советской промышленности. Например, с 1933 по 1937 год начальником цеха здесь [работал](#) Вениамин Дымщиц — будущий зампред Совета министров и председатель Госплана СССР.

Завод запустили в августе 1933-го, когда доменная печь «Азовстали» [выплавила](#) первый чугун. Всего на строительство потратили 292 миллиона рублей — огромная сумма и сегодня, а тогда и вовсе космическая. Проектная мощность предусматривала выпуск более двух миллионов тонн чугуна в год, но в перспективе показатель планировали [удвоить](#). Похоже, Гугель мечтал создать **мощнейшее металлургическое предприятие на планете**: крупнейший в мире завод на тот момент, американский Гери под Чикаго, производил три миллиона тонн чугуна ежегодно. Впрочем, амбиции первого директора «Азовстали» не уберегли его от печального финала. Во время массовых репрессий 1937-го его арестовали и [расстреляли](#), а жену на годы отправили в лагеря.

К началу Второй мировой детище Гугеля стало настоящим гигантом советской индустрии, где действовали четыре [доменные](#) и шесть [мартеновских](#) печей. Спустя пару месяцев после начала немецкого вторжения в СССР, к октябрю, армия нацистской Германии дошла до Донецкой области (в те годы — Сталинской). Тогда коллективу завода уже [удалось](#) вывезти большую часть оборудования и погасить печи, но сами заводские объекты остались. Поэтому во время оккупации Мариуполя немцы заполучили предприятие в свое распоряжение и пытались восстановить на нем производство, для чего передали в управление сталелитейному [концерну Альфрида Круппа](#). Но из-за налетов советской авиации и диверсий подпольщиков комбинат не смог заработать на полную мощность. И перед отступлением из города нацисты почти полностью уничтожили «Азовсталь», взорвав ее основные объекты.

↘ В самом Мариуполе во время боев тогда было уничтожено 85% зданий. Годы спустя у нацистских оккупантов нашлись последователи — по [данным](#) Верховного комиссара ООН по правам человека, во время штурма Мариуполя в 2022-м российская армия повредила и разрушила до 90% жилого фонда города.

Масштабное восстановление «Азовстали» началось сразу же после освобождения города в сентябре 1943-го. Пытаясь завершить работы как можно скорее, советские инженеры провели уникальный для мировой практики эксперимент. Самая мощная (и самая тяжелая — весом аж 2600 тонн) доменная печь № 4 после подрыва немцами не была разрушена, но сместилась по оси и накренилась. Чтобы разобрать и собрать ее заново, потребовались бы годы, но инженеры Сергей Крупенников, Михаил Корнеев и Евсей Каминский сумели быстро выровнять гигантское сооружение, применив гидравлические домкраты. За свою успешную инженерную операцию они [получили](#) Сталинскую премию.

Уже к 1945 году завод снова работал, а к концу десятилетия вернулся к довоенным показателям по производству чугуна и стали. Впрочем, здесь важно то, какими средствами удалось достичь столь ошеломляющих результатов. На восстановительных работах активно использовали труд заключенных ГУЛАГа и бывших советских военнопленных, которые должны были искупить «позор плена».

Украинские историки Станислав Кульчицкий и Лариса Якубова [рассказывали](#), что в одном только 1947-м к восстановительным работам на «Азовстали» привлекли семь тысяч заключенных, а всего в Сталинскую область к маю 1949-го привезли 61,4 тысячи бывших военнопленных и лиц, депортированных из Германии. Условия труда этих людей были очень тяжелыми, а покидать назначенное место работы им было запрещено. Именно так в Донбасс попал дед автора этого текста: после немецкого плена ему не разрешили вернуться в родные места, а отправили восстанавливать Луганскую область, где он в итоге и остался.

Жизнь в послевоенном Мариуполе была суровой. Вот что писала в своем [дневнике](#) Нина Покровская, прибывшая из Москвы на «Азовсталь» в командировку в декабре 1947-го: «В городе ничего купить нельзя. Рыночные цены за неделю выросли до небывалых размеров. Буханка хлеба стоила раньше на рынке 30 рублей, теперь стоит 200. В магазинах пусто». Кроме голода и гиперинфляции мариупольцы столкнулись с эпидемией сыпного тифа, писала Покровская: «Больные тифом с серыми мертвыми лицами на лошадях, в каретах скорой помощи. Больницы, дезокамеры (*помещения, в которых проводили дезинфекцию.* — Прим. Kit), бани, врачи, ежедневно осматривающие каждого рабочего завода, и вши, вши, жирные прозрачные тифозные вши, и полная беспомощность обреченного в глазах заболевших и умирающих полуголодных, оборванных людей».

Но город пережил и эпидемию, и голод. Выстоял и завод.

Послевоенные годы стали для «Азовстали» золотой эпохой. С 1948 года «Азовсталь», помимо выплавки металла, стала производить железнодорожные рельсы — до сих пор ими **выложены** две трети железных дорог на территориях бывшего СССР. Мечта Якова Гугеля все-таки сбылась — комбинат превратился в один из крупнейших металлургических заводов не только в СССР, но и во всем мире. А еще он фактически был городом в городе: его площадь в 11 квадратных километров превосходила территории карликовых государств Европы — Ватикана и Монако.

Одной из особенностей предприятия стала разветвленная сеть подземных убежищ — их построили в холодную войну на случай ядерного удара. В общей сложности под комбинатом **появилось** 36 бомбоубежищ, соединенных тоннелями длиной 24 километра. Впоследствии оказалось, что Мариуполь как промышленный центр действительно был одной из потенциальных целей ядерных ударов США по территории бывшего СССР в холодную войну — по крайней мере, об этом свидетельствуют **данные** некоммерческого проекта *Future of Life* на основе рассекреченных данных американской разведки тех лет.

Именно наследие холодной войны **позволило** украинским защитникам «Азовстали» выдержать двухмесячную осаду в 2022-м, а самим **убежищам** — удары современного российского оружия. Строили на «Азовстали» всегда на славу.

Часть третья, в которой в «Азовсталь» пришли новые трудные времена (и новый владелец)

Экономический упадок конца 1980-х и последовавший за ним распад СССР сильно ударили по «Азовстали». Огромное металлургическое производство, эффективное в рамках большой плановой экономики, в условиях рынка деградировало: оборудование устарело, а из-за распада единой советской системы производства предприятие лишилось постоянных заказов.

Руководители из числа [«красных директоров»](#) с кризисом справлялись плохо. И все же «Азовсталь» оставалась лакомым куском: в девяностые ее продукция [приносила](#) 10% всей валютной выручки Украины. В это время контроль над крупнейшим меткомбинатом страны перешел к бизнес-группе «Индустриальный союз Донбасса», она же ИСД. «Союз» поставлял на завод сырье и энергию, постепенно скупая его акции, и к концу десятилетия полностью завладел предприятием фактически за бесценок. Впоследствии мэр Мариуполя и оппозиционный политик Михаил Поживанов [утверждал](#),

что такая приватизация «Азовстали» стала возможной из-за коррупционных связей верхушки ИСД с киевскими и донецкими чиновниками.

↳ «Индустриальный союз Донбасса» — украинская металлургическая компания, которую в 1995-м основали донецкие бизнесмены Сергей Тарута (сейчас — депутат Верховной рады от партии Юлии Тимошенко «Батькивщина»), Олег Мкртчян ([отбывает](#) срок в России за экономические преступления) и Виталий Гайдук (ныне непубличный бизнесмен). Свой первый капитал ИСД заработал на поставках газа промышленным предприятиям Донбасса. В разные годы бизнес-группа контролировала «Азовсталь», Алчевский металлургический комбинат и Алчевский коксохимический завод в Луганской области, а также Днепровский меткомбинат и металлургические предприятия в Венгрии и Польше. В 2010 году контрольный пакет корпорации [выкупил](#) российский бизнесмен Александр Катунин, один из учредителей [«Евраз групп»](#).

В 2002-м «Азовсталь» перешла под контроль украинской корпорации «Систем Кэпитал Менеджмент» (СКМ). Ее владелец [Ринат Ахметов](#), — один из акционеров ИСД, который вышел из состава бизнес-группы и [забрал](#) завод с собой. Биография Ахметова окутана мрачными слухами: он считался правой рукой донецкого бизнесмена и криминального авторитета [Ахатя Брагина](#), также известного

как «Алик Грек». Сам Ахметов отрицал свои связи с криминалом (но не с Брагиным), хотя и [признавал](#), что заработал первый капитал не честным трудом, а карточной игрой. В 1995-м Брагина убили — взорвали дистанционной бомбой прямо на стадионе в Донецке — и Ахметов фактически [унаследовал](#) его империю.

При новом владельце «Азовсталь» оставалась одним из наиболее прибыльных активов украинской экономики, а также одним из градообразующих предприятий, [содержащим](#), например, школы, больницы и стадион. В 2010-м завод даже [занял](#) четвертое место в списке успешнейших предприятий страны. Примерно за четыре года до этого «Азовсталь» превратилась в подразделение холдинга [«Метинвест»](#), в котором сосредоточили свои металлургические активы Ринат Ахметов и его партнер Вадим Новинский (украинский бизнесмен российского происхождения и один из [самых богатых](#) людей Украины).

В то же время в 2011-м украинские власти наконец [признали](#) «Азовсталь» одним из наиболее «грязных» промышленных объектов страны. Советские проектировщики завода, руководствуясь одной лишь экономической целесообразностью, совсем не думали об окружающей среде. Все годы работы «Азовстали» ветер с моря сносил вредные выбросы на жилые кварталы и в область прибрежной зоны. В результате в 2012-м город [охватили](#) экологические протесты, которые привели к [переговорам](#) представителей Ахметова с протестующими о снижении выбросов. Это время местные активисты в беседе с *Kit* называют **годом рождения гражданского общества в городе.**

Завод определял жизнь Мариуполя не только в экономике, но и в политике. Менеджмент местных меткомбинатов и других крупных производств Донбасса активно влиял на ход выборов: сотрудникам настоятельно рекомендовали голосовать за конкретных кандидатов, а те слушались из страха потерять работу. «Депутатами [Рады и местных советов] в 1990-е и 2000-е по „заводским“ округам (*избирательные округа, на территории которых располагались крупные предприятия. — Прим. Kit*) чаще других становились заводские начальники», — вспоминает в разговоре с Kit украинский политолог и исследователь Донбасса Сергей Чебаненко. И по сей день Мариуполь возглавляет бывший топ-менеджер «Метинвеста» Вадим Бойченко, чья карьера связана и с «Азовсталью», и с меткомбинатом Ильича.

Бороться с конкурентами «заводским» кандидатам было нетрудно: всеми телеканалами и газетами в городе вплоть до российской оккупации управлял «Метинвест». Компания выстроила в Мариуполе квазифеодальную систему и фактически контролировала все стороны его жизни, рассказывает Kit мариупольская гражданская активистка и журналистка Анна Мурлыкина. «Все городское руководство было связано с „Метинвестом“, который не напрямую, а через родственников (*трудоустроенных на предприятиях „Метинвеста“.* — Прим. Kit) платил им деньги». Даже прием новых сотрудников в органы власти не проходил без одобрения кандидатур в офисе «Метинвеста», объясняет она.

[Евромайдан](#) и последовавшая за ним война [в Донбассе](#) неизбежно отразились на «Азовстали». После того как

территории самопровозглашенных ДНР и ЛНР оказались отрезаны от остальной Украины, завод потерял доступ к углю из шахт Донецкой и Луганской областей. Это привело к спаду производства, однако уже к 2016-му показатели были восстановлены. «Метинвест» [заявлял](#), что диверсифицировал свои поставки за счет угля из Канады, Австралии, Индонезии и России. Но звучали версии, что на самом деле корпорация Ахметова продолжает закупать уголь на оккупированных территориях.

В те годы Мариуполь остался под контролем украинского правительства, но именно в 2014-м, после [майских боев](#) за город между украинскими силовиками и пророссийскими сепаратистами, руководство завода [решило](#) обновить свои бомбоубежища, обеспечив их всем [необходимым](#) для длительной обороны. К сожалению, не напрасно.

Часть четвертая, в которой мы размышляем о будущем на руинах

Мариуполь [стал](#) одной из первых жертв полномасштабной российской агрессии. Уже весной 2022-го во время ожесточенных боев «Азовсталь» оказалась практически полностью разрушена. И свои убытки в Мариуполе

компания «Метинвест» [оценивает](#) во внушительные 10 миллиардов долларов.

Теперь юристы Рината Ахметова готовят иски против России в международных судах — но пока война не завершена, трудно оценить, смогут ли они добиться хоть какой-то компенсации. Город до сих пор оккупирован российской армией, однако в «Систем Кэпитал Менеджмент» Ахметова верят в победу Украины и возвращение Мариуполя под ее контроль — поэтому строят планы возрождения местного промышленного потенциала, для чего понадобится международная поддержка. «Нам однозначно потребуется беспрецедентная международная программа восстановления — [план Маршалла для Украины](#)», — [подчеркивает](#) бизнесмен.

Участники рынка даже говорят о желании СКМ в будущем объединить два крупнейших металлургических предприятия Украины — Мариупольский меткомбинат имени Ильича с «Азовсталью» — и сделать их производства [более экологичными](#). Пока это звучит фантастично, однако определенные наработки в этой сфере у предприятий Ахметова действительно были: до полномасштабного российского вторжения его структуры [вступали](#) в партнерские проекты по производству водородного топлива с немецкой *Siemens Energy*.

Впрочем, восстанавливать придется не только промышленный потенциал Мариуполя — сам город тоже. Это будет нелегко, но не стоит забывать, что после Второй мировой у Мариуполя и «Азовстали» уже был опыт

возрождения из руин. Причем тогда СССР [отказался](#) от иностранной помощи и достиг цели за счет одной лишь эксплуатации собственных граждан. При активной поддержке других стран и с использованием современных технологий заново отстроить город и завод Украине должно быть проще.

Но есть и альтернативный взгляд на будущее этой территории. Мариупольская экологическая активистка и журналистка Анна Мурлыкина считает, что после освобождения Мариуполю **совершенно необязательно оставаться промышленным центром**. «Он станет местом паломничества для „туризма скорби“. Люди со всей Европы захотят своими глазами увидеть, что такое современный нацизм», — уверена она. Для этого часть города должна быть законсервирована, а это, в свою очередь, могло бы дать импульс для развития туристической инфраструктуры и малого бизнеса, продолжает Мурлыкина.

Диверсификация экономики помогла бы изменить и общественно-политический образ города, считает активистка. Тем более что у Мариуполя есть позитивный опыт перемен: с 2014-го и вплоть до начала полномасштабной войны активность малого и среднего бизнеса в Мариуполе росла, а европейские инвесторы вкладывались в его развитие. «Если бы все программы, [запланированные](#) до 2030-го, продолжались, это был бы совсем другой город, на уровне польского Гданьска (*тоже портовый город и промышленный центр, которому удалось совершить скачок в экономическом развитии. — Прим. Kit*)», — говорит Мурлыкина. Но при этом признает, что в текущей ситуации трансформации Мариуполя может

не произойти никогда — и это будет город без работы, в котором никто не захочет жить.

Мнение, что нынешняя катастрофа — конец истории индустриального Донбасса, разделяют и в научном сообществе. Украинско-немецкий культуролог Александр Забирко, который [изучает](#) Донбасс и сравнивает его с аналогичными европейскими постиндустриальными регионами — германским [Руром](#) или польской [Верхней Силезией](#), — уверен, что будущего у индустриального Донбасса нет, но в одночасье изменить ментальность его жителей и элит сложно.

Летом 2022-го ученый общался с представителями нескольких немецких фондов, которые реализуют в Донбассе гуманитарные проекты, — например, [фонда имени Конрада Аденауэра](#), рассказал он *Kit*. Собеседники Забирко указывали на один важный момент: в то время как европейцы продвигали идею [постиндустриального региона](#), местные жители хотели говорить только о реиндустриализации Донбасса, надеясь на то, что ЕС будет вкладывать деньги в полуразрушенные заводы и шахты — «чтобы все опять дымил и коптило».

«Сомневаюсь, что европейские инвесторы захотят отстраивать монструозные советские комбинаты вроде северодонецкого „Азота“ или „Азовстали“, а их роль в восстановлении Украины будет ключевой», — заключает ученый.

><{{{._____)

Сегодня «Азовсталь», которая формировала центр жизни Мариуполя на протяжении последнего столетия, мертва. Но идентичность региона разрушить сложнее, чем завод или даже город, — часто она ретроспективна, то есть строится на памяти о прошлом, говорит Забирко. Например, в [Рурской области](#) Германии не осталось ни одной работающей шахты, но на уровне коллективных символов регион все равно видит себя «шахтерским».

Ученый допускает, что в будущем промышленный фактор вполне может утратить роль определяющего для формирования идентичности жителей Донбасса, а на первое место выйдут другие — национальный или идеологический. Однако многое будет зависеть от исхода войны, которой не видно конца.

Так что будущее Мариуполя, а вместе с ним и «Азовстали» теряется в тумане войны. На развалинах древнего города [хозяйничают](#) временщики из местных коллаборационистов и пришлых «комиссаров», а оккупировавшая эту территорию Россия [не собирается](#) восстанавливать завод. Сейчас [его руины](#) — памятник героическому сопротивлению украинцев и символ преступлений путинского милитаризма.

Константин Скоркин

Редактор: Елизавета Антонова

О РОССИИ

#04

16 ЧЕЛОВЕК В КУПЕ БЕЗ ОКОН. ПИСЬМО О ТОМ, КАК В РОССИИ ВОЗЯТ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Здравствуйте, меня зовут Ксения Миронова. Я журналистка, много лет пишу о политических заключенных в России. Для меня это не только профессиональная, но и личная тема: мой жених, журналист Иван Сафронов, [осужден](#) на 22 года якобы за госизмену (а по факту — за свои тексты о российском военно-промышленном комплексе).

Личная и профессиональная истории в моей жизни настолько переплелись, что вместе с изданием «Служба поддержки» и студией «Либо/Либо» мы запустили [подкаст](#) о близких политзаключенных «Времени больше не будет». Один из его недавних эпизодов посвящен тому, как российские заключенные «пропадают». Вот пример: с начала этого года и вплоть до марта ни я, ни родственники Вани не знали, где он находится. Причина простая — этап.

Официально этапирование — это путь осужденного (как правило, по железной дороге) в колонию, где он будет

отбывать наказание; а по факту — длительное изощренное издевательство. Неделями и даже месяцами заключенные ютятся по 12–16 человек в одном купе, не могут нормально поесть, получить медицинскую помощь и сходить в туалет. Все это время ни близкие, ни адвокаты не знают, куда везут человека, где он находится прямо сейчас, что с ним. Очень часто — именно так случилось с моим женихом — на этап отправляют перед длинными праздниками, чтобы СМИ и правозащитникам было сложнее привлечь к ситуации общественное внимание.

В этом письме я расскажу, в каких условиях заключенных через всю страну везут по этапу и почему именно он — одна из самых унижительных частей заключения. Возможно, сейчас вы задаетесь вопросом: «А зачем мне все это знать?» Не хочу вас пугать, но, к сожалению, эта информация теперь может пригодиться любому человеку, живущему в России.

В тексте больше 25 тысяч знаков, время на чтение — около 14 минут.

Несколько важных терминов →

Следственный изолятор, СИЗО — место содержания под стражей, куда помещают людей, обвиняемых в преступлениях (если так решил суд). СИЗО относится к ведению ФСИН — федерального органа, отвечающего за исполнение наказаний по уголовным преступлениям в

России. ФСИН, в свою очередь, подчиняется министерству юстиции.

Колония — закрытое учреждение для приговоренных к лишению свободы. Бывают исправительными (ИК — для взрослых) и воспитательными (ВК — для несовершеннолетних), а также разных режимов: общего, строгого, особого и колонии-поселения.

Передачи — продукты или вещи, которые близкие заключенных передают им в СИЗО или колонию. Передачи необходимы, потому что в заключении не всегда соблюдают нормы содержания — например, не выдают средства гигиены в нужном количестве или скудно кормят.

Вагонзак, он же вагон для перевозки спецконтингента — специальный вагон для перевозки подследственных и осужденных. Его неформальное название — «столыпинский» или просто «столыпин», потому что в вагонах такого типа еще в царской России перевозили крестьян в ссылку в сибирские и дальневосточные земли.

Пересыльная тюрьма — временное место заключения. Если расстояние от СИЗО до колонии большое, в пути заключенных могут помещать в промежуточные учреждения, в роли которых нередко выступают обычные СИЗО. В них организованы так называемые транзитные камеры, которые заметно отличаются от обычных. Они еще грязнее, с плесенью на стенах и потолках, порой с крысами и тараканами, а их обитателей нередко крайне плохо кормят.

Часть первая. Как арестанты готовятся к дальней дороге

И почему близкие «теряют» их

Одна из самых сложных вещей в заключении — изматывающий кафкианский быт, который, кажется, тянется бесконечно. Когда человека арестовывают, это чудовищно, но стремительно. И сам он, и его близкие постоянно чем-то заняты — общением с защитниками, судами, передачами. Но постепенно все замедляется, и арестованный погружается в липкое муторное существование: тесные замкнутые пространства, болезни, отсутствие нормального душа (в СИЗО разрешают мыться лишь раз в неделю).

Некоторые политзаключенные [говорят](#), что к плохим бытовым условиям привыкаешь, однако СИЗО — это только начало. Впереди дорога, которая станет едва ли не самым тяжелым испытанием на ближайшие годы, — этап.

Информацию об этапировании заключенных ФСИН [считает](#) секретной. Поэтому в какой именно день после вынесения приговора человека повезут из СИЗО в колонию и куда конкретно, заранее неизвестно. Правда, есть исключение — осужденные отбывать наказание в колонии-поселении, которым суд велел добраться до места самостоятельно.

Всем остальным стоит подготовиться к долгому непростому пути. Колония, в которую повезут человека, может находиться в одном из дальних регионов, и тогда этап займет недели, даже месяцы. Это время предстоит провести в по-настоящему спартанских условиях: в тесном замкнутом пространстве камеры-купе и переполненных транзитных камерах.

↘ Несколько слов об официальной стороне вопроса. Транспортировку осужденных к месту отбывания наказания в России регулирует [Уголовно-исполнительный кодекс](#), и этапу в нем посвящены несколько статей. Так, согласно статье 75 «Направление осужденных к лишению свободы для отбывания наказания», перед этапированием человек имеет право на короткое свидание с родственниками. А согласно статье 76 «Перемещение осужденных к лишению свободы», предельный срок содержания в транзитных тюрьмах не должен превышать 20 суток. Еще существуют стандарты перевозки заключенных, которые регламентируют условия содержания во время этапа, но о них мы расскажем ниже. Все эти нормы систематически не соблюдаются, и во время этапа с заключенными может произойти что угодно. Привлечь кого-то к ответственности за это будет чрезвычайно трудно, да и мало кто пытается.

Итак, суд наконец вынес приговор, а осужденный получил извещение о вступлении его в законную силу. В течение ближайших десяти дней за ним придут, чтобы увезти в одну

из сотен российских колоний, но в какой день и в какую колонию — можно лишь догадываться. Да, режим отбывания наказания прописан в приговоре суда, но конкретное учреждение выбирает Федеральная служба исполнения наказаний, и по каким критериям она это сделает, осужденный никогда не узнает. Сколько займет дорога? Будут ли остановки в пересыльных тюрьмах? По какому маршруту поедет состав? Ответы на все эти вопросы никто не даст — ни самим заключенным, ни их адвокатам и близким.

К этапу готовятся заранее — как правило, еще до оглашения приговора. Все необходимое для транспортировки родственникам арестанта предстоит собрать и отправить в СИЗО самостоятельно, но передача может попасть к нему не сразу, а этапируют порой стремительно. Без необходимых вещей человеку на этапе придется по-настоящему туго, поэтому тщательно спланированная подготовка чрезвычайно важна.

Для сбора на этап понадобится вместительная походная или спортивная сумка, обязательно без шнурков и не камуфляжной расцветки. Бывалые зэки советуют в первую очередь положить туда **еду**: чай, кофе, лапшу быстрого приготовления, сахар, сгущенку, майонез — в пути должны выдавать сухпак, но возможно всякое. На зону человек едет в своей одежде, поэтому **вещи по погоде** тоже понадобятся. И, конечно, **лекарства** — из-за плохих условий (изматывающая жара, пронизывающий холод) на этапе часто болеют. В аптечку стоит купить обезболивающие, жаропонижающие, бинты и пластыри, средства от расстройства желудка и другие препараты —

в зависимости от состояния здоровья и потребностей этапируемого. Правда, лекарства у него отнимут и будут выдавать в пересыльных тюрьмах с разрешения местного врача (и то не факт).

На этом список необходимого заканчивается — по прибытии в колонию вещи заключенного все равно отберут «на хранение» до дня освобождения. Оставить разрешат лишь фотографии, письма и книги, но если их и стоит брать с собой, то в ограниченном количестве. На протяжении этапа — а ведь он может быть очень долгим — заключенному придется тащить свои вещи на себе, и чем легче поклажа, тем лучше. Хотя не стоит забывать и о том, что сумка — все, что будет у человека в любых непредвиденных ситуациях, поэтому собрать ее — настоящая задача на сообразительность. Например, Иван Сафронов перед этапом начал отправлять назад присланные ему письма, которых за несколько лет скопилось несколько килограммов.

Что увезти с собой точно не получится, так это **мобильный телефон и часы**. Любые попытки провалятся с очень высокой вероятностью: на каждом этапе пути заключенных выводят из вагонзак и тщательно обыскивают, причем процесс может продолжаться несколько часов и даже весь день. Порой такие обыски отчетливо напоминают пытки. «Они берут грелку, к ней присоединена длинная трубка, которую засовывают вам сзади (*в анальное отверстие*. — *Прим. Kit*), а потом они резко наступают на грелку», — [вспоминает](#) бывший заключенный Александр Мельников о произошедшем с ним в красноярской пересыльной тюрьме. Обнаружение «запрещенных» предметов в ходе обысков

может негативно повлиять на возможность досрочного освобождения.

Так что во время этапа у заключенного не будет возможности связаться с внешним миром (это же российская тюрьма). Но, конечно, иногда все-таки удается (это же российская тюрьма). Например, можно попытаться договориться с конвоиром о звонке или сообщении близким — так [сделал](#) оказавшийся в российской колонии украинский предприниматель Александр Марченко. Но это редкий случай, и мотивы конвоиров трудно предсказать: кто-то согласится из жалости или за взятку, большинство же откажется наотрез. Такая услуга может дорого им обойтись: по словам супруги Александра Марченко Екатерины, когда о случае с ее мужем узнали, всю смену конвоиров уволили. Еще можно попробовать отправить письмо из пересыльной тюрьмы — это [удалось](#) бывшему директору «Открытой России» Андрею Пивоварову. Вот, пожалуй, и все.

В вечер перед этапом осужденного «заказывают» — в камеру приходит сотрудник ФСИН и велит собираться. Но бывает, что об отъезде сообщают непосредственно перед этапом — так [было](#) с осужденным по [«московскому делу»](#) активистом Константином Котовым. В общем, после приговора вещи лучше держать хотя бы частично собранными.

И есть еще две популярные рекомендации: не есть и не пить накануне отъезда, а также приготовить пустую пластиковую бутылку. Дело в том, что в вагонзаках заключенных подолгу не выпускают в туалет.

Часть вторая. Как осужденных неделями возят по этапу

И как выглядит вагонзак изнутри

Этап стартует в 05:00, перед раздачей сахара и хлеба, — с этой процедуры в СИЗО начинается новый день. Как [рассказывает](#) фигурант «болотного дела» Алексей Полихович, этапируемого сперва сажают в «сборку» — большую камеру без кроватей (и, как правило, вообще без возможности присесть), где обычно очень грязно и накурено. «Там проводят несколько часов, после чего в „сборку“ приходит сотрудник, называет твою фамилию и ведет тебя с вещами на обыск. После этого всех с вещами набивают в специальный автозак ФСИН. Иногда отправления приходится ждать часами», — описывает процедуру он.

ФСИН возит заключенных по всей стране — в одиннадцати часовых поясах и на тысячи километров. Для этого в распоряжении службы — специальные подразделения конвоиров, автомобили и спецвагоны для перевозки заключенных. Прицепляются такие вагоны к обычным пассажирским составам, поэтому заключенных этапируют в колонии сложными маршрутами — все зависит от наличия подходящих поездов и их расписания.

На железнодорожный вокзал осужденных везут в стандартных автозаках, хорошо знакомых участникам протестных митингов. Этапируемые в автозаке пристегнуты друг к другу наручниками. Когда машина останавливается и конвоиры дают команду, нужно схватить свои вещи и бежать прямо к вагону, не поднимая головы. Полихович описывает переход из автозака в поезд как «отдельный ***** (кошмар. — Прим. Kit)»: «Все как в кино: собаки лают, фсиновцы орут. Ты сам бежишь с баулами в руках, в наручниках, пристегнутый к другому человеку. Одна сумка за спиной, другая в руках. Бежишь, не поднимая головы, на отдельную платформу на каких-то задворках, куда заезжает автозак. Так вас загоняют в специальный вагон».

Такой [вагон](#) отличается от обычных: в нем мало окон, а те, что есть, снабжены решетками, поэтому он немного похож на багажный. Внутри вагончика обустроены камеры, отдаленно напоминающие обычные пассажирские купе. Вместо раздвижных дверей — решетки, вместо мягких спальных полок — жесткие трехъярусные нары. Окна в каждой камере заделаны, поэтому свет проникает внутрь только из коридора.

↘ Пространство вагона для перевозки спецконтингента разделено на три-четыре маленьких камеры и пять больших, которые почти не изменились с советских времен. Площадь больших камер — 3,5 квадратного метра, это размер обычного пассажирского купе. Только живут здесь не четыре человека, а минимум 12 — показатель [утвержден](#) национальными нормами по перевозке заключенных,

изложенными в совместном приказе Минюста и МВД 2006 года. Если время в пути составляет меньше четырех часов, разрешается поселить в большую камеру аж 16 человек. Чтобы все поместились, предусмотрена так называемая седьмая полка — что-то вроде доски, которая перекидывается между двумя средними нарами, из-за чего в камере-купе невозможно стоять в полный рост, только лежать вповалку или стоять скрючившись. Теснота усугубляется тем, что внутри нет багажных полок (они отданы под нары), а все вещи заключенные должны держать при себе.

Но переполненность камер не единственная проблема вагонзакон. Две другие — ужасные бытовые условия и крайне жесткая дисциплина. Так, чтобы выйти в туалет, придется отпроситься у конвоиров. Но особо суровые не реагируют на просьбы, и тогда-то и пригодится пустая пластиковая бутылка. Один из бывших сидельцев [вспоминает](#): «Ни в одном „столыпине“ из тех, на которых я ехал — а повидал я их немало, — в туалете не было воды в раковине... Полная антисанитария».

А вот как о своем этапе [пишет](#) фигурант дела «Сети» Виктор Филинков — молодого человека везли из Петербурга в оренбургскую колонию 45 дней с остановками через Вологду, Киров, Екатеринбург и Челябинск. Кипяток в вагонзакон, по словам Филинкова, давали четыре раза в день — и столько же разрешали ходить в туалет (строго по часам в 06:00, 12:00, 18:00 и 00:00). «Дополнительно

сходить (в туалет. — Прим. Kit) почти нереально, бывалые берут с собой бутылку... В зависимости от вагона в окно видно либо ничего, либо немного», — писал он, отмечая, что шконки в «столыпине» — обычные крашенные доски, которые «попу и бока арестантов не щадят». Свое письмо Филинков заканчивает стихами: «А я посылка // Мой почтальен в бронезилете // Я ссу в бутылку // Воды прошу... Мне не ответят // Вагон — корыто // Подмерзнув, ерзаю я в плеле // Окно закрыто // И по платформе ходят дети» (орфография и пунктуация автора сохранены).

Этапируют заключенных **без постельного белья**, порой не давая им даже умыться. Вот еще один [рассказ](#) — одного из обвиняемых по [«делу Олега Сенцова»](#) Геннадия Афанасьева. «Мы четыре дня ехали в Самару без постельного белья, в одной и той же одежде, без всего. Они не давали нам даже возможности почистить зубы, — вспоминает он. — Было сорок градусов, а в баке и в туалете не было воды. Сорок градусов! Поезд остановился, и подъехала пожарная машина. Она облила „столыпин“ водой — его весь окутал пар. Через пятнадцать минут мы снова начали задыхаться. Это просто железная коробка».

В одном «столыпине» могут находиться люди разных гендерных идентичностей, совершившие преступления разной степени тяжести и отправленные в колонии разных режимов. Да, заключенных стараются «сортировать» по камерам-купе, но обычный неплательщик алиментов здесь все равно может ехать бок о бок с рецидивистом — в вагонзаке все равны. Тщательно изолируют лишь тех, кто осужден на пожизненное лишение свободы, — для них

организованы специальные купе с глухими металлическими панелями на дверях вместо решеток, где всегда темно.

Уже через несколько часов пути обитатели вагонзака постепенно погружаются в состояние полной дезориентации и даже сенсорной депривации: их везут неизвестно куда, по неизвестно какому маршруту; что за окном — не видно, сколько времени — непонятно. Пытка неизвестностью будет длиться долгими днями, которые сольются в один, — и продолжится после прибытия в колонию. Там человека поместят на карантин, во время которого все еще нельзя звонить близким, писать и получать письма.

Сперва заключенных бреют налысо (женщин — нет), затем душ и изоляция. Помещение для карантина — это камера четыре на четыре метра, [говорит](#) активист Алексей Романов, отбывавший наказание в Глубокской колонии № 13. К полу такой камеры прикручены стол и железные двухъярусные кровати, а отопление почти не работает. Внутри установлены видеокамеры, и два раза в день сотрудники ФСИН осматривают помещение.

Официально смысл карантина чисто гигиенический: проверка на болезни после долгой дороги, дезинфекция вещей. Но как [рассказывают](#) бывшие заключенные, есть у него и другая важная функция — приучить человека к порядку, господствующему в ИК. Это что-то вроде курса молодого бойца: всего за несколько дней новоприбывший узнает основную информацию о колонии и о том, как здесь нужно себя вести (крайне послушно) — если вдруг не понял, пока ехал.

Часть третья. Почему этап в России именно такой

И есть ли надежда, что это когда-нибудь изменится

Перевозка заключенных к месту отбывания наказания в бесчеловечных условиях не исключительно российская проблема. В своем докладе 2017 года «Этапирование заключенных в России: путь в неизвестность» международная правозащитная организация *Amnesty International* [отмечает](#), что стандартам Совета Европы также не соответствуют этапы в целом ряде развитых государств вроде Франции, Испании и Великобритании, а также в Украине, Венгрии и Литве. Однако именно в России условия транспортировки особенно жесткие — потому что дополнительно усугубляются традициями, которые складывались веками, и огромными расстояниями.

Практика отправлять заключенных в отдаленные регионы страны [восходит](#) еще ко временам империи — именно тогда в России окончательно установилась пенитенциарная культура, соединяющая в себе **тюремное заключение и ссылку**. А от советского ГУЛАГа система ФСИН унаследовала сеть исправительных колоний, многие из которых находятся в малонаселенных частях страны — например, на Крайнем Севере или Дальнем Востоке, —

потому что когда-то они использовались как трудовые лагеря, где работали на добыче сырья.

При этом нельзя сказать, что с точки зрения современных условий колонии расположены логистически эффективно: в густонаселенной Московской области работает лишь шесть пенитенциарных учреждений, отмечает *Amnesty International*, в то время как в Республике Коми их целых 13. Здесь кроется одна из причин, по которым людей гонят по этапу через всю страну. Другая, считают правозащитники, — желание руководства ФСИН дополнительно наказать таким образом заключенного, а вместе с ним и его близких.

↘ Конечно, официально отправлять людей «в ссылку» сегодня нельзя: согласно Уголовно-исполнительному кодексу, заключенные должны отбывать наказание «в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены». Однако вместе с тем закон предусматривает сразу несколько исключений из общего правила. Человека могут отправить в другой регион «по состоянию здоровья или для обеспечения его личной безопасности», при отсутствии свободных мест в колонии поблизости, а также в том случае, если он или она осуждены за особо тяжкое преступление — к таким, например, относятся торговля людьми, терроризм, организация экстремистского сообщества и государственная измена (скажем, журналиста Ивана Сафронова увезли за четыре с лишним тысячи километров от Москвы — в Красноярск).

Проще говоря, исключением может стать каждый — именно поэтому россиян сплошь и рядом отправляют по этапу за тысячи километров от их домов и семей.

Особенно остро эта проблема стоит для женщин. Дело в том, что их могут разместить далеко не везде: в колонии должен быть организован женский блок. *Amnesty International* указывает, что из 760 российских пенитенциарных учреждений размещение женщин предусмотрено лишь в 46 (данные за 2017 год). Также правозащитники приводят статистику — правда, довольно старую, за 1999-й, — согласно которой 12% всех российских заключенных содержались под стражей не в регионах прописки или проживания, но для женщин показатель составлял целых 44%.

«В результате у женщин больше шансов подвергнуться длительному этапированию в исправительные колонии», — пишут в *Amnesty International*, подчеркивая при этом, что объективные факторы здесь — далеко не единственная причина. В доказательство в докладе приводится история 25-летней уроженки Дагестана Саиды Халиковой, которую суд отправил отбывать наказание в Волгограде несмотря на то, что в ее родной республике есть своя женская колония.

По [мнению](#) юриста Эрнеста Мезака, решение отправить того или иного заключенного в отдаленную колонию принимается **абсолютно произвольно**, и это не только усложняет жизнь заключенным и их семьям, но и

усугубляет проблему коррупции. По [словам](#) сразу нескольких адвокатов и бывших заключенных, для того чтобы попасть в колонию ближе к дому, порой достаточно дать взятку сотрудникам ФСИН.

Как видно, долгие поездки и полное отсутствие возможности связаться с внешним миром во время этапа — не какие-то особенные меры, которые применяются в качестве дополнительного наказания только к известным политэкам, особенно разозлившим режим. Это стандартная практика для всех, но в случае с политзаключенными она применяется еще и в качестве мести — и одним из примеров может послужить история украинского общественного деятеля Геннадия Афанасьева, одного из обвиняемых по [делу Олега Сенцова](#). Сперва Афанасьев согласился дать показания против режиссера, но в суде отказался от них, заявив, что его угрозами вынудили сделать это. После суда Афанасьева буквально сослали, отправив отбывать наказание за 2500 километров от его родного Симферополя — в Сыктывкар.

Максимальная изоляция заключенных от близких и адвокатов во время этапа — тоже практика, сохранившаяся со времен ГУЛАГа. Оставить это наследие позади важно не только из гуманных соображений, [настаивают](#) правозащитники, но из чисто практических: бесчеловечные условия содержания в комплексе с социальной депривацией значительно снижают шансы заключенных на реабилитацию. Человеку, однажды оказавшемуся в российскую исправительной системе, после освобождения сложно вернуться к «обычной» жизни: заключение становится глубокой психологической травмой.

Этап в его нынешнем состоянии правозащитники приравнивают к насильственному исчезновению. Чтобы хоть отчасти решить эту фундаментальную проблему, в основе которой множество структурных, исторических и коррупционных факторов, эксперты *Amnesty International* [предложили](#) российским властям комплекс самых разных мер. Среди них как довольно косметические вроде общественного надзора за соблюдением действующих норм законодательства и снятие секретности с процесса этапирования, так и более радикальные. Например, Кремлю рекомендовали построить в России больше тюрем, а также реформировать Уголовно-исполнительный кодекс, ограничив максимальный срок этапа семи днями.

Общая цель предложенных мер состояла в том, чтобы наделить заключенных примерно теми же основными правами, что и у всех остальных, — при известных ограничениях, разумеется, которые диктует ситуация заключения. Например, согласно [статье 8 Европейской конвенции по правам человека](#), «каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции». Но ни одним из этих предложений российские власти тогда всерьез не заинтересовались, а уже в 2022 году Госдума в третьем чтении [приняла](#) закон, который останавливает действие международных договоров Совета Европы на территории России. Уничтожение пережитков системы ГУЛАГа вновь откладывается на неопределенный срок.

Родственники любого осужденного при этом могут [попросить](#) направить его в колонию рядом с местом их проживания. Такое заявление разрешается подать как во

время пребывания человека в СИЗО, так и уже после начала этапа. Правда, здесь есть две проблемы. Первая — такие просьбы не так уж часто удовлетворяют. И вторая — если все-таки ФСИН даст согласие, заключенному вновь предстоит отправиться в путь по этапу.

><{{{._____)

Я рассказываю о российских колониях и заключенных постоянно. Не только в своей журналистской работе, но в неформальном общении — друзьям, близким и приятелям. И мне все время кажется, что я говорю об очевидных, всем известных вещах — но постоянно оказывается, что эти «очевидные вещи» почти никому не очевидны.

Люди в России страшно боятся тюрьмы — и, вероятно, именно поэтому ничего не хотят знать о ней, бесконечно успокаивая себя фразами вроде «Со мной этого точно не случится» или «Туда попадают только маргиналы». Но — и я готова повторять это снова и снова — угодить в российскую пенитенциарную систему может буквально любой, причем для этого не обязательно даже быть гражданином страны. Вспомните американскую баскетболистку Бриттни Грайнер, которая почти год [провела](#) в заключении на территории России — сначала в СИЗО, а потом в исправительной колонии.

Раньше, приходя в суд по политическому делу, я знала почти всех журналистов, активистов и родственников заключенных — это был по-настоящему узкий круг.

Сейчас, даже постоянно занимаясь проектом, посвященным родственникам политзэков, я не смогу перечислить всех — настолько их теперь много.

Ксения Миронова

Редактор: Анна Чесова

#05

«ИЩУ ДЕВОЧКУ 13 ЛЕТ».

КАК КИБЕРГРУМЕРЫ СОВРАЩАЮТ ПОДРОСТКОВ

(-_-)...⁹(—__—)⁶ Привет, это журналистка Рита Алехина, больше 10 лет я пишу об уголовных делах и работе правоохранительных органов.

В криминологии есть термин — [латентность](#). Этот параметр отражает, насколько та или иная категория преступлений скрыта от общества — и насколько эффективно на нее реагируют власти. Одними из самых высоколатентных [считаются](#) преступления, связанные с сексом.

А сексуализированные преступления против детей, по мнению исследователей, имеют «[беспрецедентно высокий](#) уровень латентности».

Возможно, именно поэтому даже я до недавнего времени не слышала о кибергруминге — так называется сексуализированная эксплуатация детей и подростков онлайн. Кибергрумер втирается в доверие ребенку, а потом провоцирует его на обмен контентом интимного характера, иногда предлагая за это деньги. Начаться такое общение

может с совершенно невинной переписки в любой соцсети, игровом или даже школьном чате — и постепенно перерасти в то, что нанесет психике ребенка непоправимый вред. Кроме того, такое общение может [перетечь](#) в офлайн и даже привести к физическому контакту.

В какой момент кибергруминг стал большой проблемой — и почему мы ее не замечаем? Кто эти люди, которые «охотятся» за детьми в интернете? И почему правоохранительные органы не взялись за это явление, они ведь теперь прекрасно умеют выслеживать людей? На все эти вопросы я отвечу в своем письме.

В тексте почти 29 тысяч знаков, время на чтение — около 19 минут.

Глава первая. Как за подростками «ухаживают» в интернете

Десять лет назад доктор философии Себастьян Вакс (в то время — научный сотрудник Университета Бремена) решил провести опрос среди немецких подростков. Как ученый он

активно изучает молодежь — в контексте семьи, школы, современной культуры. В 2013-м Вакс захотел узнать, часто ли с немецкими подростками в интернете знакомятся взрослые люди, чтобы втереться в доверие и завести интимную переписку. [Оказалось](#), с чем-то подобным имели дело 111 из 600 опрошенных — **каждый шестой**.

Термин «кибергруминг» появился [еще в нулевые](#) — как раз когда начал бурно развиваться интернет и появились социальные сети. Вообще, английское слово *grooming* нейтральное, оно означает заботу (и именно так, например, называются процедуры по уходу за домашними животными). Но есть у него и куда более зловещее значение — «романтические ухаживания» взрослого за подростком, чтобы установить доверительные отношения и вступить в половую связь.

Если «ухаживания» происходят в интернет-переписке — это и есть кибергруминг. Себастьян Вакс [характеризует](#) его как «установление доверительных отношений между малолетними и, как правило, взрослыми людьми с использованием информационных технологий с целью систематических домогательств и сексуальной эксплуатации ребенка».

Типичного кибергрумера Вакс описывает как взрослого человека, который старше ребенка минимум на семь лет — и который долго втирается в доверие. «Сначала кажется, что кибергрумеры интересуются повседневными проблемами [ребенка]. Но через какое-то время они начинают проявлять интерес к сексуальным темам: обмену фантазиями или обнажению на камеру. Кроме того,

кибергрумер часто пытается встретиться [с ребенком] в реальной жизни», — пишет Вакс, отмечая, что у девочек риски стать объектом таких «ухаживаний» вдвое выше, чем у мальчиков.

С тех пор как Себастьян Вакс проводил свое исследование, у кибергрумеров появились дополнительные возможности для общения с подростками онлайн: виртуальных площадок сейчас больше, чем в 2013-м, а интернет есть буквально везде. Никаких ограничений: написать можно кому и когда угодно, придумав себе любую идентичность, чтобы общение выглядело безопасным. Например, втереться в доверие к девочке-подростку, выдавая себя за такую же девочку, как она.

«В онлайнe обмануть легко, — объясняет в разговоре с *Kit* психолог центра „Сестры“ Марина Эрлих. — Скажем, написать, что тебе не 50 лет, а 15, фотографию при этом можно поставить любую. Сначала [кибергрумеры] ищут общие интересы [с детьми и подростками]. Потом могут последовать какие-то комплименты, восхищение». Со временем взрослый начинает подчеркивать исключительность ребенка. Якобы этот подросток особенный, не такой, как все: «Только ты меня понимаешь», «Только тебе я могу доверить свой секрет, а ты доверь мне свой».

Как и в офлайне, [авторы](#) онлайн-насилия зачастую пытаются постепенно дистанцировать подростка от привычного ему круга общения, продолжает координатор организации «Тебе поверят» Ксения Шашунова. Главный риск для кибергрумера — родители, поэтому в разговоре

появляются фразы вроде «Ты уже взрослый, родители тебя не понимают, наплюй на них». Но и друзья ребенка могут помешать «ухаживанию», поэтому, если с ними есть какие-то проблемы, злоумышленник этим воспользуется, попробует раздуть конфликт. В результате спустя время оказывается, что онлайн-собеседник с подставной аватаркой — единственный человек, с кем ребенок поддерживает доверительный диалог.

Где-то в этот период кибергрумер и может начать озвучивать просьбы сексуализированного характера — например, чтобы подросток **сфотографировался без одежды, снял интимное видео, ответил на откровенные вопросы**. Зачастую даже если ребенок чувствует дискомфорт от таких просьб, он все равно выполняет их — ведь просит онлайн-друг, с которым установились близкие отношения, и эту связь страшно потерять. «Понятно, что если у ребенка нет друзей в реальности, если ни с кем нет доверительных отношений, если ему не от кого получить понимание и поддержку, некому пожаловаться на жизнь, на гадкого соседа по парте или учительницу в школе, то онлайн-друг — очень большая ценность. Для него можно сделать все», — говорит Марина Эрлих.

Тем более что сначала все может звучать как шутка или приглашение к игре, продолжает Ксения Шашунова. Например, кибергрумер пишет: «Давай для прикола сфотографируемся без футболок!» Просьбы идут по нарастающей: требуются все более откровенные фото, затем видео. Когда подросток отказывается, «друг» уговаривает, манипулирует, давит на жалость и чувство вины. Если это не работает, могут начаться угрозы. «Я

знаю, где ты живешь и кто твои родители». «Я расскажу им, о чем мы тут с тобой общались». «Я покажу фотографии, которыми мы обменивались, всему твоему классу».

Пугаясь, подросток поддается шантажу — и так может продолжаться очень долго. Некоторые кибергрумеры в какой-то момент делают попытки вывести общение за пределы интернета. Начинают звучать просьбы встретиться — погулять, посмотреть вместе кино, попить кофе, — которые тоже могут переходить в угрозы и явный шантаж.

Иногда кибергрумеры действуют через посредников — других подростков, которые помогают установить связь с объектом «ухаживаний». «Эти подростки могут быть предыдущими жертвами кибергрумера. Или для них это [заманивание новых жертв] просто **легкий способ заработка**, который подростки нашли, не вполне понимая — или понимая, — какая ответственность за этим стоит», — говорит Шашунова.

Впрочем, сами объекты «ухаживаний» иногда тоже зарабатывают деньги на общении с кибергрумерами. Существуют даже чаты знакомств, где публикуются объявления взрослых «друзей», готовых платить детям и подросткам за разные виды «услуг» — от сексуализированных фото и видео до непосредственно полового контакта.

В основном адресаты объявлений там — девушки («Ищу пошленькую девочку 13-14 лет для интим фото^^»), но есть и кибергрумеры,

которые интересуются мальчиками. «В поиске парня до 14 лет. Ищу парня который готов делать фото и видео 18+ характера) Тебе до 14 лет) Ты в идеале GEY (*автор неправильно пишет английское слово gay, то есть „гей“.* — Прим. Kit), но если ты не GEY, но готов, то все ОК! Я готов платить 1000 rub в день!! За ноябрь отдал более 100 000 rub. Докажу!!» — пишет один из участников такого чата. Сообщение частично написано танцующими цветными буквами для привлечения внимания.

«Подростки могут писать [в ответ на такие сообщения] из любопытства. Им может казаться, что это возможность получить новый опыт, что это выгодно да еще и весело. Но они не всегда могут правильно оценить риски — как, собственно, и в любых других ситуациях», — рассуждает Ксения Шашунова из «Тебе поверят». В этом возрасте человеку вообще тяжело «отличить адекватное сообщение о работе от какого-то мошеннического», объясняет она, поэтому «неинформированные подростки часто могут вписаться в какую-то опасную схему, связанную, например, с проституцией».

В своем исследовании 2013 года доктор философии Себастьян Вакс тоже указывал, что объекты кибергруминга не всегда те, кого обманывают и шантажируют. Ссылаясь на [данные](#) своих коллег из США, Вакс писал, что некоторые подростки осознают — они общаются со взрослым, который имеет сексуальный мотив по отношению к ним, но при этом все равно поддерживали переписку.

В этих случаях кибергрумеры, по сути, эксплуатируют «нормальный пубертатный интерес к сексу», констатировал ученый.

«У подростков ощущение риска совсем другое. Они обычно ощущают себя сверхлюдьми: сверхсильными, суперконтролирующими. Подросток думает: „Ну что мне сделает какой-то дядя через интернет?“» — комментирует Шашунова. Но потом, продолжает она, этот дядя знает о подростке так много, что получает возможность не просто манипулировать, а даже управлять им. Причем оказаться в такой ситуации может ребенок любого уровня развития и какой угодно социальной среды — в том числе дети из вполне благополучных семей, подчеркивает она.

Глава вторая. Где обитают кибергрумеры

Кибергрумминг все больше распространяется вместе с ростом пользовательской активности в сети, рассказывает Ксения Шашунова из «Тебе поверят». «С каждым годом дети начинают выходить в интернет все раньше, и сейчас активными пользователями сети становятся совсем маленькие — риски [стать жертвами кибергрумминга] растут пропорционально», — говорит она.

Ситуацию дополнительно усугубила пандемия. Тогда дети сидели дома практически круглые сутки, и интернет стал единственным доступным каналом коммуникации как по учебе и внеклассным занятиям, так и для общения с друзьями. За это время количество преступлений в виртуальном пространстве существенно [возросло](#), однако оценить масштабы распространения конкретно кибергруминга невозможно — ни в статике, ни в динамике. Из разговоров с подростками специалисты знают, что проблема есть, но проанализировать явление сложно — оно находится **в глубокой тени**.

Интернет-общение ребенка допубертатного возраста родители еще могут как-то контролировать, говорит Ксения Шашунова, но переписки подростка — уже вряд ли: «Во-первых, это не то чтобы правильно [с этической точки зрения]. Во-вторых, такой возможности [чисто технически] зачастую нет». При этом встретить кибергрумера можно где угодно. Они присутствуют во всех соцсетях и мессенджерах, которыми пользуются дети: *Tiktok*, *Likee*, «ВКонтакте», *Telegram*. Во «ВКонтакте», например, это может быть паблик, посвященный любимой музыкальной группе, или чат при популярной компьютерной игре. Так «ухажеру» даже не приходится угадывать интересы подростка — они на поверхности, и их можно обсуждать бесконечно, узнавая все больше и больше.

«В нашей практике был случай, когда знакомство произошло в школьном чате. У постороннего взрослого была ссылка на доступ к этому чату, по которой он присоединился к группе и познакомился с ребенком, после чего они перешли в личную переписку», — рассказывает

Шашунова. Среди всех возможных платформ сложно выделить какой-то один ключевой источник опасности. Но рисков для ребенка больше там, где сохраняется анонимность, например в игровых чатах.

Теоретически администраторы соцсетей способны отслеживать контент, который лежит в открытом доступе и связан с детской порнографией или любым другим сексуализированным использованием детей. «А те из них, кто включен в реестр соцсетей, например *Telegram*, который в реестре с осени 2021 года, — даже **обязаны это делать**», — говорит руководитель проекта «Сетевые свободы» Дамир Гайнутдинов. Детская порнография и объявления с призывами к детям создавать ее подпадают под [статью 15.1](#) «Закона об информации», объясняет юрист, — это значит, что Роскомнадзор должен такой контент выявлять и блокировать. Помочь в этом могут, кстати, сами пользователи: в том же телеграме, например, есть опция пожаловаться на плохое обращение с детьми, указывает эксперт.

Правоохранительные органы при желании могут идентифицировать пользователей соцсетей и мессенджеров, которые публикуют подобные сообщения с анонимных аккаунтов, говорит Гайнутдинов. Точно их методы оперативной работы мало кто знает — потому что они относятся к гостайне. «Но, например, административных дел, по которым привлекают к ответственности пользователей разных сервисов, включая *Telegram*, идентифицируя админов и участников чатов, полно», — напоминает Гайнутдинов.

Тем не менее *Kit* без труда нашел в соцсетях сразу несколько групп с детским порнографическим контентом, а также призывами к подросткам обмениваться интимными фото и видео. Причем эти группы и посты в них оставались активны на протяжении нескольких последних месяцев. *Kit* направил запросы в Следственный комитет, МВД, Генпрокуратуру и Роскомнадзор — а также в пресс-службы *Telegram* и «ВКонтакте». Все они остались без ответа.

Глава третья. Как общение с кибергрумером меняет ребенка

Рассказывая о растлении — своеобразном процессе, при котором у ребенка формируется интерес к сексу за счет внешнего влияния, — сексолог Дмитрий Орлов подчеркивает, что психиатры, как правило, используют это понятие только по отношению к детям допубертатного возраста. Речь о ситуации, говорит он, когда у ребенка еще нет интереса к интимной стороне жизни — но растлитель так взаимодействует с ним, что создает такой интерес искусственно.

Отражаться на детях это может по-разному — в зависимости от их возраста, темперамента,

личных обстоятельств и деталей произошедшего. Но в целом, констатирует сексолог, опираясь на собственный профессиональный опыт, растление наносит детской психике большой вред, который в некоторых случаях необратим. Все цели, все внимание и весь интерес ребенка могут сосредоточиться на искусственно сформированной потребности, а все прежние игры и увлечения стать куда менее значимыми. Так жизнь ребенка буквально делится на до и после — до встречи с растлителем и после нее.

Вовлечение в сексуализированные отношения подростка, у которого частично или полностью сформировалось либидо, специалисты растлением уже не называют, продолжает Орлов, но это отнюдь не значит, что общение с грумером не отражается на подростках. Отражается — причем даже если не было встречи в реальной жизни и физического контакта.

Ксения Шашунова из «Тебе поверят», которая активно работает с пострадавшими от кибергруминга подростками, отмечает, что последствия для них могут быть очень разными. Кто-то воспринимает случившееся лишь как дурацкое и некомфортное общение — особенно если история была короткой, к ней быстро подключились родители и поддержали ребенка. Однако далеко не всегда все так легко, и подросток тоже может столкнуться с серьезными психологическими трудностями.

↘ **Проблемы с доверием.** Ситуация, когда онлайн-друг оказался не тем, за кого себя выдавал, — серьезный подрыв доверия. Ребенок может перестать доверять людям и еще долго не чувствовать себя с ними в безопасности. Существуют риски, что ему будет тяжело строить отношения с друзьями, а затем с романтическими партнерами — потому что он все время будет ждать подвоха.

↘ **Проблемы с восприятием тела.** Развитие сексуальности — деликатный процесс. Когда взрослый с сексуализированным интересом грубо в него вторгается — это серьезное нарушение границ. А комментарии, которые отпускает «ухажер» о теле ребенка, «просто врезаются в мозг», говорит Ксения Шашунова. «От такого искаженного взгляда потом очень тяжело уйти. Ребенку кажется, что это [объективная] правда и только так на него и можно смотреть», — рассказывает она.

↘ **Чувство вины и одиночество.** Часто подросток, ставший объектом «ухаживаний», думает, что такое могло случиться только с ним. Его начинает буквально съедать стыд — за то, что «ввязался в подобную историю», что «вовремя не остановился». Вообще, стыдом сопровождается любое сексуализированное насилие, но в случаях, когда все происходит онлайн, есть свои особенности: ребенку стыдно, что он активно участвовал в произошедшем. Он отвечал кибергрумеру, фотографировал себя, включался в откровенные обсуждения. К тому же все эти материалы могут потом где-то всплыть — когда ребенок это понимает, он нередко приходит в ужас. Стыд может накрыть такой, что подросток

замыкается в себе, не идет ни с кем на контакт, чувствуя себя «не таким» и «грязным».

В случае если общение с кибергрумером перешло в офлайн и произошел физический контакт в той или иной форме, вред психике ребенка может быть еще более глубоким. Порой у детей развивается комплексное посттравматическое стрессовое расстройство — тяжелое состояние, при котором человек переживает депрессию, испытывает большие трудности в общении, страдает от суицидальных мыслей. Иногда это выливается в тревожность, расстройства пищевого поведения, [деперсонализацию](#), [самоповреждение](#) (селфхарм) и отсутствие телесных ощущений — человек не замечает, что замерз, проголодался, порезался, рассказывает психолог центра «Сестры» Марина Эрлих.

Даже в том случае, когда оба — взрослый и подросток — воспринимают отношения как добровольные, как любовь и страсть, риски все равно есть, рассказывает клинический и социальный психолог Евгений Сапрыкин из *Mental Health Center*. «Ведь на ребенка налагается груз секретности, непонятности, неопределенности, — объясняет он. — Ему сложно кому-то рассказать, что происходит в этих отношениях, ему сложно понять, что справедливо в отношении него, а что нет, сложно постоять за себя, удержать свои границы, управлять тем, что происходит. Многие затем переосмысливают произошедшее, обнаруживают несправедливость и злоупотребления в отношении них и **получают вторичную травму**».

Кроме того, нередко в подобных отношениях подростки не готовы к сексу в принципе — даже если формально согласны. «Если взять условный случай, когда девочке 15 лет и мужчина как-то ее подготовил, была прелюдия, болевые ощущения максимально снижены — может не быть „настоящего“ возбуждения. Будет то, что специалисты называют [дискордантным возбуждением](#). То есть чисто механическая реакция организма: хирург бьет молоточком по коленке — нога двигается», — добавляет Марина Эрлих из центра «Сестры».

Сексуальные отношения подразумевают партнерство, равенство и информированное согласие, говорит она. «Даже когда подросток согласен — понимает ли он, на что он дает согласие? Он ребенок: у него меньше жизненного опыта, он меньше осведомлен об этой сфере взрослой жизни, у него нет четкого понимания, что хорошо и что плохо. И там не может быть равенства», — настаивает Эрлих.

По ее словам, в подобных неравных отношениях взрослый так или иначе [объективирует](#) ребенка, то есть как бы «опредмечивает» его: «Это одна из тяжелых травм, потому что тут личность как будто перечеркивается, как будто ее нет».

Глава четвертая. Почему всех этих людей нельзя просто взять и поймать

В России дела о сексуализированном насилии всегда [расследует](#) Следственный комитет. Для этого в Уголовном кодексе есть [целых пять](#) статей, они в том числе учитывают случаи эксплуатации детей и относятся к категории особо тяжких. Исключение — статья средней тяжести «Понуждение к действиям сексуального характера». Она рассматривает те случаи, когда «насилие не применяется, но преступник использует шантаж, материальную или иную зависимость потерпевшего», чтобы добиться секса.

Понятия «кибергруминг» в российском уголовном праве не существует, однако все необходимые с точки зрения закона рычаги для привлечения к ответственности по таким преступлениям есть, констатируют юристы. Причем, рассказывает о своем опыте адвокат Леонид Абгаджав, московские районные отделы СК «вполне серьезно относятся [к поиску совершивших сексуализированное насилие онлайн], если видят, что родители настроены наказать человека, готовы давать показания и делать все необходимое». «В одном нашем деле преступник переписывался с 13-летней девочкой со своего реального аккаунта, в котором были его фотографии, — его нашли в течение суток», — вспоминает он.

Действия кибергрумеров подпадают под уголовную статью [«Развратные действия»](#).

Это сексуализированные действия в отношении того, кто еще не достиг 16 лет, — но без прямого физического насилия и проникновения. Сюда относится в том числе демонстрация половых органов, мастурбация — как в присутствии потерпевшего, так и по видеосвязи, а также случаи, когда человек в ходе переписки с ребенком или подростком ведет разговоры о сексе и отправляет любой порнографический контент. Эта статья предполагает до 15 лет лишения свободы.

«Переписка с обменом порнографическими фотографиями — это преступление само по себе, если ребенку еще нет 16 лет», — говорит юрист. Если же речь о пострадавшем младше 12, это может трактоваться как еще более тяжкая [статья](#) и подразумевать вплоть до 20 лет лишения свободы, продолжает Абгаджав, причем факт согласия ребенка на переписку не имеет значения и смягчающим обстоятельством не является.

При этом Абгаджав признает, что понятия не имеет, насколько распространен кибергруминг и как хорошо расследуются подобные дела. «Здесь есть **препятствие, связанное со стигматизацией**: люди стесняются об этом говорить, и родители в том числе. Чаще всего это объясняется тем, что [у ребенка] будут проблемы в школе: будет запрос в школу, там все начнут об этом узнавать и ребенка забуллят. Опять же влияет сама процедура

[следствия] — люди не всегда готовы ее проходить. Плюс это же еще дети, которые порой даже не сообщают родителям, что они стали жертвами преступления», — перечисляет юрист.

Само собой, статистику по подобным делам привести невозможно. Есть [данные](#), что всего за 2021 год в России за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (то есть по статьям 131–135 УК) осудили **7060** человек, а конкретно за развратные действия — **1088**. Но речь обо всех преступлениях в этой категории — не только о тех, где пострадавшими стали несовершеннолетние. К тому же неизвестно, сколько всего людей обратились в правоохранительные органы с заявлениями о произошедшем, сколько таких заявлений привели к возбужденным делам — эта статистика закрыта. И уж тем более нет даже примерного представления, сколько случаев кибергруминга так и остались никому не известными.

«На виктимизационных опросах (это специальные социологические исследования, которые проводят, чтобы выяснить реальный уровень тех или иных преступлений. — Прим. Kit) преступления против половой свободы не проявляются. И не потому, что их нет, а потому что люди, когда им задают соответствующие вопросы, не готовы об этом рассказывать», — объясняет юрист.

То есть кибергруминг — это преступление, которого как будто нет, потому что общество сковано молчанием. Как отмечает Ксения Шашунова, «мы видим только вершину этого айсберга».

Глава пятая. Почему насилие над детьми совершают не только педофилы

Вообще, со словом «педофил» много сложностей. Мы привыкли называть так всех, кто имеет половое влечение к детям или совершает по отношению к ним сексуализированное насилие. И многие при этом считают, что «педофилия» — это диагноз, носители которого нуждаются в интенсивном лечении.

Однако в строгом медицинском смысле педофилия — не заболевание. Так, *DSM-5* — это руководство по психическим расстройствам в последней редакции от Американской психиатрической ассоциации, которое применяется в США, — [называет](#) педофилию типом сексуального влечения, которое не медикализируют, то есть **не классифицируют как болезнь**.

Зато заболеванием считают педофильное расстройство. Его диагностируют, если человек не просто носитель такого типа влечения, но и реализует его — пытается вступить в контакт с детьми.

О педофильном расстройстве пишут и в [МКБ-11](#) — Международной статистической классификации болезней

и проблем, связанных со здоровьем, за разработку которой отвечает Всемирная организация здравоохранения. Согласно этому документу, медицинской проблема становится только при нескольких условиях одновременно. Так, человек должен иметь «устойчивую, целенаправленную и интенсивную модель сексуального возбуждения», при которой все его сексуальные мысли и фантазии включают образы детей. Кроме того, он либо действует «в соответствии с этими мыслями, фантазиями или побуждениями», либо не действует, но они уж слишком будоражат его (это, если говорить медицинским языком, называется «клинически значимый дистресс»). Наконец, в-третьих, речь должна идти о человеке взрослом — а не о том, кто сам пока еще ребенок или только недавно перестал им быть.

Ребенком в этом контексте стоит считать человека допубертатного возраста, у которого еще не развились вторичные половые признаки, — примерно до 12–13 лет, отмечает в разговоре с *Kit* сексолог Дмитрий Орлов. Для сексуального влечения к подросткам существует отдельный термин — гебефилия, и, по наблюдениям Орлова, носители этого типа сексуального влечения встречаются в несколько раз чаще. Но если объединить всех этих людей в одну общую группу, то можно сказать, что лишь небольшая ее часть испытывает влечение к детям какого-то конкретного возраста — большинство же интересуется несовершеннолетними в целом, полагает сексолог.

Теперь необходимо сделать несколько принципиально важных оговорок. Во-первых, не все люди с педофилией совершают то, что медики называют «действовать в соответствии с фантазиями», то есть пробуют реализовать свое влечение, вступая в контакты с детьми или подростками. Во-вторых, даже не все люди с педофильным расстройством переходят эту черту: некоторым удастся контролировать себя, самостоятельно или с помощью специалистов. Наконец, в-третьих, те, кто склоняют детей и подростков к сексуализированному общению, как ни странно, могут не быть людьми с педофилией вовсе. «Такой человек не всегда педофил», — подчеркивает Орлов.

Клинический психолог Евгений Сапрыкин из *Mental Health Center* подтверждает эти слова. Он говорит, что педофилия считается главным фактором риска совершения сексуализированных преступлений против детей, — но в то же время человек может совершать их, не имея стойкого педофильного предпочтения. В свою очередь Ксения Шашунова из «Тебе поверят» подчеркивает: «В массе своей это не педофилы, не извращенцы, а **абсолютно обыкновенные люди**. И в этом разрыв шаблона, разрыв нашего представления о мире».

Евгений Сапрыкин ссылается на [исследования](#), согласно которым лишь половину сексуализированных преступлений против детей совершают люди с педофильным предпочтением. Другая половина не имеет к педофилии никакого отношения: «Например, людям с сексуальным садизмом часто проще получить власть над беззащитным ребенком, чем над взрослым.

Или это может происходить из импульсивности — что называется, кто под руку подвернулся».

Что же касается конкретно контактных преступлений — то есть таких, в которых был физический контакт, — то, [по некоторым данным](#), лишь 4% людей с педофилией совершают их. «Тех, кто пошел на контактное преступление против ребенка, судя по всему, можно отнести к особенной категории. Такие в среднем отличаются большей агрессивностью, импульсивностью и антисоциальностью, чем люди с педофильным влечением из общей выборки», — объясняет Сапрыкин.

Опыт центра «Сестры» говорит, что основной мотив сексуализированных преступлений в отношении несовершеннолетних — **власть и контроль**, продолжает Марина Эрлих. Речь о людях, которым необходимо почувствовать себя чьим-то «хозяином»: «Что я захочу — то и буду с тобой делать».

Такие отношения проще установить с ребенком, чем со взрослым, именно поэтому кибергрумеры ищут контактов с подростками: они хотят властвовать. При этом усредненный портрет такого человека довольно сложно составить, продолжает мысль Ксения Шашунова из «Тебе поверят», — и не только из-за недостатка информации об интернет-«ухажерах». Как и в случае обычного насилия, это могут быть очень разные люди: «Нет яркого объединяющего качества в плане социального статуса, возраста, интеллекта. Но чаще всего это мужчины — а случаи, когда кибергрумерами оказывались бы женщины, происходят значительно реже».

Поэтому родителям стоит обратить внимание на любые неформальные контакты своего ребенка со взрослыми: так как грумеры — самые обычные люди, угроза может скрываться за рядовым «дружеским» общением. Вопрос, может ли взрослый дружить с ребенком, проявляя интерес к его личности и не имея сексуализированного мотива, Ксения Шашунова называет сложным, потому что, по ее словам, непросто отделить одно от другого.

«Вообще, у детей и взрослых разные интересы. Они [в норме] **не могут быть друзьями**, между ними есть некоторая иерархия. И если постороннего человека, как ему кажется, искренне интересуется судьба какого-то ребенка — как правило, за этим уже стоит желание неравных отношений. Уже есть элемент власти — и взрослый человек может ее использовать», — заключает она.

><{{{._____)

Сложность решения проблемы сексуализированного насилия не только в том, что большинство подобных преступлений остаются никому не известными и нераскрытыми. Она еще и в том, что, когда ситуация все-таки доходит до расследования и судебного разбирательства, пострадавшие начинают сомневаться в себе. Причем, отмечает адвокат Леонид Абгаджав, так ведут себя как взрослые, так и дети.

«Я видел, как и взрослые, и подростки в какой-то момент испытывали сомнения, что они правильно поступили, подав сообщение о преступлении. Начинали оправдывать преступника. Кто-то из этого состояния выходил, а кто-то

уже на начальном этапе — или даже после задержания подозреваемого — отказывался давать на него показания. Дети и взрослые в этом похожи», — констатирует адвокат.

При этом именно систематическое замалчивание позволяет кибергрумингу существовать и распространяться, поэтому в организации «Тебе поверят» советуют подросткам в случае любых сомнений не замыкаться в себе, а немедленно обращаться за помощью. Причем делать это можно на любом этапе — не только когда насилие уже случилось, но и когда ребенок чувствует: кажется, что-то идет не так. В подобных ситуациях «Тебе поверят» призывают подростков [не молчать](#) — тем более что получить поддержку можно анонимно и из любой точки мира.

Рита Алехина

Редакторы: Анна Чесова и Лиза Антонова

#06

КАК ЗАЩИТИТЬСЯ ОТ СПЕЦСЛУЖБ? ПРАВИЛА ВЫЖИВАНИЯ СОВЕТСКИХ ДИССИДЕНТОВ

(▼◡▼)人(▼◡▼) Привет, это Аня Косниковская.

Я журналистка, и меня в первую очередь интересуют истории людей, которые оказались в трудных жизненных ситуациях.

В декабре 2005 года в Сахаровском центре состоялась премьера документального [фильма](#) «Они выбрали свободу» — об истории диссидентского движения в СССР. Перед показом режиссер, 24-летний Владимир Кара-Мурза, [объяснил](#), что он хотел запечатлеть «настоящих героев, которые не прогнулись перед самым мощным в мире тоталитарным государством».

В фильме один из героев, правозащитник [Натан Щаранский](#), обратился к жителям России нулевых: «Сегодня, как правило, опасности того, что вас арестуют за измену родине, нет. Боритесь». Сейчас, в двадцатые, эта

фраза кажется приветом из далекого безопасного прошлого: с начала 2023 года в России [завели](#) в пять раз больше дел о госизмене, чем за аналогичный период 2022-го. Один из фигурантов — сам Владимир Кара-Мурза, которого в апреле [приговорили](#) к 25 годам колонии строгого режима как «государственного изменника».

Сегодня опасность подвергнуться преследованию со стороны государства есть практически у любого. У того, кто сказал или написал слово «война». У того, кто сделал репост новости или эмоционально ее прокомментировал в соцсети. У того, чей ребенок неосторожно высказался в школьном чате. У того, кто написал пьесу или поставил ее в театре.

Настал момент, когда гражданам нашей страны — снова — пора продумать стратегию защиты от государства. Но как защититься, когда опасность исходит от столь большой и вездесущей системы? В поисках ответа на этот вопрос я обратилась к опыту советских диссидентов.

В тексте больше 26 тысяч знаков, время на чтение — около 17 минут.

Часть первая. Зачем нам опыт советских диссидентов?

Пожалуй, лучше чем кто-либо другой, о параллелях между диссидентским движением в СССР и сегодняшним антивоенным протестом может рассказать председатель совета правозащитного центра «Мемориал»* Олег Орлов. Почти 50 лет своей жизни он изучал репрессии в СССР, а в марте 2023 года уже против самого Орлова [возбудили](#) уголовное дело — «за повторную дискредитацию российской армии».

Нынешние репрессии государства в отношении граждан в целом похожи на действия силовиков в советское время, считает Орлов. «Право как инструмент [как в 1960–1980-е годы, так и сегодня] не действует. Надеяться на выигрыш в судах по любому вопросу, где есть интерес государства, не приходится, — объясняет он. — В этом смысле основная работа правозащитников **все больше сводится к фиксации фактов**, составлению списков, докладов и заявлениям в различные инстанции [без какой-либо надежды на результат] — всем этим как раз занималось диссидентское движение».

Сегодня людей, активно выражающих несогласие с действиями властей, больше, чем в СССР, считает историк

правозащитного движения в СССР Александр Даниэль — сын советских диссидентов [Юлия Даниэля](#) и Ларисы Богораз. И высказываются они самыми разными способами, продолжает он: выходят на одиночные пикеты и, пусть не всегда многочисленные, митинги, расклеивают листовки, оставляют на улицах российских городов граффити.

При этом власти сейчас даже более жестоки к гражданам, чем были в советские годы, уверен Даниэль — по его словам, в СССР заключенных пытали редко. Да, были отдельные случаи избиений, известно и о практике карательной психиатрии, однако все это использовали скорее по отношению к непримиримым активистам, чем к случайным людям.

Есть и другое отличие от советского времени: если тогда власть старалась избегать международной огласки, то сейчас складывается впечатление, что Кремль перестал обращать внимание на реакции — как за рубежом, так и внутри страны. «Иногда кажется, что нынешние репрессии нарочито brutальны и незаконны, чтобы у людей укоренилось мнение: „Что хотят, то и делают“», — заключает исследователь.

Проводя параллели, трудно не заметить, что повторяются не только обстоятельства, но и действующие лица, говорит в свою очередь историк Алексей Макаров. Так, в марте 2022-го Россию [покинул](#) молодой активист [Александр Лавут](#) — внук и тезка математика и диссидента Александра Лавута, — который с раннего возраста [выступает](#) с яркими политическими заявлениями. С другой стороны,

продолжает он, есть, например, Владимир Путин, который в 1970-е годы [участвовал](#) в обысках диссидентов, и председатель Верховного суда [Вячеслав Лебедев](#), который в восьмидесятые осудил нескольких диссидентов, в том числе [Феликса Светова](#).

Часть вторая.

Так как защитить себя от государства?

Переходим к советам

Что ж, наша страна уже переживала похожий опыт, а в некоторых семьях через репрессии прошло не одно их поколение — папы и мамы, бабушки и дедушки. При этом люди, которые во времена СССР сталкивались с преследованием и давлением государства, имели собственную «систему безопасности» — набор правил, соблюдение которых помогает снизить риски или смягчить последствия от столкновения с государственной машиной. Вот некоторые из этих правил, которые стоит взять на вооружение и сегодня.

↘ **Делая политические заявления, оставайтесь в тени**

Анонимность в разы снижает риски преследования

В первую очередь это совет относится к журналистам, а также людям, которые активно высказываются в соцсетях. Несмотря на то, что одним из основополагающих принципов диссидентства была гласность (многие активисты не скрывали своих имен), главный диссидентский бюллетень советского времени — [«Хроника текущих событий»](#) — издавался в условиях полной анонимности. Вероятно, именно это помогло ему просуществовать 15 лет, с 1968 по 1983 год, — рекордный срок для подпольного издания той эпохи.

«Состав выпускающей редакции „Хроники“ постоянно менялся, потому что кого-то арестовывали, кто-то эмигрировал, но всегда находились люди, которые подключались к процессу», — вспоминает Александр Даниэль, который сам участвовал в работе редакции. Анонимность не помогала защититься от ареста полностью, зато давала возможность отсрочить его. «Я начал заниматься „Хроникой“ в 1973 году и много позже узнал, что [дело оперативного учета](#) было заведено на меня лишь в 77-м», — рассказывает он, добавляя, что до уголовного дела в итоге так и не дошло.

Страх и самоцензура отравляют, но мы живем в военное время, и нужно осознавать все связанные с этим риски. Сегодня большинство независимых журналистов, оставшихся в России, вынуждены работать анонимно. Параллельно самиздат — с оглядкой на новые технологии — вновь стал популярной формой протеста. Например, для публикации антивоенных текстов

объединились создатели [альманаха РАЖ](#) (они иронично называют себя «инетиздатом»). «Анонимность — обязательное условие для живущих в России авторов. Если автор живет за рубежом и считает, что находится в безопасности, — по желанию» — так определяет РАЖ принципы безопасности. К новому самиздату можно отнести и «вестник оппозиционной и антивоенной культуры» [ROAR](#), который запустила в апреле 2022 года писательница Линор Горалик. Правда, несмотря на то, что Горалик с первого дня [предлагала](#) всем участникам сохранять анонимность, большинство работ в нем подписаны (хотя некоторые авторы скрываются за псевдонимами).

↘ Планируя акции, выстраивайте горизонтальные связи

Чтобы участники сообщества не знали друг друга по именам

Рекомендация актуальна в первую очередь для активистов — тех, кто планирует пикеты и другие акции, расклеивает листовки и наносит антивоенные граффити. Подобные действия лучше организовывать в сообществах, построенных на принципах максимальной децентрализации. Именно так распространяли самиздат в СССР (что было ключевым занятием активистов тех лет). Первые 10–12 экземпляров бюллетеня — их называли

нулевой закладкой — из Москвы [везли](#) в отдаленные города, где их перепечатывали, после чего новые копии снова распределяли по цепочкам на соседних территориях. Обрато по тем же цепочкам в редакцию возвращалась информация с мест от анонимных координаторов.

«Каждый, кто заинтересован в том, чтобы советская общественность была информирована о происходящих в стране событиях, легко может передать нам известную ему информацию. Расскажите ее тому, у кого вы взяли „Хронику“, а он расскажет тому, у кого он взял „Хронику“, и так далее. Только не пытайтесь единолично пройти всю цепочку, чтобы вас не приняли за стукача», — говорилось в инструкции на страницах издания. Затем редактор — точно так же, по цепочке знакомых — эту информацию верифицировал, расшифровал и включал полученные новости в следующий бюллетень.

При этом стоит тщательно фильтровать, что именно и кому вы рассказываете. «Важное правило, которое сейчас тоже вполне применимо, звучит так: если можешь не сообщать другому человеку информацию, ты ее не сообщаяешь, — объясняет Макаров. — Так, многие участники „Хроники“ были изумлены, узнав, что поэтесса и правозащитница [Наташа Горбаневская](#) после своего освобождения (в 1972 году. — Прим. Kit) продолжила принимать участие в издании бюллетеня. Все думали, что она уже отошла от дел».

На принципах децентрализации строится и работа современных активистов —

например, «Феминистского антивоенного сопротивления» (ФАС) или сети штабов** соратников Алексея Навального в российских регионах, рассказали они *Kit*. Это приводит к тому, что зачастую активисты не знакомы друг с другом — а значит, не могут друг друга выдать даже по ошибке, недоразумению или под давлением.

↘ Позаботьтесь о тайнике

Лучше сделать его в каком-нибудь неожиданном месте

Хранить запрещенные вещи в СССР было опасно: в любой момент к вам могли заявиться с обыском. Диссидентам приходилось проявлять смекалку, и тайники стали привычной частью их жизни.

Правозащитнику и журналисту Сергею Григорьянцу во время одного из обысков у него дома именно благодаря продуманному тайнику удалось сберечь огромный рюкзак с перепиской активистов. «У меня, как во всяком деревенском доме, были подпол (*подвальное помещение в доме. — Прим. Kit*) и русская печь, переделанная в [голландку](#), — [вспоминал](#) он. — Естественно, в подполе был кирпичный фундамент этой печи. И Федя Кизелов (*советский биохимик, правозащитник. — Прим. Kit*) продолжил кладку от печки до стены, [визуально] не отличающуюся от фундамента.

Залезть в этот тайник можно было только сверху, с первого этажа, где были две снимавшиеся доски в полу. Но именно на этих досках между печью и стеной всегда стояли грязные сапоги, и именно эти две доски, которые не отличались от всех остальных, интереса у следователей не вызывали». Григорьянц также рассказывал, что на одной из полок для привлечения внимания стояла книга под названием «Дегенераты у власти» обложкой вперед: «На самом деле она была о Гитлере. Они, естественно, с восторгом в нее вцепились, но вынуждены были разочарованно отступить». Так следователи и ушли с пустыми руками.

Другую историю, связанную с тайником, [вспоминают](#) в семье диссидента Виктора Сокирко, у которого в январе 1980 года искали в московской квартире «запрещенную» литературу. Спустя сорок лет в той же квартире вновь произошел обыск: на этот раз у Алексея, сына Виктора Сокирко, пытались найти листовки в поддержку Алексея Навального. Сокирко предложил им взглянуть на тайник, который не смогли обнаружить их коллеги в 1980-м, — боковую полку книжного шкафа, который стоял в комнате тогда еще маленького Алеши. Следователей это предложение почему-то рассердило.

Саша Кулаева, дочь еще одной участницы правозащитного движения — Ноэми Ботвинник, — рассказывала, как во время поездки к освободившейся из лагеря диссидентке Татьяне Великановой (та отвечала в «Хронике» в том числе за хранение и пополнение архива) взрослые прятали

самиздат и другие «запрещенные» вещи в детских вещах. «Мы были нагружены самиздатом и другими недозволенными вещами, часть из них была спрятана прямо на нас, детях, в надежде, что нас не будут обыскивать, — [вспоминала](#) Кулаева. — Помню, что у меня в трусах вокруг резинки были какие-то бумажки и меня очень забавляло, что, когда я поворачивалась, они шуршали».

Разумеется, не всем в семье нравилась эта идея — и дед Саши, прошедший [ГУЛАГ](#), какое-то время не разговаривал с ее матерью, возмущенный тем, что детей сделали своеобразными «тайниками».

↘ **Некоторые вещи и документы храните вне дома**

Найдите надежных (очень надежных) людей, которые в этом помогут

Советские диссиденты были уверены: многие важные вещи, в том числе документы, не стоит хранить у себя дома — даже если там есть тайники. Что-то лучше всегда носить с собой, а что-то доверять надежным людям (которые при этом, конечно, рискуют, оказывая вам помощь такого рода).

Например, физик и один из участников [«демонстрации семерых»](#) на Красной площади [Павел Литвинов](#) опасался тайных обысков в квартире и все диссидентские годы [носил](#) важные бумаги с собой в портфеле. В 1967 году четырех московских активистов [самиздата](#) — [Александра Гинзбурга](#), [Юрия Галанскова](#), [Алексея Добровольского](#) и [Веру Лашкову](#)

— КГБ арестовал по [обвинению](#) в антисоветской агитации и пропаганде. Правозащитник вспоминал, что все материалы, связанные с этим делом, было решено втайне хранить в квартире историка и писателя Андрея Амальрика, чтобы до них не добрались правоохранители.

«Андрей жил на улице Вахтангова, за театром, у Старого Арбата, в квартире, где было восемь или девять семей, то есть в классической старой коммунальной квартире, — рассказывал Литвинов. — У него была одна комната, хотя очень большая, метров 40. Но в квартире жило столько людей, что туда было не так просто прийти с тайным обыском». Литвинов говорил, что не хотел ни на кого навлекать опасность, но «Андрей был совершенно смелый и согласился». Литвинов был не единственным, кто предпочитал носить важные документы с собой: Александр Даниэль вспоминает, что академик Андрей Сахаров тоже прятал бумаги в сумке.

Иногда подобные истории заканчивались трагически — поэтому за вещами, которые вы носите с собой, нужно следить с особой тщательностью. Даниэль рассказывает о двоюродной сестре своей матери Ирине Белогородской, которая в 1968 году забыла в такси портфель с распечатками коллективного обращения в защиту арестованного писателя [Анатолия Марченко](#). Водитель передал портфель в таксомоторный парк, где его вскрыли, нашли распечатки и сообщили о них в КГБ. «Это ей обошлось в лагерное заключение, — вспоминает он. — Правда, короткое — всего год держали».

Поэтому иногда удобнее передать важные вещи надежному человеку — такому, которому вы очень доверяете, и чтобы при этом он, в идеале, сам не был активистом, то есть не привлекал внимания государства. Так, Олег Орлов, занявшись в 1983 году распространением листовок против войны в Афганистане и опасаясь обысков, отнес весь свой самиздат соседу — чемпиону мира по тяжелой атлетике Юрию Власову. «И Власов исправно хранил самиздат», — со смехом пересказывает эту историю Даниэль.

Сегодня этот совет распространяется, в частности, на хранение загранпаспорта — если вы опасаетесь, что его потенциальное изъятие может помешать вам покинуть страну в нужный момент. Кстати, лучше иметь два (да, [так можно](#)), один из которых вы храните дома, а второй — где-то еще. «Летом 2021 года начались обыски у ребят из „Проекта“ и *The Insider**** и других моих коллег и их родственников. У Романа Доброхотова из *The Insider**** изъяли паспорта, и я понял, что теоретически это может грозить и мне. Я прятал какое-то время паспорт у друзей», — [рассказывал](#) Kit признанный в России «иноагентом» журналист Максим Гликин.

↘ **Заранее продумайте, что и как уничтожить**

Отдельно изучите, что можно спустить в унитаз

Правозащитник Сергей Григорьянц [вспоминал](#), как во время одного из обысков у него дома ему удалось уничтожить запрещенные материалы до того, как до них добрались следователи. Хранились эти материалы в тайнике — электрическом фонарике с большим количеством батареек к нему — однако Григорьянц все равно решил, что лучше от них избавиться. «В одной из батареек была смотанная пленка [Димы Маркова](#) с полным комплектом [отснятых фотографий] бюллетеней (*выпусков самиздата*. — *Прим. Kit*), — объяснял правозащитник. — Я меланхолически сказал, что мне надо пойти в уборную, взял фонарик и благополучно эту батарейку спустил в кучу дерьма».

В свою очередь, Александр Даниэль рассказывает, как во время обыска ему удалось спрятать и уничтожить важный документ, уже обнаруженный следователями. «Они отложили то, что было изъято, а я тихо-тихо, бочком-бочком к этим бумагам подошел, взял свой документ, а потом пошел в сортир и там его уничтожил. Но это, конечно, был большой недосмотр с их стороны».

Особое внимание следует уделить технике спуска документов, предупреждает он. «Сергей Ковалев, когда мы с ним вместе готовили „Хроники текущих событий“, учил меня, как правильно уничтожать черновики, — вспоминает Даниэль. — Чтобы спустить порванный черновик в унитаз без проблем, рвать надо на длинные полоски, не поперек, а вдоль — иначе крупные (*то есть слишком широкие*. — *Прим. Kit*) куски бумаги могут застрять и их могут достать. Они [следователи] не побрезгуют».

Но имейте в виду: уничтожение улик во время обыска может выйти боком. Если правоохранители заметят такие попытки, об этом [сделают запись в протоколе](#), и в Уголовном кодексе есть [статья 294](#) «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». Поэтому специалист по информационной безопасности Сергей Смирнов советует уже сейчас, заранее определить круг ценностей, которые для вас особенно важны, — и защитить их всеми возможными способами. Это могут быть контакты друзей, коллег и единомышленников; персональные данные людей, обращавшихся к вам за помощью; видеокадры или фотографии, на которых запечатлены факты нарушений природоохранного законодательства, если вы занимаетесь экоактивизмом, — вариантов много.

Но ценностями также могут быть квартира, ноутбук, свобода и здоровье — это вопрос личного выбора, который можете сделать только вы. «Работа с ценностями — первый шаг в теме комплексной безопасности, — напоминает Смирнов. — Ведь когда у человека отбирают запароленный телефон и начинают угрожать, возникает вопрос: отдать пароль и сохранить здоровье? Или не давать пароль и рискнуть здоровьем? Решить эту задачу в стрессовой ситуации очень сложно. Поэтому лучше продумать все заранее».

↘ Не храните лишнего

Сразу уничтожайте то, что вам больше не нужно

Минимизируйте объем чувствительной информации, которую вы храните, — сразу удаляйте ненужные и устаревшие данные. Чем меньше их будет, тем легче защитить их — и тем меньше опасности для вас.

Например, чтобы не выстраивать сложных цепочек для передачи информации, диссиденты иногда организовывали совместное чтение новых выпусков «Хроники» или другого самиздата. «Собираются где-то у кого-то одного и по кругу читают [про себя], передавая листочки друг к другу. Это очень неудобно, потому что люди читают с разной скоростью. Кому-то приходится ждать. Но можно было за ночь прочесть очередной роман Солженицына», — рассказывает Даниэль в беседе с *Kit*.

Самую чувствительную информацию — например, персональные данные, которые больше вам не нужны, — лучше удалять надежным способом, подчеркивает Сергей Смирнов. А те, что еще могут пригодиться, [зашифруйте](#) и поместите в облако. «Работа в облаке сегодня имеет преимущество с точки зрения обеспечения безопасности. Изымут компьютер — можно достать новый и продолжить с того места, где остановились», — добавляет эксперт.

↘ Избегайте открытых каналов связи

И договоритесь о кодовом слове

Советские диссиденты выросли в среде цензуры и слежки — именно с тех пор в русском языке укоренилась фраза «это не телефонный разговор», отмечает Смирнов. Скажем, Даниэль вспоминает, что он и его товарищи избегали говорить по телефону, где и когда встречаются. А правозащитница Людмила Алексеева [рассказывала](#), что ее квартира прослушивалась круглосуточно: «[Поэтому при личной встрече у кого-то дома] мы друг другу писали [на бумаге], если было что-нибудь важное, а не произносили вслух».

Помимо обычной бумаги диссиденты использовали доску для кратковременных записей. Как правило, такие доски привозили диссидентам знакомые из-за рубежа, между собой их в шутку называли «русско-русским разговорником», [«спутником диссидента»](#) или [«шапирографом»](#). «Были специальные дощечки с пленкой, где мы писали, — [вспоминал](#) этот способ передачи информации дипломат и правозащитник Вячеслав Бахмин. — Поднимешь пленку — и ничего не видно, потом опять пишешь». Сейчас такие доски можно найти в чуть ли не в любом отделе детских игрушек.

Если же диссиденты все же вынуждены были пользоваться открытыми каналами связи, в ход шли иносказания и кодовые слова. Этот прием часто утрированно обыгрывается в шпионских фильмах и юмористических зарисовках, но на самом деле он действительно удобный и

эффективный. Даниэль вспоминает, как его друзья-диссиденты — [Наталья Садомская](#) и [Александр Вольпин](#) — договорились, что в случае обыска Наталья звонит Алику и спрашивает: «Скажи, пожалуйста, лежит ли селедка на окне?» Эта фраза должна была стать сигналом к действию: пора прятать бумаги. «Алик, конечно, забыл про эту договоренность, поэтому, услышав фразу, как человек добросовестный пошел к окну и проверил: „Нет, не лежит“».

Иногда, вспоминает Даниэль, нужно было выяснить судьбу самиздатовского текста, который диссиденты передавали из рук в руки. Тогда в ход также шли иносказания: «Я тебе тортик третьего дня давала. Ты его уже съел?» — «Съел, съел! Сам съел и другим давал — они тоже съели».

Пользоваться кодовыми словами Сергей Смирнов призывает и сегодня. Например, в телефонном разговоре: если это слово произносится, значит, человек находится под принуждением или контролем. Придумайте такие кодовые слова или целые фразы и обсудите их с самыми близкими людьми. Полезно будет регулярно напоминать друг другу о них, чтобы, если наступит критическая ситуация, кодовое слово точно сработало. И, конечно, обсуждать кодовые слова стоит лично, а не по телефону или в переписке.

↘ Освойте шифрование

И речь не только о цифровой безопасности

Советские диссиденты часто прибегали к шифровке сообщений — известны десятки разных техник. Чаще всего шифром пользовались при переписке с лагерными заключенными. «Об этом все договаривались заранее, еще до ареста, — объясняет Алексей Макаров. — Выбирали ключевое слово, которое обозначало начало зашифрованного текста, а дальше пользовались заранее обусловленной системой».

Например, вторая буква во втором слове, третья в третьем и так далее — вот так, по буквам, собирались слова и предложения. Конечно, написание подобного письма требовало много времени и усилий, зато в итоге удавалось передать несколько слов или основную мысль в тайне от всех, кому ключ от шифра неизвестен.

Кроме того, диссиденты в своих посланиях часто пользовались эзоповым языком, рассказывает Даниэль: «Лагерные цензоры — народ не очень культурный, какие-то цитаты, аллюзии были им недоступны». Такой язык помогает не только завуалировать конкретное послание, но и скрыть состояние автора, — о чем он думает, как себя чувствует. Например, вот что писал Даниэлю из заключения его отец Юлий в 1966 году: «Прочел „Женщину в песках“ Кобо Абэ. Очень здорово. Очень похоже. Но я оптимист». Это повесть о процессе экзистенциального примирения человека, неожиданно лишенного свободы,

с новым качеством своего бытия, [объяснял](#) Даниэль-младший.

Сегодня под шифрованием, как правило, понимают [сквозное шифрование](#) — передачу электронных данных в зашифрованной версии, недоступной третьим лицам. Во всех популярных мессенджерах сегодня такое шифрование есть, но организовано по-разному. Например, в Telegram нужно использовать специальные секретные чаты, а в *WhatsApp* и *Signal* оно встроено по умолчанию. Но самым надежным мессенджером специалисты по безопасности называют *Signal*, а из почтовых ящиков советуют использовать швейцарский [Protonmail](#). Такое шифрование — абсолютно законный и эффективный способ защитить себя и свои данные, напоминает Сергей Смирнов. А еще имеет смысл [зашифровать](#) свои устройства.

↘ **Внимательно относитесь к новым знакомым**

Звучит как паранойя, но что делать

О том, как в их близком окружении неожиданно возникали новые люди, которые стремились сразу же максимально сократить дистанцию, диссиденты вспоминали регулярно. «Вдруг и как будто случайно появлялся какой-нибудь малознакомый человек, который всячески набивался в друзья, приглашал в рестораны или просто приносил

выпивку сумками. Вербовали — или пытались вербовать — близких друзей», — [рассказывал](#) советский журналист Виктор Давыдов. С такими людьми следует быть осторожными, подчеркивали правозащитники.

У КГБ была «колоссальная оперативная сводка» о жизни семьи Ноэми Ботвинник. «Несколько человек внедрились в наш узкий семейный круг и постоянно доносили о том, что у нас происходило», — [вспоминает](#) Саша Кулаева. Кто были эти люди, в семье так и не узнали.

Несмотря на то, что в столь прямолинейное и грубое повторение советских практик преследования инакомыслящих верить не хочется, рекомендации эти актуальны, как и прежде. Совсем недавно в окружении дочери Бориса Немцова, Жанны, [выявили](#) агента российского Главного разведывательного управления. Это был испанский журналист российского происхождения Пабло Гонсалес, который следил за Немцовой и ее окружением с 2016 года. Особенно важно, чтобы организаторы активистских форумов внимательно относились к тому, как верифицируют участников, — для этих мероприятий часто требуются волонтеры, считает Сергей Смирнов. Один из главных способов верификации — рекомендации надежных людей. Можно попробовать тщательно проанализировать соцсети «кандидата», если они есть и активны. Или прибегнуть к *OSINT* — поиску информации по открытым источникам.

↘ **Научитесь передавать послания незаметно**

Совет для тех, кто оказался в СИЗО (и он довольно специфичный)

Советский диссидент [Сергей Ковалев рассказывал](#) о своем опыте передачи посланий «на волю». Сначала нужно было создать так называемую капсулу — записку с важным сообщением, которую тщательно сворачивали и обматывали полиэтиленом в несколько слоев. Такую капсулу нужно было проглотить, а позже, высвободив ее путем дефекации, передать пришедшему на длительное свидание человеку. Чтобы незаметно вынести послание из лагеря, второй человек тоже должен был проглотить его.

Для написания таких посланий использовалась бумага для теплоизоляции труб и стержни от шариковых ручек. Лучшими для этой задачи считались «югославские ручки, тоненькие», поясняет Макаров, которыми разрешалось пользоваться в лагере. Записку обматывали в несколько слоев полиэтилена и запаивали при помощи спичек. Накануне свидания (чаще всего это были трехдневные встречи с супругами или матерями) человек заглатывал капсулу, а уже при встрече, которая, как правило, проходила в отдельных домиках, шел в туалет, избавлялся от нее, отмывал и передавал собеседнику. «Говорят, что, когда один из редакторов „Хроники“ расшифровывал одно из таких посланий, он сказал: „Вот он, запах русской демократии“», — вспоминает Макаров.

Делать это каждый раз было «неудобно, рискованно и противно», вспоминал Ковалев:

«Человек, который должен получить свидание, заглатывает записку и дальше ждет, когда же свидание: заранее дату не называют. Приходится задерживать стул, стараться есть поменьше, а необъявленная голодовка в заключении может вызвать у надзирателей дополнительный интерес. Ну и как-то так вот крутишься и бегаешь, а если недотягиваешь до свидания, то, извините, бежишь покакать в санчасть [лагеря], где дверь запирается и можно уединиться. Делаешь на газетку, потом палочкой достаешь. Отмываешь от запаха, заново запаковываешь и опять глотаешь. **У нас это называлось „перезарядиться“**».

Еще один способ передать сообщение на волю, менее радикальный, описывает Даниэль — но для него нужно найти человека, который умеет писать очень мелким шрифтом: «Бывали умельцы, которые таким образом целую поэму могли написать». Солагерник его отца, Юлия Даниэля, по образованию был биолог, поэтому на воле он часто работал с микроскопом и умел писать «очень крохотные буквы». В результате его отцу удалось передать на свободу поэму в 300 строк на четырех четвертушках тетрадного листка, уложенных в спичечный коробок, — друзья разбирали сообщение с помощью сильных увеличительных стекол.

■

Анна Косниковская

Редактор: Лиза Антонова

О ЛИЧНОМ

#07

ПОЧЕМУ МЫ БОЛЬШЕ НЕ ВЗРОСЛЕЕМ? ПИСЬМО О 30-ЛЕТНИХ ДЕТЯХ

✪◡◡✪ Привет, меня зовут Леша Абанин.
Я медиаконсультант, диджитал-продюсер
и документальный фотограф.

Несколько лет назад, когда мне шел уже четвертый десяток, я после нескольких лет работы бросил журналистику и устроился на развлекательный телеканал «2×2», который в основном показывает мультфильмы. Мое решение многим показалось странным. «Ты же взрослый человек, тебе за 30, а ты идешь возиться с мультиками», — говорили мне.

На новой работе я сфокусировался на так называемых «новых взрослых»: популяризировал термин «кидалты», пытался понять, кто это вообще такие и отношусь ли к ним я. Для этого мы даже запустили отдельное медиа и подкаст «Ты кидалт».

Мое письмо — о детстве и взрослении. О том, как появилось детство (да, именно появилось, а потом умерло, а потом снова появилось) и кто его придумал. О том, что

значит быть взрослым и почему многих нынешних тридцатилетних не считают таковыми. А еще о том, почему инфантильность современного человека — это даже хорошо, и какую роль она играет на фоне полномасштабной войны.

В тексте почти 26 тысяч знаков, время на чтение — около 15 минут.

Глава первая. Как люди придумали детство

И кто приписывал Гитлеру синдром Питера Пэна

Понятия детства и взрослости в современном западном представлении, — социальный конструкт, окончательно сформировавшийся лишь в последние три-четыре столетия. Может прозвучать странно, но детство как период человеческой жизни, который должен проходить определенным образом и в какой-то момент заканчиваться, существовало не всегда.

Подробно о том, как появился этот конструкт, педагог и теоретик медиа Нил Постман рассказал в своей книге

[«Исчезновение детства»](#). Впервые она вышла в 1982-м, и тогда некоторые тезисы автора звучали не только спорно, но и вызывали у читателей недоумение (например, о том, что телевидение подорвет авторитет взрослых — но об этом ниже). Впрочем, время все расставило по своим местам, и спустя 40 лет почти все описанные в книге социальные тенденции звучат если не пророческими, то максимально близкими к правде.

Постман писал, что в античности людей младшего возраста сначала не выделяли в особую возрастную категорию, представителей которой нужно оберегать: отношение к детям было [жестоким](#) (от рабства до младенческих жертвоприношений), а аборты — общепринятой практикой. Однако именно тогда начала зарождаться идея детства, в первую очередь, — из-за культа образования и афинских школ, которые хоть и отличались от современных, все же устанавливали границы между детьми и взрослыми. Без школьного образования и стремления к знаниям человек считался неполноценным, а значит — не взрослым.

Большую роль в становлении детства как концепта также **сыграл стыд**, указывает Постман. Именно римляне впервые начали прививать детям это чувство и сформулировали важный тезис: взрослые должны ограждать детей от интимных секретов и «серьезных» тем вроде смерти, болезней и денег. Почти в каждом древнем трактате о добродетели стыд фигурировал в качестве важнейшего средства воспитания и навязывания «правильных ценностей», поэтому стыд для детства, по Постману, — чуть ли не краеугольное понятие.

С падением Рима и приходом Средних веков отношение к детству в западном обществе резко изменилось. Основная причина — снижение уровня грамотности, у чего, по Постману, было три главных причины: популярность каллиграфии, которая лишила чтение автоматизма и легкости, истощение ресурсов пергамента и стремление церкви завладеть монополией на письмо. Философ и педагог Жан-Жак Руссо (ему, кстати, приписывают «изобретение» детства, потому что он [выступал](#) за восприятие детей как отдельных от взрослых личностей) [писал](#) в своем трактате XVIII века «Эмиль, или О воспитании»: «Через грамоту дети становятся взрослыми». А если средневековое общество в целом неграмотное, зачем делить его на взрослых и детей?

Но это, конечно, не единственная причина, почему в Средние века об идее детства забыли. Можно вспомнить и о высокой детской [смертности](#) (треть умирала либо при родах, либо в первые месяцы жизни), и о постоянных эпидемиях. Границы между «маленькими» и «большими» людьми постепенно размывались: в семь-восемь лет дети уже работали подмастерьями, а с десяти должны были соблюдать законы церкви и государства. Они становились «взрослыми» еще до того, как проживут свой первый десяток, поэтому воспитывать их не было нужды, а тот самый стыд за обсуждение «взрослых тем» исчезал.

Ссылаясь на экономиста [Гарольда Инниса](#), Постман утверждает, что детей окончательно выделили в отдельный «вид» внутри человечества, благодаря книгопечатному станку, который изобрели в XV веке, и последовавшему за ним «скачку знаний». Пресс для книгопечатания сделал

чение доступным, оно в свою очередь популяризировало знание, что привело к индивидуальному самосознанию и желанию развиваться. Так человек образованный стал вершиной биологической цепи, а превратиться в него может только тот, кто прошел через упорный труд и долгое обучение. Соответственно, дети оказались в самом низу социальной иерархии и начали считаться «неполноценными» людьми.

Отсюда и возникли — уже в более привычном нам понимании — школы, «взрослые» темы и фразы вроде «вырастешь — поймешь». Детей определили в отдельную группу: к ним появилось особое (несерьезное, а порой и пренебрежительное) отношение, им придумали свой [стиль](#) одежды, их поведение контролировали и культивировали в них чувство стыда.

Конечно, все эти процессы шли долго, а в разных западных странах были свои особенности взросления (на Востоке — другая история, но в этом тексте мы не будем ее касаться). Свой вклад вносили и религия, и экономика — например, промышленный капитализм [чуть не убил](#) детство из-за распространения детского труда. Тем не менее, как пишет Постман, к XX веку западное общество, благодаря исследованиям философов и психологов — среди них [Жан Пиаже](#), [Зигмунд Фрейд](#) и [Джон Дьюи](#) — сформировало общие установки взросления.

Вот они:

■ Дети существенно отличаются от взрослых.

- Чтобы стать взрослым, ребенок должен приложить много усилий.
- Ответственность за детей лежит на взрослых.
- Чем раньше ребенок станет «взрослым», тем он «лучше».

Если окрепла концепция детства благодаря печатному станку, то размылась она, по [мнению](#) все того же Нила Постмана, из-за профессора Самюэля Морзе. В 1837 году он впервые передал на расстояние электрический сигнал — и сделал возможным появление телеграфа, телефона, фотоаппарата, а потом и целой эпохи информационных технологий с ее [визуальным поворотом](#). При чем здесь детство? Во-первых, с тех пор для получения знаний больше не нужно последовательно проходить все стадии обучения, как не нужны и особые навыки — визуальный язык доступен буквально каждому, даже неграмотным. Во-вторых, медиа через популярные шоу и рекламу постепенно раскрывали «секреты», которые взрослые так долго оберегали от детей, — в первую очередь речь о сексе, но не только.

Не стоит забывать и о [«втором демографическом переходе»](#), который сыграл свою важную роль. Средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка рос — как росло и число людей, не желающих жениться и заводить детей в принципе. При этом наши представления о том, кто такие «ребенок» и «взрослый», все еще строятся на реалиях предыдущего демографического перехода — когда человек жил недолго, имел много детей,

многие из которых умирали, и быстро старел, [отмечает](#) политолог и публицист Екатерина Шульман.

«Из этого следовало, что, во-первых, много детей — это хорошо, потому что сколько-то останется, а во-вторых, детей нужно побыстрее обучить, чтобы они стали взрослыми и могли сами зарабатывать себе на жизнь. Также этим детям нужно побыстрее воспроизвестись, потому что у них есть высокие шансы умереть от тех или иных причин. А рожать надо пораньше, потому что быстро наступает дряхлость. В этой безрадостной рамке возникли представления о том, что такое ребенок, взрослый и пожилой человек, которыми мы до сих пор оперируем. Поэтому мы обвиняем молодых людей в том, что они инфантильны, притом, что им не грозит ранняя смерть», — объясняет она.

Так во второй половине XX века дихотомия «взрослые — дети» начала разваливаться: первые все меньше выглядели авторитетами и проводниками к знаниям, а вторые все чаще ориентировались на информацию, поступающую из медиа. При этом взрослые продолжали относиться к детям так же, как раньше, что приводило и приводит к многочисленным конфликтам.

Кроме того, начали появляться странные взрослые, которые эмоционально оставались в состоянии подростка или даже ребенка, сохраняя детские интересы и поведение — инфантильное, несерьезное, иногда капризное.

Некоторые психологи прошлого века [называли](#) это если не болезнью, то отклонением от нормы, и даже придумали термин «синдромом Питера Пэна» — в честь персонажа сказочных повестей о мальчике, который вечно остается юным. Английский писатель Олдос Хаксли в романе [«Остров»](#) 1962 года описывал таких мужчин как «мальчиков, которые не умеют читать, не хотят учиться, ни с кем не ладят и, наконец, обращаются к более жестоким формам преступности» (в качестве архетипа явления он выделял Адольфа Гитлера).

Позже этот стиль жизни популяризировал психоаналитик Дэн Кайли в своей книге «Синдром Питера Пэна: люди, которые никогда не взрослеют», вышедшей еще в 1983-м. **«Мужчина 30 лет с высоким IQ, который увлекается мультфильмами, компьютерными играми и необычными гаджетами»** — такой портрет «Питеров Пэнов» XX века в ней приведен. Еще чуть позже для этих людей придумали термин «кидалты» (от английских слов *kid* — «ребенок» и *adult* — «взрослый»). Сейчас уже сложно сказать, где впервые он появился: кто-то утверждает, что в 1985-м в заметке *The New York Times* об игровой зависимости взрослых мужчин, другие ссылаются на некоего Джима Уорда-Никольса из Стивенсоновского технологического института. Но точно можно сказать, что уже с 1988 года *The New York Times* регулярно [употребляет](#) слово «кидалты».

Постепенно кидалтов становилось больше, авторитет взрослых падал, а дети, вырастая физически, не понимали, зачем отказываться от прежних увлечений. В итоге понятия «детство» и «ребенок», а также «взрослый» и «взрослость»

размылись еще сильнее, при этом взрослые продолжали активно присваивать себе атрибуты детства.

В начале XXI века даже началось что-то вроде [паники](#) из-за инфантилизации взрослых. Части культурологов и социологов казалось, что мир может рухнуть, если взрослые начнут вести себя как дети: перестанут нести ответственность за свои действия, будут повально бездельничать и пренебрегать правилами. Четкие границы между ребенком и взрослым много веков держали устройство общества, говорили они, а если эта граница исчезнет, мироустройство пошатнется — и нас [накроет](#) стагнация в экономике и культуре, а также «ценностный зазор», когда старые ориентиры уже низвергнуты, а новые еще не появились.

Много было таких разговоров, но вот прошло 20-30 лет, и мир все еще на месте. Безусловно, он пошатнулся из-за пандемии коронавируса и полномасштабной войны в Украине — вот только кидалты здесь не при чем.

Глава вторая.

Чем новые взрослые отличаются от прежних

И может ли инфантильность сочетаться с ответственностью

О кидалтах написано множество [книг, исследований](#) и журналистских [текстов](#), но их авторы до сих пор не договорились друг с другом о терминах. Поэтому используют те слова, которые попадутся под руку: не только, собственно, «кидалты», но и «миллениалы» (люди, которые родились примерно с 1980 по 2000 годы), «поколение Y» (примерно то же, что миллениалы), «гики» или «нерды» (люди, которые сильно увлечены чем-то техническим или поп-культурным). А в последние годы чаще всего звучит словосочетание «новые взрослые».

Социолог Елена Омельченко по-научному [определяет](#) их как «молодежные солидарности, которые включены в культурные сцены и представляют собой эмоциональные межгрупповые связи, выраженные в особой культурной коммуникации». Звучит сложно, но если упростить, это социальная группа, в которую входят как представители различных субкультур, так и люди вне любых субкультур — но обладающие при этом набором характерных общих черт. Чаще всего к новым взрослым относят людей от 20 до 40

лет, и именно поэтому в качестве синонима используется слово «миллениалы». Однако кидалты и миллениалы — не одно и то же, потому что речь не только о возрастных признаках, но и о поведенческих особенностях.

Считается, что главная из них — **инфантильность**, но эту точку зрения в первую очередь продвигают представители старшего поколения, которые до сих пор мыслят паттернами поведения прошлого. Успехом у тех, кто родился в середине XX века и немногим позже, считались официальный брак, собственное жилье, дети и стабильная работа к 30 годам — этот набор сильно отличается от того, о чем мечтают многие нынешние тридцатилетние.

В условиях современного западного мира им больше не нужно выживать (хотя Россия — по-прежнему страна [бедных людей](#)): уровень жизни повысился, а с ним отпала необходимость участвовать в гонке за достижениями. Представители среднего класса могут не торопиться с поиском работы и выбрать ту, которая действительно нравится. А детей завести в более позднем возрасте — взвесив все за и против. Вместе с «детскими» увлечениями это создает у старшего поколения ощущение, что младшее ничем не занимается, ничего не хочет и попросту «не повзрослело». Появилось сначала непонимание, а потом неприятие, и социологи часто [говорят](#), что миллениалы — одно из самых тяжелых поколений для восприятия.

Но если для старших инфантильность — баг, то для нынешних 30-летних — фича, то есть полезная особенность. В современных условиях это и правда

скорее нужно, чем нет, и даже более того: инфантилизация — магистральная линия человеческой эволюции, [утверждает](#) научная журналистка Ася Казанцева. «Люди благодаря этому становятся любопытны, игривы, и это позволяет придумывать новые штуки, что-то изобретать и развивать цивилизацию. Поэтому важно сохранять такие „детские“ черты, как склонность к экспериментам и освоению нового», — говорит она.

Помимо инфантильности, у новых взрослых много других характерных черт личности и поведенческих особенностей. Например, — **частая [смена работ](#)**. Люди более старших поколений стремились работать в одной компании десятилетиями, медленно взбираясь по карьерной лестнице — миллениалам же часто [тяжело оставаться](#) на одном месте больше пары лет. Кроме того, они [более склонны к риску](#) в профессиональной сфере, чем их родители, и чаще готовы брать несколько проектов параллельно основной занятости.

Другая черта «новых взрослых» — **обостренное чувство справедливости**. Социолог Елена Омельченко еще до войны [отмечала](#), что для кидалтов характерны занятие благотворительностью и активная гражданская позиция. В свою очередь Анастасия Буракова — она основала проект [«Ковчег»](#), который помогает эмигрантам из России, осуждающим военную агрессию против Украины, — говорит, что эти паттерны сохранились и после начала вторжения.

«Многие люди от 20 до 40 лет включены в волонтерские проекты и стараются помочь. Например, айтишники, которые раньше не участвовали в оппозиционных движениях, готовы бесплатно помогать гуманитарным и антивоенным проектам. Также существует много проектов помощи украинским беженцам. В Грузии два самых больших проекта создали россияне именно этой возрастной категории», — говорит она, добавляя, что индивидуализм и забота о себе, которые характерны для миллениалов, «не равны безразличию к проблемам других». То есть инфантильность не мешает кидалтам зарабатывать на жизнь, оплачивать счета, заботиться о родственниках, голосовать на выборах и заниматься волонтерством.

Ментальные проблемы, с которыми сталкиваются «новые взрослые», отчасти возникают как раз вследствие такого сочетания (немного «детское» сознание при одновременном стремлении помогать). У заметного количества кидалтов наблюдаются сложности с самооценкой и идентичностью («Кто я?»), из-за чего [МОЖЕТ страдать](#) психологическое здоровье. По данным [исследования](#) американской медицинской страховой компании *Blue Cross Blue Shield Association*, в 2017 году миллениалы в возрасте 34-36 лет были на 11% менее здоровы, чем представители предыдущего поколения в том же возрасте. Причем активнее всего растет число диагностированных депрессивных расстройств и гиперактивности. Последняя раньше [считалась](#) «детским» состоянием, и до сих пор ее диагностируют в основном несовершеннолетним.

Страх потери интернета тоже называют в числе особенностей «новых взрослых». Писательница Линор Горалик — она представительница поколения X, куда входят люди, родившиеся с 1965 по 1985 годы — [отмечает](#), что ее ровесники, будучи молодыми, боялись другого. «Мы были зажаты между двумя страхами: с одной стороны, нас поджимал транслируемый семьей и советской пропагандой страх большой мировой войны в старом понимании, то есть Второй мировой войны. А с другой, на нас давил страх Третьей мировой войны, то есть ядерной войны. Мы очень боялись войны одной или другой, то есть войны собирательной. У наших же детей основной страх — страх техногенной катастрофы». Конечно, после полномасштабного вторжения России в Украину современная европейская (и, возможно, даже американская) молодежь вполне может впитать страх большой войны. Однако наряду с ним будет по-прежнему испытывать ужас от мысли, что может произойти глобальное отключение интернета и всех гаджетов сразу.

Переходим к **утрате интереса к сексу**. С одной стороны, для новых взрослых секс — менее табуированная тема, чем для предыдущих поколений. Старший редактор *The Atlantic* Кейт Джулиан [называет](#) несколько причин этого: например, секс вне брака стал нормой, а у женщин есть доступ к контрацептивам и абортам (хотя по-прежнему не повсеместно даже в Европе). Плюс ко всему о сексе стали чаще писать и говорить в медиа и на телевидении. Отсюда популярность дейтинговых приложений типа *Tinder* или *Pure*, полигамии, кинки-вечеринок, секстинга и многого другого. Представить наших родителей, а уж тем более их

родителей, свободно обсуждающих сексуальные практики, довольно сложно.

С другой стороны, ученые все чаще [говорят](#), что для многих представителей миллениалов секс постепенно становится не таким уж интересным занятием — из-за всеобщей смартфонизации и безлимитного доступа к контенту. Зачем бегать в поисках полового партнера, когда на твоём смартфоне есть и порно, и вебкам, и [«нюдсочетверг»](#) в твиттере? По словам американского педиатра Нормана Спэка, технический прогресс в целом негативно сказывается на частоте половых контактов у молодого поколения. «Природа общения стала антисексуальной. Пары перестали проводить достаточное время друг с другом наедине. Вместе с ними всегда рядом кто-то еще, а именно — любая включенная электроника», — [говорит](#) он.

Наконец, «новые взрослые» **любят игры и анимацию**. С изменениями в потреблении контента (благодаря доступности гаджетов, социальным сетям и интернету в целом) меняться начал и сам контент — мультфильмы, а также компьютерные и консольные игры перестали быть детской забавой. Например, [средний возраст](#) геймера в России — 36 лет, причем каждый четвертый игрок — работник офиса, а каждый десятый — менеджер или руководитель.

Если в начале девяностых благодаря *MTV* стала популярной категория «мультфильмы для взрослых» (такие как *Liquid TV*, «Эон Флакс», «Бивис и Баттхед»), то к нулевому мир анимации вступил в [эпоху](#), когда мультфильмы во многом перестали делиться на

возрастные категории — их смотрят вне зависимости от возраста. Конечно, есть «Синий трактор» и «Маша и медведь», которые большинство бездетных взрослых вряд ли будут смотреть. Но также существуют *South Park*, «Симпсоны» или *Adventure Time*, и за их просмотром легко представить как 10-летнего школьника, так и 40-летнего работника офиса.

Одна из причин такой трансформации — родители стали больше смотреть мультфильмы вместе с детьми. «Интересно, что анимация с видеоиграми впервые в истории человечества стали средством для совместного времяпрепровождения разных поколений, у которых раньше не было общего контекста для тусовок. Чувствую это на собственной шкуре, обсуждая с ребенком героев мультв и играя в игры вместе. Жаль, с нашими старшими родственниками сложнее так проводить досуг — я бы с удовольствием показал своей бабушке любимые проекты, например, свежий кукольный анимационный фильм *The House* на *Netflix*», — [рассказывал](#) в одном из интервью директор телеканала «2×2» Денис Всесвятский.

Ну и, конечно, изменилась одежда: новые взрослые теперь не стесняются ходить в футболках с теми же «Симпсонами» или носить мерч любимой группы даже в офис. При этом начали появляться и отдельные «детские» стили для взрослых, например, [кидкор](#) — пестрый оммаж ушедшим девяностым.

Глава третья. Отличаются ли российские кидалты от западных

И как на них повлияла война

Почти все сказанное выше применимо к большинству стран западного мира, однако отдельно стоит рассказать о российских особенностях. Огромное влияние на нынешних новых взрослых, живущих в России, оказал распад Советского Союза. В их детстве благодаря телевидению доступ к западной поп-культуре уже появился, но возможность по-настоящему к ней прикоснуться — съездить в Диснейленд, достать новую крутую игровую приставку — еще нет. Огромный яркий мир находился на расстоянии вытянутой руки и в то же время был недостижим, что привело к попытке компенсации в более взрослом возрасте. Во многом отсюда проистекает любовь нынешних 30-летних в России к компьютерным играм, приставкам, Lego, комиксам и мультсериалам — это в том числе ностальгические практики.

Однако, по мнению культуролога Ксении Романенко, дело не в одной лишь ностальгии. «Детские развлечения» складываются в культурный код, формирующий поколение. «Аниме „Сейлор Мун“,

мыльная опера „Дикий ангел“, телешоу „Сам себе режиссер“, сериал „Бригада“, Sega, покемоны, появление компьютеров и первых мобильных телефонов, гелевые ручки с несколькими стержнями,

CD-диски, пингвины из „киндер-сюрпризов“, напиток Yurі, лосины, олимпийки, джинсовые сарафаны... Все это пароли для совместных воспоминаний о тех временах. Но разнородные названия, предметы и факты не только вызывают ностальгию, но и становятся элементами отстройки от следующих поколений. Так, дети 90-х коллективно пересоздают то время и показывают, чем именно они уникальны, чем отличаются (и, конечно же, в лучшую сторону) от более младших», — [считает](#) Романенко.

Зачастую ученые описывают поколения через то, как они вместе переживали события, сильно повлиявшие на их дальнейшую жизнь. Немецкий социолог Карл Мангейм [утверждал](#), что совместно пережитое приводит к «усвоению формообразующих принципов интерпретации новых впечатлений». Например, молодежные протестные движения 1968 года во многих странах Европы и в США были фактическим ответом на общий опыт жизни после Второй мировой войны. Так что российских кидалтов важно рассматривать, опираясь на единый — и во многом травматичный — постсоветский опыт.

Одна из особенностей российских новых взрослых сформировалась под влиянием «сильного государства».

Отчасти из-за цензуры и самоцензуры появилась знаменитая постирония, хорошо знакомая активным пользователям социальных сетей, особенно твиттера. Многим она кажется стихийно возникшим явлением, но вообще-то постирония — в том числе результат репрессивных [законов](#), помноженных на стремление к свободе и любви к поп-культуре. Так молодые россияне создали отдельный мир ироничных высказываний с подтекстом, где глубоко под слоями шуток спрятаны сильные живые эмоции. Подобное снижение «градуса серьезности» через юмор помогает кидалтам нормализовать обязательные элементы «взрослого» мира — смерть, секс, работа, налоги — или отстраниться от них на время, чтобы осмыслить и принять.

Любовь к высмеиванию всего вкупе с инфантильностью на первый взгляд позволяют сделать вывод, что «новые взрослые» России оказались не готовы к 24 февраля 2022 года. Ведь с началом полномасштабного вторжения в Украину к тревогам и вопросу «что будет с моей жизнью?» добавился «что будет с этим миром?». И если вернуться на несколько лет назад и спросить у старшего поколения, как поведут себя 30-летние, если начнется война, они скорее всего [ответили бы](#) что-то вроде: «Забьются в угол».

На деле же все оказалось сложнее. Во-первых, именно новые взрослые составили костяк тех, кто [эмигрировал](#) — и дело не только в том, что кидалты испугались призыва и в целом могли позволить себе отъезд. Психолог-волонтер Илья Канатуш, работающий в «Ковчеге», так описывает мотивы эмигрантов на фоне войны: «Для уехавших важно жить в соответствии со своими ценностями, и они имеют

возможность это сделать. Жизнь в несвободе и под авторитарным давлением наносит им перманентный психологический ущерб, который может превосходить трудности адаптации в новой стране.

Ведь эмиграция даже в мирное время — большой стресс и вызов, на который не каждый пойдет».

Во-вторых, многие недооценили, насколько сильно у миллениалов инфантильность может сочетаться с желанием помочь, эмпатией и ответственностью. В первый же месяц после начала войны в интернете появилось огромное количество частных инициатив: гайды о том, как и куда уехать; специализированные телеграм-чаты; денежные сборы; волонтерские группы и многое другое. Создавали их в основном как раз представители поколения миллениалов. Конечно, именно они достаточно хорошо владеют техническими средствами, чтобы в принципе что-то создавать, а также имеют возможности помогать деньгами и другими ресурсами. Однако вопрос не только в ресурсах, но и в том, как ими распорядиться.

«Становление и сознательная жизнь миллениалов пришлось на время, когда в России были довольны яркие оппозиционеры: Анна Политковская, Борис Немцов, Алексей Навальный, — рассказывает Люба Михайлова, защищавшая на факультете социальных наук Высшей школы экономики диплом по теме „Кидалты в России“. — Понятное дело, что все кидалты не обязаны их любить, признавать и считать своими ролевыми моделями. Но они наблюдали, как люди могут сопротивляться, как они могут это делать публично и транслировать свои убеждения».

Да, не всегда действия кидалтов можно назвать рациональными или эффективными, но «они как минимум высказываются», резюмирует она.

><{{{._____})

Еще до вторжения России в Украину и пандемии коронавируса кидалты часто меняли работы (а порой города и страны), старались не привязываться к местам, увлечениям и привычкам. Такой стиль жизни как будто выбивает почву из-под ног — и в то же время дает возможность кардинально изменить свою жизнь в любой момент. Полезная опция в нынешнее время, когда решительность, воля и способность преодолевать апатию (как свою собственную, так и внешней среды) особенно ценны. И, возможно, именно эти черты личности — главные «взрослые» качества прямо сейчас.

Своих гостей в подкасте «Ты кидалт» я спрашивал: «Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?». Раньше этот вопрос был актуален только для детей и подростков — теперь же его можно задать абсолютно каждому.

■

Леша Абанин

Редактор: Андрей Яковлев

#08

А ВЫ ТОЧНО ЛЮБИТЕ ЖИВОТНЫХ? ПИСЬМО О ТОМ, ЧЕГО ХОТЯТ ПИТОМЦЫ

▼ · x · ▼ Здравствуйте, меня зовут Степан Ботарёв. Я журналист и автор телеграм-канала о культурных и технологических феноменах [«Работник культуры»](#).

В апреле омский суд [запретил](#) кошке свободно гулять по квартире — так, будто она может соблюсти этот запрет. А чуть раньше СМИ [писали](#) о предприятии «Азовская судоверфь» — его руководство в одном из отчетов сообщило, что провело с обитающими на территории завода собаками «разъяснительную беседу о недопустимости нападения на людей».

Такое очеловечивание животных может вызывать смех — но оно давно переросло шутку. Питомцы [становятся](#) инфлюэнсерами в соцсетях, для них [шьют](#) дорогие наряды и [разрабатывают](#) что-то вроде «Тиндера» для случек. Да что уж там, называть питомца членом семьи или даже ребенком — давно обычное дело.

Историк окружающей среды Трой Веттес [утверждает](#), что сейчас в мире живет 700 миллионов кошек и 900

миллионов собак. И люди не жалеют на них денег. Одни только американцы в 2020-м [потратили](#) на своих любимцев больше 100 миллиардов долларов, а в следующем году показатель вырос еще на 20 миллиардов. Для сравнения: на билеты в кино в 2021-м в США [ушло](#) всего 4,5 миллиарда. То есть рынок питомцев — это гигантская индустрия.

Но нуждаются ли домашние животные в том, чтобы мы тратили на них столько денег? Хотят ли они, чтобы мы очеловечивали их? Хотят ли жить с нами? Чего они вообще хотят? В этом письме я попытаюсь проследить историю взаимоотношений людей с их питомцами в Европе и США. Расскажу, как идеи философов обернулись ритуальными казнями зверей в средневековой Европе. И объясню, почему, несмотря на сильную любовь к домашним животным, нам стоит пересмотреть отношения с ними.

В тексте больше 29 тысяч знаков, время на чтение — около 20 минут.

Часть первая.

Как люди подчинили ЖИВОТНЫХ

И стали проводить над ними суды, казнить и резать живьем

История одомашнивания собак и кошек (а точнее, их предков) началась за тысячи лет до нашей эры. Сначала приручили собак, которые [произошли](#), вероятнее всего, от волков. Когда именно появились первые собаки, ученые до сих пор спорят, но, как пишет в [книге](#) «Некоторых мы любим, некоторых ненавидим, некоторых едим» американский психолог Хэл Херцог, «большинство биологов считают, что собаки начали отделяться от волков от 15 до 40 тысяч лет назад». Херцог рассказывает и о первом достоверном свидетельстве близости между людьми и собаками — скелете пожилой женщины, похороненной в северном Израиле вместе с щенком около 12 тысяч лет назад.

Как же произошло одомашнивание? По мнению американского биолога из Хэмпширского колледжа Рэя Коппингера, волки «приручили себя сами». Когда люди бросили кочевой образ жизни и поселились в деревнях, они оставляли на окраинах селений груды пищевых отходов. Те волки, которые меньше боялись людей, приходили питаться на свалках — и размножались активнее, чем их дикие голодные сородичи. В генах потомков таких волков

постепенно закрепились терпимость к людям. Внешний вид животных тоже менялся, становясь все менее угрожающим. По одной из [версий](#), это произошло потому, что люди с большей готовностью ухаживали за особями, которые выглядели «дружелюбно».

Представить, как происходили эти изменения, помогает эксперимент, проведенный тысячи лет спустя. Советский генетик Дмитрий Беляев на протяжении сорока лет отбирал среди черно-бурых лисиц наиболее дружелюбных к человеку. В результате он добился того, что их уши обвисли, хвосты закрутились колечком, челюсти стали меньше, а лапы — короче. Людей такие лисы приветствовали, виляя хвостом, поскуливая и облизывая руки. Когда нечто подобное в древности произошло с волками и те перестали бояться людей, наши предки [начали использовать](#) этих зверей в быту: для охоты, перевозки вещей и охраны.

Что касается кошек, то самое древнее доказательство их близости к людям — совместная могила человека и кошки, которой около 9500 лет; в 2004-м ее [раскопали](#) на Кипре. Как и собаки, кошки, судя по всему, тоже «приручили себя сами». Только их привлекали не пищевые отходы, а грызуны, которые заводились в сельскохозяйственных угодьях людей. Следом произошло одомашнивание многих других видов: например, в 3500–4000 годах до нашей эры люди [приручили](#) лошадей, быков, ослов и верблюдов — ради передвижения и перевозки грузов. Животных не заводили просто так, ради развлечения, — только для дела.

Переход людей от охоты и собирательства к оседлой аграрной жизни ознаменовался не только приручением диких животных. Именно [тогда](#) возникло представление, что животные — **существа более низкого порядка, чем люди**, рассказывает социолог и исследовательница роли животных в обществе Лесли Ирвин в своей [книге](#) «Если ты меня приручишь. К пониманию нашей связи с животными». До этого люди жили «в отношениях единства и уважения» с природой и даже поклонялись животным, приписывая им магические черты. Однако развитие фермерства требовало постоянного расширения земель, а также истребления «вредных» растений и зверей. Оправдать такое доминирование над природой помог миф, что нечеловеческий мир «фундаментально отличается» от человеческого, а животные — низшие создания.

С приходом Античности человеческому доминированию нашлось и философское оправдание. Аристотель [уверял](#), что у животных нет разума и им «предпочтительнее находиться в подчинении у человека». Через несколько веков похожие идеи высказал философ и богослов Блаженный Августин, [заявив](#), что заповедь «Не убий» не распространяется на «неразумных животных», «ибо они не могут входить в общение с нами по разуму». «Почему не распространять [эту заповедь] и на травы?» — иронизировал Августин, предлагая отвергнуть «эти бредни».

Исследователь благополучия животных из Гуэлфского университета в Канаде Иэн Данкан [считает](#), что представление о подчиненном положении животных развилось в невиданную жестокость к зверям, которых

ради развлечения истязали в цирках Древнего Рима. Идеи же Аристотеля подхватил итальянский теолог XIII века Фома Аквинский: мол, поскольку животные неразумны, они не обладают бессмертной душой и у людей **нет никаких моральных обязательств перед ними**.

В Средневековье эти мысли обернулись неприятием домашних животных со стороны церкви. Больше всего досталось кошкам, особенно черным. Они стали символом всего демонического, и с началом [инквизиции](#) на них и на их хозяев обрушились настоящие гонения. Особенно «церковь потворствовала пыткам и казням кошек в дни святых и другие священные дни», пишет социолог Лесли Ирвин. Французы, например, регулярно сжигали кошек на празднике окончания посевного сезона Сен-Жан. А во французском Меце во время Великого поста ежегодно [помещали](#) тринадцать кошек в железную клетку и поджигали.

Подобные казни проводились не только в ритуальных целях, рассказывает в [книге](#) «История животных» философ Оксана Тимофеева. Над животными устраивали самые настоящие суды, после чего сжигали «преступников» на кострах, вешали или обезглавливали их, отлучали от церкви. При этом соблюдались все правовые процедуры, а адвокаты приводили в защиту подопечных юридические аргументы. Криминолог Джен Джинджер [объясняет](#), что это явление возникло из стремления людей упорядочить хаотичный мир: «Людям нужно было верить, что природный мир закономерен, даже если

некоторые события, такие как убийство человеческого детеныша свиньей, казалось, бросали вызов всем разумным объяснениям».

Собаки тоже оказывались на скамье подсудимых, но им повезло гораздо больше, чем другим животным, — из-за охоты. С XIII века она превратилась в престижный спорт, и псы, которые повышали шансы на ее успех, стали признаком знатности. Тем не менее владение питомцами только ради развлечения порицалось еще долго. Скажем, достаивались насмешек дамы, которые заводили себе «беспольных» спаниелей. Английский священник Уильям Харрисон, живший в XVI веке, [называл](#) этих собак орудиями «дурости для игры и развлечения, для растрачивания попусту драгоценного времени и отвлечения ума от более похвальных занятий».

То есть питомцу нужна была какая-то функция, которая оправдывала бы его нахождение рядом с человеком, а потому для животных придумывали все новые и новые роли. Например, пса-дегустатора, chien-goûteur, который пробует пищу до того, как к ней прикоснутся люди, чтобы уберечь их от отравления.

Другое предназначение животным нашел философ XVII века Рене Декарт. Тогда Средние века уже прошли и наступило Новое время, а с ним — расцвет науки, но отношение к животным как к неразумным и низшим никуда не делось. Декарт, который также был

естествоиспытателем, отказал животным **не только в разуме, но и в чувствах** — а потому [стал резать](#) их живьем, чтобы исследовать анатомию. То есть занимался вивисекцией — в переводе с латинского «живосечением», — которая безо всякого обезболивания [практиковалась](#) вплоть до XX века.

В «Истории животных» философ Оксана Тимофеева приводит признания из писем Декарта о том, как он это делал. Например, как «вскрыл грудь живого кролика и удалил ребра, чтобы стало видно сердце и ствол аорты», а затем «отрезал половину сердца». Более того, Декарт призывал к живосечению других: «Я хотел бы, чтобы те, кто никогда не изучал анатомии, потрудились рассмотреть сердце любого достаточно крупного животного».

Часть вторая

Как мы стали считать питомцев членами наших семей

И почему кошки — символ прогрессивности

Однако именно вивисекторы показали, что организм животных не слишком отличается от человеческого. В свою очередь геологи эпохи Просвещения [указали](#) на то, что Земля существовала задолго до появления людей;

астрономы [предположили](#), что Вселенная бесконечна; а изобретение микроскопа открыло новые миры в капле воды. «Короче говоря, [Новое время] ознаменовалось „революцией в восприятии“, от которой антропоцентрическая иллюзия полностью не оправится уже никогда», — резюмирует социолог Лесли Ирвин.

В ходе этой революции, ближе к концу XVIII века, английский философ Иеремия Бентам сформулировал важнейшую для истории животных мысль: «Вопрос не в том, разумны ли они и умеют ли они говорить, — но в том, страдают ли они». Однако даже не это стало самым мощным ударом по антропоцентризму, уверена Ирвин, а публикация в 1859 году «Происхождения видов» Чарльза Дарвина. В этой работе описывался механизм эволюции — естественный отбор, и вдруг стало ясно, что **никто не создавал животных для нужд человека**.

Именно на XIX столетие пришелся взрывной рост интереса к животным-питомцам в Европе и США. В эту эпоху оформилась «каста» животных, единственная функция которых — просто находиться рядом с людьми. Параллельно городское население в Европе и США [бурно росло](#): например, население крупнейшего европейского города в то время, Лондона, увеличилось с миллиона [в 1800 году](#) до шести с половиной миллионов [в начале XX века](#). Прирост [сопровождался](#) расцветом среднего класса, который был очень заинтересован в домашнем комфорте — и питомцы стали одним из его элементов.

Например, как [говорит](#) Джейн Хемлетт — профессор истории и соавтор исследования об истории домашних

животных в Великобритании, — на рубеже XVIII и XIX веков британцы активно интересовались бытом и воспитанием детей. И считалось, что содержание питомцев может «развить в ребенке нравственность». На другую причину моды на питомцев обращает внимание психиатр Эдвин Фуллер Торри в [работе](#) «Восстание кошек и безумие». С ростом экономики увеличилось число обеспеченных профессионалов — торговцев, ремесленников, клерков, — у которых были лишние деньги и «безумная тяга к потреблению». Распространялась эта тяга и на «живой товар» — к примеру, люди того времени скупали «улучшенные породы овец, крупного рогатого скота, свиней, собак и даже кошек» из заморских колоний.

«В конце XVIII — начале XIX века содержание питомцев становится более культурно приемлемым», — говорит Джейн Хемлетт. С 1840-х [появляются](#) книги, поощряющие содержание кроликов, морских свинок и птиц в качестве компаньонов для детей. Кроме того, питомцами [становятся](#) белки, барсуки, совы и вороны. Тогда же, как пишет Лесли Ирвин, стало модно разводить породистых собак, которые [указывали](#) на статусность владельцев.

С тех времен осталось множество [фотографий](#), на которых со своими псами запечатлены в том числе люди низкого достатка, то есть постепенно собаки перестали быть роскошью для богатых. Обеспеченные же люди, как [показало](#) исследование Хемлетт, нашли себе новую забаву: завозить из заморских колоний экзотических животных вроде попугаев и обезьян. А из Китая, жители которого первыми стали содержать рыб в эстетических целях, как

рассказывает автор другой научной [публикации](#), Марк Митчелл, пришла мода на аквариумы.

Наконец, постепенно **были реабилитированы кошки**. В XVII веке [держат](#) дома кошку [считалось](#) необычным: так делали разве что аристократы, поэты и художники. Но уже в XVIII веке отношение к кошкам изменилось — тогда по Северной Европе расселились серые крысы, которые размножались гораздо быстрее, чем распространенные прежде черные. И власти европейских городов даже [выделяли](#) отдельные бюджеты на содержание кошек для охоты на этих крыс в музеях, библиотеках и складах.

Однако главной причиной реабилитации кошек стал, вероятно, упадок веры в колдовство — по крайней мере, в Великобритании. В 1716 году британский суд рассмотрел последнее дело о ведьмовстве, а в 1735-м преступлением стали считать уже сами попытки обвинить кого-то в колдовстве. «Косвенным образом это помогло разорвать популярную ассоциацию между кошками и ведьмами. А некоторые образованные люди, возможно, даже стали заводить кошек в качестве знака своей прогрессивности», — [пишет](#) психиатр Фуллер Торри.

В конце концов, к XIX веку кошки стали привычными обитателями европейских жилищ. Более того, «их хозяевами очень часто были бедняки», замечает журналистка Кэтрин Роджерс в [книге](#) «Кошка», — потому что, в отличие от собак, кошек «можно было достать за небольшую сумму или бесплатно». Кроме того, «большинство писателей предпочитали изображать их как символ домашнего очага, а не как убийц вредителей»,

пишет она. Так кошки стали «воплощением домашней добродетели».

Несмотря на видимость примирения между людьми и зверями, жестокость к животным оставалась насущной проблемой: например, в 1877 году в Нью-Йорке больше 700 бездомных собак [затолкали](#) в железные ящики и утопили в проливе Ист-Ривер. Однако именно в это время появляются первые приюты для бездомных животных и первые общества по защите четвероногих, например британское Королевское общество по предотвращению жестокого обращения с животными, основанное в 1824 году. В 1845-м подобная организация — парижское Общество защиты животных — появилась во Франции. А в 1866-м открылось Американское общество по предотвращению жестокости к животным.

Еще один шаг в сторону более человеческого отношения к животным — появившиеся на закате XIX века [кладбища домашних животных](#). Позднее, с середины XX столетия, на надгробиях даже [стали](#) оставлять надписи, выражающие надежду на воссоединение на том свете. Авторы эпитафий нередко подписывались «папа», «мама» или «тетя».

Часть третья. Как питомцы влияют на нас

И есть ли у животных сознание

Весь XX век интерес к животным в Европе и США продолжал расти: ученые посвящали исследования их эмоциям и когнитивным способностям. Впечатляющий пример — эксперимент, в ходе которого [гориллу Коко](#) обучили тысяче знаков американского жестового языка. А сегодня ученые [пытаются](#) установить коммуникацию даже с кашалотами.

В 2009 году Евросоюз [признал](#), что животные обладают чувствами (sentient beings), то есть [способны](#) переживать удовольствие, радость, боль, стресс и другие состояния. А в 2012-м группа нейробиологов, собравшихся в Кембриджском университете, и вовсе [заявили](#), что **люди не единственные сознательные существа на планете.**

«Многочисленные факты указывают на то, что человек не уникален в обладании неврологическими механизмами, генерирующими сознание. Нечеловеческие животные (*этот термин [используют](#) в основном на Западе, чтобы напомнить, что люди — тоже животные. — Прим. Kit*), включая млекопитающих и птиц, а также многие другие существа, например осьминоги, обладают теми же неврологическими субстратами», — заключили ученые.

Подобно тому, как теория эволюции стала частью нашей культуры, распространилась и идея о том, что у нас с животными гораздо больше общего, чем мы привыкли думать.

Уже к началу XXI века люди описывали домашних животных как «вдумчивых, отзывчивых, эмоциональных существ с уникальными индивидуальными предпочтениями и чертами характера», рассказывает Лесли Ирвин. Да и вы, читатели текста, наверняка так же думаете о своей кошке или собаке. В англоязычном мире многие даже стали отказываться от термина pet («питомец») в пользу companion animal («животное-компаньон»), а термин owner («владелец») — заменять словом guardian («опекун»). Опрос владельцев питомцев в Британии [показал](#), что 90% респондентов считают домашних животных членами семьи. А согласно опросу, проведенному в США, 40% замужних владельцев собак [чувствуют](#) больше эмоциональной поддержки от них, чем от мужа и детей.

О степени сопереживания питомцам [говорят](#) и опубликованные в 2017 году результаты [эксперимента](#), проведенного в США. В нем уже знакомая нам Лесли Ирвин и еще два социолога рассказывали испытуемым выдуманные истории о насилии в отношении людей и собак разных возрастов. Затем участников эксперимента попросили заполнить анкеты, которые фиксировали уровень их эмпатии. Результаты распределились так: больше всего испытуемые сочувствовали человеческому младенцу, затем — щенку и взрослой собаке.

Взрослый человек оказался на последнем месте.

Сейчас ученые пытаются разобраться в причинах такой привязанности людей к животным. Согласно одной из гипотез, все дело в том, что с ними наша жизнь действительно становится лучше. В 1980 году поведенческий биолог Эрика Фридман [установила](#), что 28% респондентов, которые пережили инфаркт и у которых не было домашних животных, умирали в течение года после приступа. Среди владельцев питомцев показатель составил всего 6%.

Открытие Фридман вдохновило многих исследователей изучать влияние питомцев на здоровье людей — так подтвердились некоторые благоприятные эффекты. Например, есть исследования о том, что присутствие животных рядом с человеком [снижает кровяное давление](#) и [уровень](#) «гормона стресса» — [кортизола](#). А вот выработка окситоцина — [«гормона любви»](#), который [связывают](#) с эмпатией, доверием и привязанностью, — [наоборот, увеличивается](#). Другие научные работы указывают, что владельцы питомцев [лучше спят](#) и реже [ходят по врачам](#), а пожилые хозяева животных на 36% реже [испытывают](#) одиночество.

Впрочем, исследователь благополучия животных и изобретатель термина «антрозоология» (так называют науку о взаимоотношениях животных и людей) Джон Брэдшоу [обращает](#) внимание: «На каждую статью о том, что питомцы помогают нам жить дольше или делают нас

счастливее, приходится много других исследований — особенно от профессионалов медицины, равнодушных к [антрозоологии], — которые **не обнаруживают никакого эффекта** или даже находят негативные».

Так, исследование австралийских ученых 2010 года [опровергло](#) выводы Эрики Фридман о пользе питомцев для переживших инфаркт. В новом эксперименте владельцы питомцев (особенно кошек) умирали или повторно попадали в больницу даже чаще, чем пациенты без них, в течение года после госпитализации. А психолог Дебора Уэллс из североирландского Университета Королевы в Белфасте [изучила](#) влияние домашних животных на людей с синдромом хронической усталости. И хотя испытуемые верили, что питомцы положительно влияют на них, оценка физического и ментального состояния этих людей показала, что они были так же усталы, напряжены и обеспокоены, как и испытуемые без питомцев.

В свою очередь, авторы канадского исследования 2010 года с участием 132 человек, живущих в одиночестве, [сделали вывод](#): владельцы домашних животных, которые редко общались с людьми и при этом были привязаны к своим питомцам, чаще страдали от одиночества и депрессии. Наконец, финское исследование, в котором участвовала уже 21 тысяча человек, [показало](#), что кровяное давление у владельцев питомцев, наоборот, выше, чем у тех, кто живет без животных. Сама Эрика Фридман противоречивые выводы исследований прокомментировала коротко: «Да, питомцы могут благотворно влиять на людей. Но они не панацея».

Так или иначе, темные века с пытками и казнями зверей подошли к концу, и мы стали ценить некоторых животных почти так же, как людей (правда, других при этом продолжаем есть). Однако радоваться рано — наши отношения даже с самыми любимыми питомцами все еще далеки от идеала.

Часть четвертая. Что не так с нашим отношением к питомцам

И можем ли мы это изменить

Наверняка многие из вас любят после трудного рабочего дня посидеть с кошкой или собакой на диване. Питомец, который облизывает руки и подставляет бока для почесываний, становится для нас [значимым другим](#) — почти членом семьи. Но и у этого есть своя «темная сторона».

Жажда прикосновений, нервное возбуждение и чувство нестабильности, присущие жителям мегаполисов в XXI веке, заставляют людей использовать питомцев как антистресс-игрушки, пишет теоретик культуры Катя Крылова в [книге](#) «Рынок удобных животных». Податливые питомцы, которым труднее, чем людям, увернуться от

назойливых касаний, всегда тут как тут, когда нам нужно расслабиться. Самые маленькие из них и вовсе превращаются в «жвачку для рук» и «портативное средство для снятия стресса».

Жизнь наших животных кажется нам легкой и полной безделья. Зачастую мы не думаем об эмоциональной работе, которую выполняют питомцы, играя роль вечно жизнерадостных, послушных и терпеливых компаньонов, рассуждает Крылова. Такое поведение животных многие рассматривают как естественную, ни к чему не обязывающую нас любовь. Однако на самом деле **мы нередко снижаем свой стресс ценой дискомфорта питомцев**. К примеру, снижение уровня гормона стресса кортизола у людей, по данным шведских ученых, [сопровождается](#) повышением его у собак. А еще собакам, по информации [Американского клуба собаководства](#), не нравится, когда их обнимают: они оказываются в ловушке, лишённые возможности сбежать.

«Чтобы поддерживать иллюзию безусловной любви в повседневной жизни, животным-компаньонам приходится терпеть неудобства, переживать стресс, подавлять собственные инстинкты и адаптироваться к нашему поведению, среде и распорядку дня», — добавляет Крылова. При этом она настаивает, что животные не должны быть ресурсом для удовлетворения человеческих потребностей и заводить их только для получения удовольствия нельзя. Да, игра с питомцем успокаивает, признает Крылова, но, в отличие от психотерапии, имеет краткосрочный эффект и не развивает навык самостоятельного преодоления стресса.

Кто-то возразит, что относится к своему питомцу не как к антистресс-игрушке, а почти как к ребенку. И действительно, тенденция видеть в питомцах альтернативу детям существует. Недавний опрос в США [показал](#): 58% респондентов предпочитают уход за питомцами рождению детей. Этому способствует два фактора, считает Крылова. Во-первых, **зацикленность западного мира на карьере**, на которую люди тратят всю энергию и время. А во-вторых, «продленное детство», то есть **неготовность брать на себя ответственность за благополучие другого человека**. Ответственность за животных не так обременительна, да и ухаживать за ними проще, чем за детьми, в том числе в одиночку.

Однако, в отличие от настоящих детей, домашние животные никогда не смогут жить самостоятельно — так, как хотят сами. И проецируя на них свои представления о детских потребностях, мы забываем, что, вообще-то говоря, интересы питомцев отличаются от человеческих. Мы не замечаем, что животные меняются по мере взросления, а когда не понимаем их поступки, объясняем это «детскими капризами», пишет Крылова. Например, именно капризностью иногда объясняют гиперактивное поведение собаки во время вечеринки — хотя на самом деле это тревожная реакция на присутствие в доме множества незнакомцев.

Тенденция воспринимать домашних животных как детей влияет и на рынок. Так, селекционеры [целенаправленно](#) выводят питомцев с инфантильными чертами — скрещивая самых маленьких особей, чтобы делать кошек и собак все более миниатюрными и милыми. Расплачиваются за это

сами животные — многочисленными проблемами со здоровьем. Скажем, многие [животные](#) стандарта teacup (то есть размером с чашку) страдают от низкого содержания глюкозы в крови — гипогликемии. Это связано с более быстрым, чем у обычных животных, метаболизмом и небольшими запасами жира, [поясняют](#) на сайте Американского клуба собаководства. Гипогликемия может вызывать у животных судороги и даже [смерть](#), поэтому их нужно кормить часто и по расписанию. Кроме того, слишком маленький размер тела увеличивает предрасположенность к разным заболеваниям: от [болезней сердца](#) и [проблем с дыханием до артрита](#) и [слепоты](#). Кости же таких микроживотных очень [хрупкие](#), поэтому часто ломаются. А еще миниатюрные питомцы [быстрее](#) замерзают, причем даже при комфортных для более крупных животных [температурах](#).

Специалистка по биоэтике Джессика Пирс также указывает на проблемы со здоровьем «милых» животных с короткими ногами вроде корги, такс и бассет-хаундов. Они подвержены [артриту, дисплазии тазобедренного сустава](#) и [заболеваниям межпозвоночного диска](#). А брахицефалы — животные с приплюснутым черепом, такие как бульдоги и мопсы, — [страдают](#) из-за затрудненного дыхания, глазных болезней и [ряда других заболеваний](#).

Впрочем, «милые» животные не единственная уязвимая группа питомцев. В [книге](#) «Беги, Спот, беги. Этика содержания питомцев» Джессика Пирс обращает внимание на незавидное положение животных, живущих в клетках: крыс, морских свинок, птиц. «Строгие пространственные ограничения не позволяют животным двигаться больше чем

на пару шагов в любом направлении и сильно уменьшают их поле зрения. Один из главных эффектов таких ограничений — животные перестают проявлять активность и внимательность», — пишет она.

В итоге питомцы подолгу неподвижно сидят, а порой и вовсе спят большую часть дня. Их владельцы могут истолковать такую неподвижность как благополучное безделье. Однако «даже если животное сыто и защищено от хищников, оно может страдать оттого, что ему нечего делать», говорит Пирс. Чем дольше длятся изоляция и скука, тем выше вероятность, что питомцы станут бесцельно повторять одни и те же действия: ходить взад-вперед, кружиться, раскачиваться или грызть несъедобные предметы. «Такое стереотипное поведение проявляется, когда животные не могут заниматься чем-то, к чему испытывают мотивацию, например охотиться ради пищи, искать социального взаимодействия или прятаться от хищников», — объясняет Пирс.

Так в швейцарском [исследовании](#) 2005 года ученые выяснили, что чем теснее клетка и меньше в ней развлечений, тем чаще испытуемые хомяки занимаются стереотипным (то есть повторяющимся и бесцельным) пережевыванием прутьев этой клетки, что указывает на «низкий уровень благополучия» животных. В другой работе авторы [упоминают](#) попугаев, которые от скуки выщипывали себе перья — «вплоть до повреждения тканей».

В интервью для *The Guardian* Джессика Пирс [обращает](#) внимание еще и на то, что, отнимая детенышей у животных, чтобы сделать их своими питомцами, мы причиняем их родителям сильные страдания. При этом, когда привязанность к питомцам ослабевает или за ними становится неудобно ухаживать, люди часто отдают их в приюты, где условия порой [напоминают](#) тюремные. А нередко **дело и вовсе заканчивается эвтаназией**: только в США ей ежегодно [подвергается](#) почти миллион животных. Причины [могут быть](#) самые банальные — от «проблемного поведения» до дороговизны содержания.

И даже несмотря на то, что в некоторых странах животных [перестают](#) считать собственностью хозяев, питомцы все равно остаются нашими рабами, уверены защитники животных. Например, кинолог и автор [брошюры](#) «Основы взаимодействия с собаками» Дарья Овезова [считает](#), что «создавать и развивать целый вид для жизни вне свободы — преступление». Профессор биоэтики Хилари Бок добавляет: отстаивать права животных, заменяя термин «владелец» на «опекун», — это все равно что протестовать против рабства, заменяя понятие «рабовладелец» на «опекун раба». А специалист по правам животных Гэри Фрэнсион и его жена Анна Чарльтон [закljučают](#): «Если у вас есть законное право отправить свою собаку на эвтаназию или „гуманно“ убить своими руками, неважно, как вы называете себя и свою собаку. Ваша собака — ваша собственность».

И если мы признаем ценность животных, мы должны отказаться от их эксплуатации, насколько бы «гуманной» она ни была, считают Фрэнсион и Чарльтон. Это, по их

мнению, значит, что человечество должно постепенно перестать заводить питомцев. С похожими призывами [выступают](#) и [другие защитники животных](#) — например, историк окружающей среды Трой Веттес, [предлагающий](#) «закрыть заводы по производству щенков» и подвергнуть животных массовой стерилизации.

><{{{._____)

Тем, кто все-таки хочет завести домашнее животное, Джессика Пирс дает несколько советов. Прежде всего, обеспечьте питомцу больше позитивного опыта, чем негативного, — с учетом его потребностей не только в еде и воде, но также в запахах, комфортном уровне звуков и освещении. Кроме того, создайте условия для игр и предоставьте возможность говорить «нет». Например, если незнакомец на улице хочет погладить вашу собаку, не нужно заставлять ее терпеть назойливые ласки. Лучше вежливо сказать человеку: «Она не любит, когда ее гладят». То же самое касается ваших отношений с питомцем — уважайте его желания. Животному нужна агентность, которую Пирс определяет как возможность активно и самостоятельно взаимодействовать с окружающим миром.

В свою очередь, Катя Крылова предлагает не навязывать питомцам придуманные вами роли, а научиться ценить инаковость животных, их непохожесть на человека. Так мы перестанем видеть в них инструменты для удовлетворения наших потребностей и разглядим «другого, который по-своему чувствует и осознает мир». На самом деле на планете не так уж много животных, заинтересованных в

контакте с людьми, пишет она. А те, кто готов к нему, должны из антистресс-игрушек превратиться в то, что Крылова называет «агентами продвижения критических идей», — существ, благодаря которым мы сможем развить в себе эмпатию, посмотреть на привычные вещи иначе и сохранить уважение к необъяснимому.

Степан Ботарёв

Редактор: Андрей Яковлев

#09

ФАНФИКИ ЛУЧШЕ ПОРНО. ПИСЬМО О СЕКСЕ И ЧТЕНИИ КО ДНЮ ВСЕХ ВЛЮБЛЕННЫХ

(´▽`), о♡ Привет, я Ольга Власенко — [писательница](#), исследовательница фанфикшна и соведущая клуба по чтению фанфиков [«ФикКлуб»](#).

Если бы в подростковом возрасте мне платили каждый раз, когда буллили за чтение фанфиков — любительских текстов, написанных по мотивам какого-то популярного произведения — мне бы никогда не пришлось работать. О моем увлечении говорили разное, но чаще всего что-то немного презрительное: «Вырастешь и надоест», «Появятся отношения и перестанешь». Но вот я выросла, не раз была в отношениях, а фанфики из моей жизни никуда не ушли. С возрастом читать их даже стало интереснее: ни один другой жанр не дал мне столько знаний, сколько фанфики — и речь не только о знаниях, связанных с сексом, но также об исторических и культурных фактах.

Фанфикшн — важная часть моей жизни начиная с 11 лет, и таких, как я, миллионы по всему миру. Теперь писать фанфики [учат](#) на курсах, и фанфикшн все чаще выходит за пределы специализированных площадок — попадая, например, в новости. Впрочем, в России это не значит ничего хорошего: не так давно [The Village](#) и [«Медиазона»](#) писали об удалении фанфика по «Майору Грому» из-за упоминания войны, а «Бумага» [рассказала](#) об изменении правил на крупнейшем сайте фанфиков «Фикбук» после принятия закона об «ЛГБТ-пропаганде».

В общем, в России фанфикшн теперь на слуху как что-то скандальное, однако на Западе его изучают серьезные исследователи и даже пишут по нему научные работы. Впрочем, и там широкая аудитория считает фанфики чем-то легкомысленным и постыдным, особенно если они [о сексе](#). В этом письме я расскажу, почему думать так — ошибка, чем они так интересуют психологов, социологов и антропологов, а также как с помощью казалось бы несерьезной любительской литературы можно больше узнать о себе и своих сексуальных желаниях. Кроме того, я объясню, почему фанфики лучше порно.

В тексте больше 25 тысяч знаков, время на чтение — около 15 минут.

В этом тексте вы встретите несколько терминов — вот что они значат.

- **Фанфикшн** — жанр любительских художественных текстов (они называются фанфики), написанных либо на основе уже существующих произведений (романов, сериалов, компьютерных игр), либо о жизни реальных людей (медийных личностей, актеров, музыкантов, спортсменов). Фанфики конструируют альтернативные сюжеты в рамках уже существующих историй и миров, трактуя их вольно или очень вольно.
- **Канон** — оригинальное произведение, по мотивам которого создаются фанфики
- **Фикрайтер** — автор фанфиков.
- **«Фикбук»** — популярный русскоязычный сайт фанфикшна, оригинальной прозы, поэзии и публицистики. На нем можно бесплатно как читать, так и выкладывать произведения.
- **Фансервис** — включение в произведение сцен, которые не влияют на сюжет, но понравятся фанатам.
- **Шипперинг** — выстраивание романтических и сексуальных отношений между персонажами, которые не имеют таковых в каноне.
- **Смат** — фанфики, сфокусированные на сексе персонажей.

- Гет — поджанр фанфиков, в котором описываются отношения между персонажами разных полов.
- Слэш — поджанр фанфиков с описанием романтических или сексуальных отношений только между персонажами мужского пола.
- Фэмслэш — поджанр фанфиков с описанием романтических или сексуальных отношений только между персонажами женского пола.
- Джен — поджанр, для которого романтические или сексуальные отношения в принципе не важны, и поэтому они либо не описаны вовсе, либо не играют существенной роли для сюжета.

Глава первая. Кому вообще нужны все эти фанфики

Большая ошибка — считать, что фанфики породила современная популярная культура. На самом деле они существовали всегда — просто потому, что люди всегда любили выдумывать истории на основе уже существующих персонажей и сюжетов. Скажем, чисто технически Новый Завет — сборник фанфиков, основанных на Ветхом Завете и написанных разными апостолами. Иначе откуда у него несколько версий развития одних и тех же событий?

Да, термина «фанфикшн» до 1939 года [не существовало](#), но фанфики как таковые распространялись и без всяких терминов. Им ничего не мешало, потому что до XVIII века создателям произведений, основанных на чужом интеллектуальном труде, не грозили санкции — первый [закон о копирайте](#) приняли только в 1710-м в Великобритании.

Кто знает, может, именно поэтому Уильяма Шекспира — который, если верить [многочисленным версиям](#), мог сочинять свои культовые пьесы не совсем самостоятельно, а [базируясь](#) на произведениях других авторов своей эпохи — ждал театральный успех, а не всеобщее порицание. Если эти версии верны, сейчас судьба Шекспира могла сложиться по-другому:

скандал, судебный процесс, испорченная репутация. Понятно, что все это лишь фантазии, но они позволяют увидеть, как сильно авторское право изменило литературный рынок. И фанфиков это напрямую касается — публиковать их, не меняя оригинальные имена героев и события, значит прямо нарушать закон.

Однако и после введения законов о копирайте фанатское творчество не иссякло. В декабре 1893 года писатель Артур Конан Дойль [опубликовал](#) рассказ «Последнее дело Холмса», в финале которого Шерлок погибает у Рейхенбахского водопада. Это стало шоком для читателей, и преданные фанаты франшизы никак не могли согласиться с такой трагической концовкой. Их привязанность к персонажу оказалась настолько сильной, что на рубеже веков в журнале *Punch* [вышла](#) подборка из сразу восьми рассказов, написанных поклонниками Шерлока Холмса — в этих произведениях детектив был жив и продолжал свои расследования.

[Принято](#) считать, что тот фанфикшн, который мы сейчас знаем — то есть рассказывающий о романтических или сексуальных отношениях какой-нибудь пары персонажей — появился в 1960-е благодаря научной фантастике и медиафраншизе фильмов и сериалов «Стартрек». Именно тогда возникло понятие «фандом» — сообщество людей, которые увлечены неким произведением и создают контент по его мотивам. В 1967-м благодаря фандому «Стартрека» появился первый в истории [фанзин](#)

(любительское малотиражное издание с фанфиками) под названием *Spockanalia*.

С появлением интернета количество фанфиков увеличилось, они стали разнообразнее, а доступ к ним — свободнее. Однако интернет и анонимность — не причины развития жанра, а лишь удобные для его существования инструменты. Существует множество причин, почему люди пишут фанфики, и объяснения сложнее, чем может показаться на первый взгляд.

Фанфикшн — часть культурного кода современного общества, [указывает](#) исследователь медиа, профессор Массачусетского технологического института и Южно-Калифорнийского университета Генри Дженкинс. У фанфиков есть важная функция — **возвращать людям современные мифы**, которые в условиях популярной коммерциализированной культуры присвоили себе корпорации (создатели популярных фильмов, сериалов, игр), чтобы зарабатывать на них.

Эта мысль созвучна концепции «смерти автора» Ролана Барта из одноименного [эссе](#). По Барту, после рождения текста его автор как бы «умирает», — то есть не имеет значения, что он там имел в виду. Текст начинает жить собственной жизнью в сознании каждого отдельного читателя, который волен интерпретировать его, как хочется. Исключительно авторская интерпретация произведения загоняет нарратив в жесткие рамки, тогда как на самом деле история — вещь подвижная. Отсюда недалеко до мысли, что любую историю можно развивать, продолжать и менять. И любое произведение содержит множество

смыслов и подтекстов, которые способны раскрыться, если задать себе вопрос — «А что, если?..».

Одним словом, фанфикшн — значимая культурная [практика](#), с помощью которой люди перерабатывают и реконструируют канонические тексты в соответствии с собственными представлениями о них. А фандомы, по [словам](#) Генри Дженкинса, стали удобными инструментами для маргинализированных субкультур — гиков, квиров и многих других — дающими возможность не только объединяться с единомышленниками и вместе сопротивляться мейнстриму, но и демонстрировать окружающим свое видение мира.

Удачный пример того, как фандому действительно удалось добавить новые смыслы в оригинальное произведение, — фанфикшн по «Сверхъестественному». Это такой популярный сериал, который целых 15 лет, с 2005-го по 2020-й, шел по американскому телевидению. Он рассказывал о двух братьях, Сэме и Дине, путешествующих по США и расследующих инциденты с паранормальными явлениями. Шоу до сих пор [называют](#) одним из самых гомофобных в истории — его создатели изначально [целились](#) в аудиторию молодых гетеросексуальных мужчин и поэтому постоянно эксплуатировали типичные маскулинные образы: машины, монстры, классический рок, жизнь в дороге. Благодаря всему этому сериал и правда был очень популярен среди мужской аудитории. Так бы он и остался классическим маскулинным телевизионным продуктом, но внезапно [что-то пошло не так](#).

Герои «Сверхъестественного» предстают «суровыми мужиками», которые разделяют нечисть на раз-два — при этом далеко не всегда понятно, а что же они думают и чувствуют. Основной аудитории сериала, любившей его за внешний сюжет, этого было достаточно, но шоу также смотрели женщины и квир-люди. Им хотелось большего, и постепенно они начали создавать по «Сверхъестественному» фанфики, в которых наделяли героев мыслями и чувствами, описывали сложные внутренние конфликты, выстраивали драматургию. Так Сэм и Дин — не самые эмоциональные персонажи в сериале — в тексте **обрели настоящие проработанные характеры**.

Вообще-то, нетривиальная задача — создать проработанный характер или альтернативный сюжет. Однако фанфики в целом и в особенности фанфики, сфокусированные на сексе, многие считают неполноценной формой творчества. О них [существует](#) огромное [количество стереотипов](#): например, что фанфикшн — увлечение несерьезное и инфантильное, а пишут фанфики только тринадцатилетние девочки и «извращенцы».

Однако чтобы создать хороший фанфик, нужно не только разбираться в нюансах внутреннего мира конкретных героев, иметь релевантный жизненный опыт и хотя бы базовые литературные навыки, но и уметь работать с информацией — иначе получится история, состоящая из одних клише. Именно поэтому значительная часть фикрайтеров — взрослые люди, и это подтверждается статистикой (да, фанфики изучают, но об этом ниже). Так, норвежская исследовательница Дженнифер Дагган в статье 2020 года для академического журнала *Transformative*

Works and Culture [указывает](#), что больше половины фикрайтеров старше 20-ти.

Понять, зачем фикрайтеру жизненный опыт и умение работать с информацией, легко на примере [Four Letter Word For Intercourse](#) — одного из фанфиков по «Сверхъестественному». Он описывает гомосексуальные отношения Дина с одним из персонажей шоу, ангелом Кастиэлем, а также их БДСМ-практики, но дело не только и не столько в сексе. Автор решил совместить эротику с психологией и рассказать читателям, как работать со своими непростыми ментальными состояниями. «Я обычный чел, который задумался, сколько техник самопомощи я могу вставить в смат-фанфик, не портя его», — [объяснял](#) он.

В *Four Letter Word For Intercourse* читатели учатся психологическим техникам при тревожности, узнают, что обратиться за помощью к психотерапевту — не стыдно, лучше понимают, как защищать личные границы. Позже автор фанфика писал о нем: «Многие думали, что это текст про любовь, но я с этим поспорю. Смысл истории не в том, что Дин и Кас влюбляются. Смысл в том, что Дин учится любить себя».

Глава вторая. Как эротические фанфики помогают в самопознании — и почему они лучше порно

Разумеется, не весь смат-фанфикшн стоит воспринимать как инструмент исследования сексуальности. Да и не весь фанфикшн однозначно хорош. Как и в любом другом жанре, тексты здесь бывают достойные и не очень. А кринж — то есть фанфики, написанные так плохо, что аж стыдно — был, есть и будет.

Однако зачастую чтение смат-фанфиков — безопасный процесс, который действительно помогает в самопознании. Ведь порой наши собственные сексуальные желания кажутся нам странными или даже тревожащими, а фикшн позволяет взглянуть на них, чтобы изучить. Причем неважно, пишете вы сами или только читаете. Смат-фанфикшн — полностью контролируемая фантазия, от которой человек получает ровно то, что хочет. А если что-то смущает, тревожит или триггерит, вкладку с фанфиком всегда можно закрыть.

Например, если вам интересен бондаж, но обсуждать его с кем-либо страшно и стыдно, можно попробовать почитать фанфик, в котором присутствует эта практика — и прислушаться к ощущениям. Фанфик даст возможность реализовать фантазию, выплеснуть эмоции, которые сложно озвучивать, и сбросить таким образом напряжение, [говорит](#) психолог

Анастасия Гудкова. А социолог Дарья Свежинцева [называет](#) фанфикшн «комфортным пространством, где можно покрутить привычные модели, перестроить их, а также попросту встретить людей, которые не будут тебя осуждать».

Как будто все то же самое можно было бы сказать и о порно, но на самом деле нет. Порно и фанфикшн — два принципиально разных медиума восприятия сексуального контента. Доктор Хелен Уайатт, сексолог из Чикаго, [утверждает](#), что между ними лежит огромная пропасть, причем не только в смысле формы — текстовой или визуальной, но и в контексте эмоциональной наполненности. Слат-фанфики гораздо лучше, чем в порно, рассказывают об эмоциональных аспектах секса.

Именно поэтому людям, которым в сексе крайне важны чувства, фанфики принесут куда больше наслаждения, чем порно, где явно не хватает контекста и эмоций (а еще к порно целый вагон этических [претензий](#)). Слат-фанфикшн показывает читателю сексуальную ситуацию или кинк — то есть «ненормативное» сексуальное увлечение — как бы изнутри, в то время как порно делает это извне,

демонстрируя секс просто как механическую последовательность действий без учета внутренних переживаний героев. Текст фанфика в этом смысле способен на очень и очень многое: он помогает понять, что именно психологически стоит за той или иной практикой, что в ней может понравиться или нет, что чувствует персонаж, какова его мотивация.

О пагубном влиянии порно на наше восприятие секса написано много текстов, но особенно пагубным оно может быть в подростковом возрасте, когда сексуального опыта нет или почти нет, а знаний о половой жизни минимум. В такой ситуации картинка без эмоционального контекста действительно может стать важным переживанием, но годится ли она для столь ответственной роли? С людьми на экране подростка ничего не связывает, порноактеры — первые встречные, которые просто занимаются сексом (и о которых при этом ничего не известно). Кто эти люди, что они чувствуют, почему делают именно так?

В фанфикшне наоборот: у отношений героев есть предыстория, мы знаем их характеры, сопереживаем им. Франческа Коппа, исследовательница и одна из основательниц организации для сохранения и свободного распространения фанатского творчества *Organization for Transformative Works*, [отмечает](#): «Многие фикрайтеры пишут о сексе в контексте любимых историй и персонажей не потому, что считают эти тексты неполными, а потому, что ищут истории, в которых секс имеет значение и смысл. Этим фанфикшн отличается от порно: в фанфиках есть персонажи, которые нам уже не безразличны и которые, как правило, связаны давними и многогранными отношениями

друг с другом. Это скорее **жанр сексуальной субъективации** — полная противоположность объективации».

Кроме того, до сих пор большая часть порно — гетеронормативное, то есть демонстрирует секс мужчины и женщины. Герои как правило имеют довольно конвенциональную внешность и занимаются мейнстримными практиками. И даже несмотря на то, что на стримингах можно найти порно на любой вкус, а зрители все чаще [делают](#) не совсем «стандартный» выбор, основу индустрии по-прежнему составляет «нормальное» порно с «красивыми» людьми, при этом доминируют в сексе как правило мужчины. Фанфики предлагают другой, более разнообразный мир: квир-персонажи в нем [представлены](#) максимально широко, а [пишут](#) фанфикшн преимущественно женщины.

В отличие от порно и эротических романов, смат-фанфики всегда снабжены системой тегов и предупреждений, благодаря которым читатель заранее знает, что именно сейчас прочитает. Теги бывают как общего характера — например, *Friends to lovers* (персонажи сначала дружат, потом влюбляются), *Coffeshop!AU* (знакомство в кофейне), так и более конкретными, связанными с описываемыми сексуальными практиками — *First time* (первый раз), *Fingerfucking* (сексуальная техника с использованием пальцев), *BDSM*. Предупреждения также касаются чувствительных сцен, которые могут шокировать: скажем, необычные кинки или

радикальные сюжетные повороты вроде смерти главного персонажа. Все это позволяет сделать контролируемую фантазию еще более контролируемой и безопасной, а также быстрее находить фанфики по своему вкусу.

Кроме того, человек сразу знает, что персонажи в конце фанфика точно будут вместе — и можно в очередной раз понаблюдать, как именно это произойдет. Люди читают, как одни и те же герои влюбляются друг в друга десятком разных способов, и это создает пространство для размышлений на тему отношений вообще: какими они могут быть, как могут развиваться.

Клинический психолог и профессор Уэст-Честерского университета Линн С. Зубернис [утверждает](#), что фанфикшн таким образом предоставляет читателю готовое пространство рефлексии, критического мышления и роста. Он предполагает, что человеческий мозг «запрограммирован» таким образом, что, соприкасаясь с чем-то знакомым, — например, привычным нарративом или персонажами, — мы чувствуем себя в безопасности. Взаимодействие с привычными персонажами, но в новых обстоятельствах, очень терапевтично, потому что позволяет посмотреть вглубь себя без тревоги, которая часто сопровождает рефлексию о себе и своей сексуальности. И это еще одно доказательство того, что фанфикшн — безопасная и куда более осмысленная [альтернатива](#) порно. Например, многие [квир-люди открывают](#) свою квирность как раз благодаря фанфикам.

Зарубежные исследователи уже активно изучают процесс самопознания через фанфики, хотя в целом эта тема по-прежнему полна белых пятен. Но какие-то выводы уже сделать можно, и вот один из них. Донна Жанна Барт, антрополог из Университета Южной Флориды, провела опрос среди 25 авторов и читателей фанфиков — и [ВЫЯСНИЛА](#), что на большинство из них этот опыт оказал позитивное влияние. **96% подтвердили, что фанфикшн расширил их представление о сексе и отношениях**, в том числе негетеросексуальных.

Одна из респонденток поделилась, что до фанфикшна представляла секс как процесс, в котором обязательно присутствует пенис и вагина. Фанфикшн же показал девушке, что бывают другие опции, а также, что женская мастурбация — нечто естественное и не стыдное. Некоторые опрошенные также рассказывали, что смат-фанфикшн дал им дополнительные знания о том, как в сексе важна добровольность и что это такое. «Я стала лучше понимать, как разные люди подходят к сексу и как важен принцип согласия», — отметила одна из собеседниц антрополога.

Глава третья.

Что будет с фанфиками в России в эпоху запретов

За последние 10 лет качество фанфикшн-текстов заметно выросло во всем мире, и у этого есть несколько причин. Во-первых, **о сексе стали говорить более [открыто](#)**, причем не только о гетеросексуальном. [Появились](#) блоги, подкасты и медиа, которые занимаются сексуальным просвещением, а доступность знаний напрямую влияет на качество сексуальных сцен — о сексе все чаще пишут без пошлости и неуместных медицинских терминов.

Во-вторых, индустрия фанфиков **постепенно перестает быть маргинальной**. Например, книга «Пятьдесят оттенков серого» когда-то была фанфиком по «Сумеркам», но затем стала бестселлером и [выиграла](#) Национальную книжную премию в США в нескольких категориях. А нашумевший роман «Лето в пионерском галстуке», хоть и не фанфик, но изначально публиковался в свободном доступе на «Фикбуке». Кроме того, теперь «серьезные» писатели зачастую [используют](#) идеи фанатов для своих произведений — как Рейнбоу Рауэлл, которую фанфики по ее книге «Фанатка», вдохновили [написать](#) сиквел «Продолжай».

В англоязычном мире фанфикшн и вовсе [воспринимается](#) как полноценный жанр литературы. У писателя Нила Геймана однажды спросили об отношении к фанфикшну, и он [ответил](#): «Я выиграл Премию Хьюго в 2004 году в категории лучший короткий рассказ за кроссовер (*то есть смешение сюжетов и персонажей из разных произведений в одном.* — Прим. Kit) [Говарда] Лавкрафта и [Артура Конана] Дойля, так что лучше бы фанфикшн считался [за литературу] — награду назад я не отдам». В свою очередь Лев Гроссман, автор трилогии «Волшебники», ничуть не [стесняется](#), что ее финальную часть постоянно сравнивают с «Хрониками Нарнии» Клайва Стейплза Льюиса. Авторами фанфиков Гроссман откровенно [восхищается](#): «Я обожаю то, как фикрайтеры взаимодействуют с исходными текстами и критикуют их, манипулируя ими и нарушая их правила». Писатель [восторгается](#) тем, как радикально фикрайтеры обращаются с каноном, дополняя его элементами, на которые у оригинальных авторов не хватило смелости (например, из-за условий контрактов с издательствами).

Еще одна причина постепенной нормализации фанфикшна — фансервис. Это когда автор оригинального произведения, предугадывая предпочтения фанатов, заранее включает в него сцены или подтексты, которые не являются сюжетообразующими, но рассчитаны на мощный эмоциональный отклик аудитории. Фансервис нередко дополнительно подстегивает поклонников к написанию фанфиков, как это было с тем же «Сверхъестественным».

Фанаты сериала ждали двенадцать лет, пока ангел Кастиэль не признается в любви одному из главных героев сериала Дину Винчестеру. Причем создатели шоу долго разогревали для этого аудиторию, периодически подкармливая ее полунамеками и [неоднозначными сценами](#). Возможно, именно благодаря этому фанаты [написали](#) по «Сверхъестественному» более 250 тысяч фанфиков (причем только на сайте *Archive of Our Own*), а пара Дина и Каса [держалась](#) на первом месте топа популярных пар на [Tumblr](#) — популярной медиаплатформе, где публикуется фандомный контент — даже после завершения шоу в 2020-м.

Смат-фанфикшн все чаще [становится](#) предметом научных исследований. По крайней мере, в англоязычной академической среде, где уже никого не удивишь [ученой степенью](#) по фанфикам или научными работами о [важности](#) фанфикшна в контексте осознания квир-идентичности, [возникновении](#) слэш-фанфиков и [влиянии](#) смат-фанфикшна на восприятие секса (да, все это реальные исследовательские тексты).

В общем, в последние десять лет фанфикшн все активнее сбрасывает с себя статус чего-то маргинального — но не в России. Принятый здесь в конце 2022-го [закон](#) о запрете «пропаганды ЛГБТ» ударил не только по правам и свободам ЛГБТ-комьюнити, но и по свободе творчества. Ведь описание негетросексуального секса в фанфиках легко может быть квалифицировано как «гей-пропаганда».

Еще до принятия закона администрация популярного русскоязычного сайта с фанфиками «Фикбук» [заявила](#), что под определение, данное в документе, подходит значительное количество фанфиков ресурса. Чтобы обезопасить себя от блокировки, «Фикбук» спешно разделился на два сайта: [один](#) — для джена и гета (то есть для фанфиков с гетеросексуальным сексом или без него в принципе), [другой](#) — для слэша и фэмслэша. Но такое разделение дискриминирует — потому что вслед за законом о запрете «пропаганды ЛГБТ» подразумевает, что есть контент «нормальный» и не очень. Так что многие авторы уже переносят свои работы на другие ресурсы: например, на международный *Archive of Our Own* и русскоязычный *Fanfiction*, который, в отличие от «Фикбука», не стал создавать для авторов слэша и фэмслэша отдельный «загон».

Конечно, новый закон заметно осложнит жизнь и фикрайтерам, и читателям пабликов, [говорит](#) *aksiomazweifel* — автор более двадцати фанфиков по телешоу «Импровизация»: «Со стороны может показаться, что все как раньше: большинство сайтов с фанфиками — зарубежные ресурсы, поэтому штрафы авторам не грозят. Но, вероятно, эти ресурсы рано или поздно будут заблокированы, а так как не все готовы возиться с VPN ради фанфиков, то это отрезет часть аудитории, что **демотивирует некоторых авторов**».

По мнению *aksiomazweifel*, сильнее всего закон ударит по тем, кто монетизирует свое творчество через донаты в пабликах «ВКонтакте» и *Boosty* (платформа монетизации контента), которые аффилированы с государством. Так, в

2022-м «ВКонтакте» уже заблокировала паблик, [посвященный](#) роману «Лето в пионерском галстуке».

Но больше всего закон угрожает тем фанфикам, которые со временем становятся полноценной литературой и печатаются в виде книг. Авторы, ранее планировавшие издать свои работы, теперь не понимают, что им делать. Вырезать из книг все любовные линии? Заняться самиздатом? Забыть о планах? «До закона в моих планах было открыть для донатов *Boosty* и в течение года написать книгу для публикации. Поэтому сейчас я чувствую себя человеком, который на заправке вышел из туристического автобуса, чтобы перекусить, а автобус уехал без него», — комментирует автор фанфиков *aksiomazweifel*.

Впрочем, растерянность и неуверенность накрыли не только индустрию фанфиков, но и весь российский литературный рынок целиком. После принятия закона о запрете «пропаганды ЛГБТ» и [скандала](#) вокруг «Лета в пионерском галстуке» (девушек, написавших роман, даже признали «иностранными агентами») никто не понимает, что и как лучше делать с текстами. Источник в одном из крупных книжных издательств на условиях анонимности рассказал *Kit*, что руководство компании дало распоряжение переводчикам, работающим над локализацией зарубежных книг в России, корректировать или даже выкидывать из произведений все сцены, которые могут быть квалифицированы как «пропаганда ЛГБТ». Многие книги с подобными сюжетными линиями, на которые уже куплены права, застряли в издательстве — и **неясно, выйдут они в обозримом будущем или нет.**

И если переводчикам теперь придется всерьез освоить ремесло цензора, то писателям приходится становится цензорами самих себя. Скажем, писательница Ольга Птицева, выпустившая книги «Выйди из шкафа» и «Там, где цветет полынь», в которых присутствуют любовные квір-линии, говорит в разговоре с *Kit*, что старается «не поддаваться панике и самоцензуре», но тут же описывает, что вынуждена самоцензурировать: «Заранее обхожу откровенные сцены или сцены сексуализированных контактов квір-персон, оставляя что-то за кадром, что-то описывая, но не проговаривая».

Птицева признает, что теперь самоцензура стала частью ее работы, но старается «не впадать в крайности» и находится «в плотном взаимодействии с редакторами и юридическими отделами издательств, где мы обсуждаем, что пропустят, а что нет». «На сегодняшний день мне никто ничего не запрещает и все издатели идут навстречу», — уверяет она.

><{{{._____)

Люди [всегда](#) писали о сексе, но делали это очень по-разному — в зависимости от исторического периода, социальных норм и государственных [запретов](#). Однако ни один запрет так и не смог положить конец истории эротических текстов. Например, попытки запретить фанфики «для взрослых» уже были — в начале нулевых, а потом в начале десятых. Они полностью провалились: в 2002 и 2012 сайт *Fanfiction.net* [удалял](#) смат-контента из опасений, что его прочитают несовершеннолетние,

но появились [новые платформы](#), куда мигрировали фикрайтеры.

Фанфики в целом и смат-фанфики в частности — живучий жанр. Здесь тот самый случай, когда цензура пасует перед страстью — люди уж слишком любят эротический контент, и поэтому скорее найдут лазейку, чем откажутся от него. Ну, и не будем забывать об [эффекте Стрейзанд](#), возможно он сработает и на этот раз — и попытка цензуры приведет лишь к более широкому распространению того, что так отчаянно хотят запретить чиновники.

■

Ольга Власенко

Редактор: Андрей Яковлев

О НЕОЧЕВИДНОМ

#10

УВЕРЕНЫ, ЧТО УЧЕНЫМ МОЖНО ДОВЕРЯТЬ? ПИСЬМО О БОЛЬШОМ КРИЗИСЕ В НАУКЕ

(¬_¬;) Привет! Меня зовут Андрей Вдовенко, я пишу об истории, науке и психологии. А сегодня расскажу о, пожалуй, главном вызове, с которым столкнулось современное научное сообщество.

Мы порой и сами не замечаем, как глубоко наука проникла в нашу жизнь. О громких экспериментах рассказывают не только профильные, но и общественно-политические, деловые и развлекательные СМИ, а ссылки на исследования ученых в повседневных разговорах — обычное дело. В эпоху фейк-ньюс наука выступает чем-то вроде несокрушимой скалы в море противоречивой и ложной информации — стабильным и непредвзятым институтом, на который можно положиться, а также железобетонным аргументом в споре.

Но прямо сейчас наука переживает не лучшие времена, и все из-за кризиса репликации (его еще называют кризисом воспроизводимости). Касается этот кризис основы

доказательной науки — эксперимента. Дело в том, что просто поставить опыт и зафиксировать результат недостаточно, — открытие считается таковым, только если его можно наблюдать и при повторных экспериментах. Например, вы можете легко доказать, что гравитация существует: сколько бы раз вы ни выпускали из рук металлический шарик, он будет падать на землю.

Принцип воспроизводимости, то есть повторяемости результатов экспериментов при перепроверке, один из основополагающих в науке. Он позволяет исключить вероятность, что исследователь ошибся, получил результат случайно или вовсе подтасовал его. И по-хорошему, ученые должны регулярно повторять опыты: как свои, так и чужие, на которые будут опираться в своих работах. Однако в последние 10–12 лет попытки повторить научные эксперименты дают обескураживающие результаты: значительная их часть не воспроизводится. Значит ли это, что зачастую мы строим свои представления о мире на основе ложных знаний? В этом письме я постараюсь ответить на этот непростой вопрос — расскажу, почему появился кризис репликации, как он влияет на нашу жизнь и можно ли с ним справиться.

В тексте около 27 тысяч знаков, время на чтение — 18 минут.

Часть первая. Как современную науку накрыл кризис (и затронул даже математику)

Оказывается, повторить многие научные опыты просто невозможно

В 2010 году в авторитетном научном журнале *Psychological Science* вышла [статья](#) под названием «Позы силы: непродолжительные невербальные символы влияют на нейроэндокринный уровень и склонность к риску». Ее авторы доказывали, что осанка и положение тела оказывают большое влияние на то, как мы себя чувствуем — не только в физическом, но и в психологическом смысле. Якобы от того, какую позу мы принимаем, зависит ощущение себя и мира вокруг — сигналы об этом с помощью гормонов поступают прямо в мозг.

Работа стала чрезвычайно популярной — о ней говорили в [Forbes](#), [New York Times](#) и [CNN](#), а [видео](#) про «позы силы» на платформе *TED* собрало 67 миллионов просмотров (и стало вторым по популярности). Бизнес-школы и психологические тренеры даже учили людей принимать правильную стойку, чтобы «зарядиться» уверенностью перед важной встречей.

Однако были те, кто усомнился в достоверности выводов статьи. В 2014–2015 годах группа психологов повторила эксперимент с «позами силы» и [не обнаружила](#) изменений гормонального фона, о которых говорилось в *Psychological Science*. Зато психологи [выявили](#) ошибки в данных статьи — или даже намеренные манипуляции. Так история громкого открытия стала историей громкого провала: Эми Кадди, соавтор исследования о «позах силы», подверглась настоящей травле и оставила пост в Гарвардской школе бизнеса. Другая, доктор Дана Карни, публично [открестилась](#) от концепции.

Не менее громкая история произошла, когда в 2011 году американский психолог Дерил Бем опубликовал [статью](#), в которой на основе нескольких экспериментов доказывал, что «пси-феномены» (или, проще говоря, ясновидение) действительно существуют. Работа вышла в еще одном престижном научном журнале — *Journal of Personality and Social Psychology* — и вызвала оживленную полемику в научных кругах. Группа психологов решила повторить опыты Бема — никаких «пси-феноменов» ученые [не нашли](#). Как выяснилось позже, Бем некорректно работал с данными: «доказательство» на деле не выходило за пределы статистической погрешности.

Тогда же, в 2011-м, [вскрылась](#) история масштабного научного мошенничества. Нидерландский исследователь Дидерик Стапель, считавшийся восходящей звездой социальной психологии, сознался в преднамеренной [фабрикации](#) результатов экспериментов, которые легли в основу

[около 50](#) научных публикаций. К тому моменту Стапель уже получил несколько научных премий, а его самую известную [статью](#) в научном журнале Science — о том, что беспорядок и мусор на улицах способствует развитию стереотипов и дискриминации, — с большим энтузиазмом цитировали СМИ.

После этих и других подобных историй в научном сообществе [выросло](#) беспокойство. Еще в 2005 году медик и статистик из Стэнфорда Джон Иоаннидис [заявил](#), что «большинство опубликованных результатов исследований — ложь». По его подсчетам, больше половины эффектов, обнаруженных в медицинских экспериментах, невозможно повторить впоследствии — и, соответственно, выводы этих экспериментов не могут считаться достоверными. «Для многих современных научных областей результаты исследований могут быть всего лишь точными отражениями преобладающих предубеждений», — писал Иоанидис.

Эта дискуссия вылилась в создание учеными инициативных групп для воспроизводства опытов коллег — чтобы хотя бы примерно оценить долю тех экспериментов, которые все-таки дают надежные результаты. Именно такие «воспроизводители» громко заговорили о кризисе репликации в современной науке — от латинского *replicatio*, что означает «повторение». Одной из самых масштабных репликационных инициатив стал проект «Воспроизводимость», начатый в 2011 году. Он объединил

ученых-энтузиастов со всего мира, которые провели эксперименты по репликации работ в области [психологии](#) и [биологии рака](#).

Их выводы оказались шокирующими. Из 100 попыток повторить психологические эксперименты, опубликованные в ведущих научных журналах, только 39 [дали](#) результаты, схожие с оригиналом, — но и в них наблюдаемый эффект был в среднем в два раза ниже. Авторы пришли к неутешительному выводу: если даже в ведущих научных изданиях до 60% результатов не воспроизводятся, то в менее авторитетных журналах их число может достигать до 80%.

Воспроизведение работ по исследованию рака тоже дало обескураживающие результаты. Во-первых, репликаторам [удалось](#) повторить только 50 экспериментов из 193. Дело в том, что многие работы не содержали подробных описаний проводившихся опытов, а некоторые эксперименты не получилось воспроизвести даже после консультаций с авторами оригинальных статей. Во-вторых, из тех экспериментов, что все-таки удалось повторить, только 46% подтвердили существование исходных феноменов. И опять же в подавляющем большинстве случаев (85–92%) эффект был меньше, чем в оригинальных исследованиях.

Дальнейшие работы репликаторов показали, что кризис затронул не только психологию и медицину, но и ряд других дисциплин: [экономику](#), [нейронауки](#), [социологию](#), [компьютерные науки](#) (информатику) и даже [математику](#). В 2016 году журнал *Nature* провел опрос 1576 своих читателей-исследователей, из которых 52% [заявили](#), что

науку поразил серьезный кризис, а 36% сказали, что кризис есть, но незначительный. При этом 70% признались, что не смогли воспроизвести эксперименты коллег, а около 50% — и свои собственные. Большинство опрошенных — биологи (703), физики и инженеры (236), медики (203), химики (106), представители наук о Земле и окружающей среде (95). Хуже всего повторения экспериментов дались химикам и биологам. Схожие результаты [дал](#) и опрос, проведенный Американским обществом клеточной биологии среди 900 исследователей.

Часть вторая. Как же так получилось, что многим экспериментам нельзя верить

*Всему виной гонка за показателями
и нейросети*

Кризис репликации — комплексная проблема, у которой много причин. Как и все люди, ученые подвержены заблуждениям и когнитивным искажениям — таким как [апофения](#), [предвзятость подтверждения](#) и [ретроспективный](#)

[взгляд](#). Также кризису репликации способствует то, что количество исследований в мире растет чрезвычайно быстро (число научных публикаций [удваивается](#) каждые 17 лет), поэтому следить за их качеством становится все сложнее.

Несовершенство человеческого интеллекта и темпы научного прогресса — объективные факторы, но есть и несколько субъективных. Перечислим основные.

↘ **Ученые гонятся за показателями, а не за истиной**

Старинный лозунг американских аспирантов «Публикуйся или умри» (*Publish or Perish*) сегодня актуален в академической среде как никогда. Чтобы двигаться по карьерной лестнице, исследователь зачастую должен думать не о научной истине, а о том, как получить больше публикаций в престижных журналах и цитирований от других авторов.

От этих показателей зависит [индекс Хирша](#), по которому оценивают эффективность работы ученых. Это одна из главных причин кризиса репликации — по мнению [самих ученых](#) в том числе. Погоня за показателями приводит к тому, что новизна «открытия» становится важнее надежности полученных результатов, а количество работ — их качества. Желая заполучить заветную публикацию, первым сделать открытие или поскорее получить грант, исследователи торопятся, публикуют сырые, плохо проверенные исследования — зато с громкими заголовками.

Влияют на поведение ученых и научные журналы, которые в основном хотят публиковать интригующие исследования с [захватывающими](#) результатами. При этом они довольно неохотно принимают работы, авторы которых пытаются воспроизвести эксперименты коллег, а также те, в которых исследователи получили [нулевые](#) или [отрицательные](#) результаты. И согласно [работе](#) социолога из Эдинбургского университета Даниэле Фанелли, доля положительных результатов в научных исследованиях (в таких, где гипотеза успешно подтвердилась) с 1990 по 2007 год выросла более чем на 22%.

Этот подход научных журналов называется «предвзятостью публикации» (*Publication Bias*). Из-за него [статью](#) о неудачной репликации экспериментов Дерила Бема — психолога, который доказывал существование телепатии, — удалось [опубликовать](#) только с пятой попытки. А работу о серьезных недостатках в изучении диабета [отклоняли](#) шесть раз: журналы не хотели принимать статью с указанием слабых мест предыдущих исследований, потому что в ней не был предложен новый способ лечения.

В результате предвзятость публикации бросает серьезный вызов появлению новых критических работ, которые проверяли бы предыдущие исследования и опровергали их. Ведь перед ученым встает вопрос: зачем тратить кучу времени и сил на то, что никто не захочет печатать? В итоге в некоторых научных областях — например, все в той же психологии — повторениям уже проведенных экспериментов посвящен всего [1%](#) публикаций. А множество данных, которые научные журналы считали «незначимыми», так никто и не увидел.

↘ **Исследователи не всегда корректно работают со статистикой**

На кризис репликации также влияют некорректная работа с информацией и манипуляции в научных исследованиях. Ученые работают с огромными массивами данных, в которых нужно отделить закономерности от случайностей. Один из самых распространенных способов сделать это — использовать *P*-значение (*P-value*). Если объяснять простым языком, то *P* — вероятность получить результат, который будет противоположен ожидаемому. *P*-значение может быть от 0 до 1, его сравнивают с другим показателем — уровнем значимости, то есть вероятностью получить ожидаемый результат. Если уровень значимости больше *P*, гипотеза правдива.

Однако в погоне за показателями авторы научных статей часто [ищут](#) (а кто ищет, тот всегда найдет) в полученных результатах наиболее яркие, пусть и не особо полезные, «закономерности». Кроме того, они могут весьма избирательно подходить к информации, чтобы соответствовать требованиям журналов. Для этого используются многочисленные способы обхода *P-value* — у этого явления даже есть название, [P-хакинг](#). Например, ученые публикуют данные [выборочно](#) или упорно проверяют гипотезы до тех пор, пока одна из них не даст таки положительный результат. Или и вовсе сначала проводят эксперимент, а потом на основе полученных результатов формулируют гипотезу, что некорректно с научной точки зрения.

Ученые всегда осознавали, что по сути такие махинации — жульничество, но считали их невинным нарушением вроде перехода улицы в неполюженном месте. Однако ничего невинного в них нет: манипулируя данными, можно доказать чуть ли не что угодно. Это продемонстрировали американские психологи, которые без особого труда смогли научно доказать, что прослушивание песни *The Beatles* «*When I'm Sixty-four*» [заставляет](#) людей ощущать себя на полтора года моложе.

Вдобавок к этому некоторые ученые в принципе [не умеют](#) работать с *P-value*, зачастую еще со студенчества усвоив неправильные или устаревшие принципы взаимодействия со статистикой (а то и вовсе методы *P-хакинга* как нормальной исследовательской практики).

Впрочем, даже корректное использование *P-значения* [не](#) [страхует](#) от погрешностей, а [слепое следование](#) ему нередко приводит к путанице и ошибкам. Ведь если какой-либо феномен регистрируется, это не делает его автоматически значимым. Например, исследователи могут обнаружить, что употребление красного вина благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему. Актуальная и животрепещущая тема привлечет внимание к работе, даже несмотря на то, что сам эффект очень слабый и наблюдался не у всех подопытных.

Некоторые научные [организации](#) и [журналы](#) отказываются от *P-value*, предлагая вместо него другие методы, в первую очередь [байесовскую статистику](#). Но эти инструменты тоже [не идеальны](#) и имеют свои недостатки.

↘ **Воспроизвести чужой эксперимент порой невозможно**

Еще одна причина кризиса — условия чужих экспериментов сложно воссоздать. Именно поэтому повторения 100 психологических экспериментов проекта «Воспроизводимость» не всегда были точными. Например, подопытными в некоторых из них вместо американцев [были](#) европейцы. А ведь культурные различия — значимое условие для психологических опытов, соответственно, сложно назвать такую репликацию полноценной. Тем более если помнить, что в особенно сложных и тонких экспериментах — например, психологических — на результат [могут влиять](#) самые незначительные детали вроде дня недели, цвета комнаты или [наличия видеокамеры](#) в ней.

Казалось бы, в таком случае нужно всего лишь сделать описания опытов максимально подробными, но и с этим все не так просто. С одной стороны, находясь в высококонкурентной среде, исследователи в принципе неохотно делятся [данными](#) или, например, использованным [программным кодом](#). С другой — вообще все нюансы опыта порой [не опишешь](#): рассказ об условиях эксперимента в деталях может занять десятки страниц.

Сказывается и недостаток коммуникации между учеными. Например, из почти 1600 опрошенных *Nature* исследователей лишь 20% [сообщили](#), что коллеги, которые пытались повторить их эксперименты, связывались с ними. Судя по всему, ученые [стесняются](#) показаться некомпетентными и боятся обращаться за помощью. Кроме

того, далеко не всем авторам нравится, что кто-то хочет проверять их работы, из-за чего они отказываются общаться с репликаторами.

↘ **Некоторые научные работы попросту выполнены слабо**

В психологии и когнитивной нейробиологии некачественные работы [могут составлять](#) до половины от всех публикаций. Чаще всего авторы подобных исследований работают со слишком маленьким количеством подопытных, что чревато высокой неточностью результатов. При увеличении выборки эффект, обнаруженный в таких работах, [уменьшается](#) — «растворяется» в потоке других случайных данных. Так, в исследованиях по картированию зон и связей в мозге с помощью МРТ, проводившихся по всему миру, нейроученые использовали маленькие (около 25 пациентов) выборки. Анализ базы данных примерно 50 тысяч МРТ-исследований показал, что многие обнаруженные ранее связи между характеристиками мозга и особенностями организма и поведения людей [гораздо слабее](#), чем считалось, — поэтому стандартом для таких экспериментов должны стать выборки в несколько тысяч пациентов.

Порой эксперименты некорректны по менее очевидным причинам. Например, в одном из опытов ученые [продемонстрировали](#), что крысы, получив возможность контролировать введение наркотика им в кровь, употребляли его все больше и больше. Казалось бы, это доказывает, что у живых существ легко развивается наркозависимость. Однако авторы не учли, что крысы по

природе живут не в замкнутых изолированных клетках, а колониями. Схожий эксперимент в крысиной колонии [показал](#), что животные в окружении сородичей становятся зависимы от наркотиков гораздо реже.

↘ Ученые пользуются нейросетями, но запутывают себя и других

Сегодня исследователи все чаще используют нейросети в научной работе. Благодаря им можно быстро проанализировать огромные массивы данных и найти закономерности, на поиск которых у людей ушли бы годы кропотливого труда. Однако некоторые ученые (например, статистик из Университета Райса [Дженевера Аллен](#)) сомневаются, можно ли доверять открытиям, сделанным с помощью искусственного интеллекта.

Пока алгоритмы далеки от совершенства, а в принципах программирования и обучения искусственного интеллекта хорошо разбираются не все ученые. Исследователи из Принстона [выявили](#) недостатки в 329 исследованиях из 17 научных областей, выполненных с помощью нейросетей. Вывод прост: искусственный интеллект из полезного инструмента может легко превратиться во вредный.

Кроме того, нейросети могут находить связи там, где их нет. Чтобы показать, как это бывает, аналитик и студент Гарварда Тайлер Виген разработал специальную программу, которая обнаружила много абсурдных корреляций: например, [между](#) тратами США на науку, космос и технологии и числом самоубийств через повешение. Получилась эдакая научная шутка, но

подобные забавные случайности могут выливаться в настоящие трагедии. Скажем, если нейросеть по ошибке укажет, что человек с определенным прошлым более склонен к совершению преступлений, цена ошибки может быть высока.

По этой причине уже не первый год идут дискуссии о программе [COMPAS](#) — ее используют в судах некоторых американских штатов. Если грубо, программа использует данные статистики и, исходя из нескольких параметров, рассчитывает, какова вероятность того, что конкретный подсудимый в будущем совершит новое преступление (и это может влиять на окончательное решение судьи о приговоре). В 2016 году журналисты из расследовательского проекта *ProPublica* [проанализировали](#) работу *COMPAS*. Они пришли к выводу, что программа — расистская: для темнокожих американцев, совершивших не такие уж тяжкие преступления, она выдает вероятность совершения новых преступлений выше, чем белым за более серьезные.

Позднее аналитики-криминалисты [раскритиковали](#) расследование *ProPublica*, однако поводы для сомнений в объективности системы остаются. В 2018-м специалисты из Дартмутского колледжа (США) решили снова проверить *COMPAS* — для этого они [сравнили](#) предсказания программы с прогнозами людей, которые вообще никак не связаны с юриспруденцией. Выяснилось, что и в том, и в другом случае точность прогнозов была плюс-минус одинаковой — 65–67%.

Часть третья. Чем опасен кризис репликации для каждого из нас

Деньги на ветер, правые популисты и ошибающиеся ПЦР-тесты

Любая наука работает по накопительному принципу: открытие освещает некую область знаний, которую дальнейшие исследования постепенно расширяют. Но если изначальное исследование ложно, значит, бесполезны и все последующие.

На основании некоторых работ, результаты которых невозможно было повторить, [вышли](#) сотни статей с ошибочными заключениями. Так произошло с социальным (или поведенческим) [праймингом](#) — концепцией, согласно которой незначительные подсознательные стимулы сильно влияют на поведение людей. Согласно ей, прослушав или прочитав связанные с агрессией слова, человек и сам становится агрессивнее, простое напоминание о деньгах стимулирует трудиться усерднее, а запах рыбы влияет на подозрительность англоговорящих, потому что отсылает к известной английской идиоме (*something smells fishy* — «что-то здесь нечисто»). Однако повторные опыты показали, что либо эффекты, связанные с социальным

праймингом, вообще не удастся обнаружить, либо они непостоянны и сильно зависят от подопытных.

В итоге выходит какая-то нелепица: различные группы ученых, проводя одни и те же эксперименты, получают разные данные и приходят к диаметрально противоположным выводам. Поэтому кризис репликации расколол научное сообщество на два лагеря. Первые считают, что в науке большие проблемы, вторые же, наоборот, утверждают, что все в порядке, и обвиняют репликаторов в стремлении пропиариться за счет очернения чужих трудов.

При этом тема невозпроизводимости экспериментов практически не вышла за пределы научного сообщества: соцопросы в Германии [показали](#), что около 75% людей никогда не слышали о кризисе репликации. А если и слышали, то воспринимают его положительно — как наличие контроля качества в науке. Однако кризис репликации — явление, влияющие не только на ученых, и вот почему.

↘ Во-первых, **работа исследователей затрагивает жизнь каждого человека**. От медицины, психологии и социальных наук зависит, чем мы будем лечиться, как воспитывать детей, строить отношения, государство и общество. Простой пример: ПЦР-тесты на коронавирус, доказавшие свою эффективность в лабораториях, в реальных условиях поточного тестирования порой [давали](#) ложные результаты. Из-за этого люди могли либо сидеть в карантине, будучи здоровыми, либо не получать необходимого лечения вовремя.

Еще острее проблема становится из-за популярности невоспроизводимых исследований. Ведь как [показывает практика](#), они привлекают больше внимания и чаще попадают в заголовки СМИ, так как интригуют своими результатами. При этом даже неудача в репликации, как правило, не влияет на их популярность.

↘ Во-вторых, **кризис репликации — это еще и трата денег на исследования**, которые не двигают науку вперед. Одни только невоспроизводимые доклинические биомедицинские эксперименты, которые в том числе используются при изобретении лекарств, в 2018 году [обошлись](#) США примерно в 28 миллиардов долларов.

↘ Наконец, в-третьих, **кризисом репликации пользуются сторонники антинаучных теорий** — например, [немецкие правые популисты](#) из «Альтернативы для Германии». Эта партия смогла получить места в бундестаге и Европарламенте, заручившись поддержкой в том числе отрицателей науки и противников вакцинации.

Все это не может не волновать научный мир, который борется с кризисом разными способами. В первую очередь [увеличивается число](#) репликаций, меняются и совершенствуются подходы к экспериментам. Эталонами выступают физика и химия, где в отличие от наук о человеке и жизни нет перекоса в сторону поиска новых феноменов, а открытие не считается достоверным, пока его не удастся повторить в тех же условиях.

Также общенаучной нормой постепенно [становится](#) двойное слепое рандомизированное контролируемое

исследование. Раньше его использовали преимущественно медики, а сейчас оно превращается в стандарт и для социальных наук. Процедуру такого исследования проще всего [описать](#) на тестах лекарств: подопытных делят на две группы (или больше, в зависимости от исследования), одна из которых получает лекарство, а другая — плацебо, то есть пустышку. При этом ни экспериментаторы, ни подопытные не знают, кому что достанется.

Еще кризис репликации постепенно меняет систему оценки эффективности работ ученых. В 2014 году в Великобритании [заработала](#) программа *Research Excellence Framework*, которая изменила финансирование высших учебных и научных заведений. Согласно ей, ведущие в своих отраслях ученые оценивают деятельность учреждений, учитывая не только количество публикаций, но и их качество, а еще вклад в развитие экономики, государства, общества и культуры.

Способствовать созданию воспроизводимых экспериментов пытаются также исследовательские организации. Например, Национальные институты здравоохранения США [приняли](#) список принципов и руководств по отчетности о доклинических исследованиях, [среди которых](#) отказ от ограничения на количество страниц в разделе об использованных материалах и методах, требование описывать их максимально подробно, а также использовать более строгие методики статистического анализа.

Свои стандарты публикаций [создала](#) и Американская психологическая ассоциация. Однако самые активные

меры предпринимают научные журналы. Они меняют свою [редакционную политику](#), требуя от авторов публиковать все полученные данные, а также подробно описывать как сами эксперименты, так и методы обработки данных (если не в статье, то хотя бы в открытом доступе), допускают работы с нулевыми и отрицательными результатами. Поэтому сегодня Дидерик Стапель — тот самый, кто сфабриковал результаты около 50 исследований, — [не смог бы](#) получить признание и успех.

С середины 2000-х [ряд авторитетных](#) изданий — таких как *New England Journal of Medicine*, *The Lancet*, *JAMA*, *Cortex*, *Psychological Science* — стали вводить пререгистрацию исследований. Согласно ей, автор сдает в журнал статью еще до проведения экспериментов, а рецензент допускает ее, исходя из того, насколько корректно выдвинута гипотеза и описан будущий опыт. Это, с одной стороны, не дает исследователям подгонять гипотезы под обнаруженные данные, а с другой — обязывает журнал опубликовать статью, даже если эксперимент дал отрицательные результаты. Пререгистрацию статей [одобрила](#) Всемирная организация здравоохранения, и сейчас ее [используют](#) более 300 научных журналов.

Также авторы публикуют свои исследования и материалы к ним самостоятельно — это позволяет [быстро](#) представить работу на суд научного сообщества, обходить ограничения журналов (например, по количеству страниц), а также

предоставить открытый доступ к публикации всем желающим (например, если в журнале ее можно посмотреть только платно).

В помощь исследователям репликаторы создают [гайды](#) и [кодексы](#) по проведению экспериментов, [сервисы](#) для ведения подробных журналов опытов с историей редактирования, [библиотеки статей](#), авторы которых выложили в свободный доступ использованный код, [базы](#) отозванных исследований (то есть тех, которые журналы опубликовали, а потом отказались от них). Также появляются обучающие [проекты](#) для студентов, которым только предстоит стать учеными, курсы для [исследователей](#), [рецензентов](#) и [простых читателей](#) и [даже искусственные интеллекты](#), способные отличать хорошие исследования от слабых

Однако невозпроизводимые исследования продолжают появляться, и в том числе в престижных журналах. Так, в разгар пандемии *The Lancet* опубликовал статью о лечении COVID-19 с помощью гидроксихлорохина (ВОЗ [не рекомендует](#) применять этот препарат), а потом [отозвал](#) ее. После скандала издание [анонсировало](#) перемены в политике редакции: усилило требования к проверке публикуемых работ, авторам и самим статьям. Но базы отозванных статей, вроде [Retraction Watch](#), созданные, чтобы не использовать в работе дискредитированную публикацию, продолжают активно пополняться, [в том числе](#) работами нобелевских лауреатов. И число таких работ растет: если в 2010 году журналы отзывали примерно 45 работ в месяц, то в 2021-м — уже [около 300](#).

Впрочем, в этом есть и позитивный момент: рост числа отозванных статей означает, что журналы стали ответственнее относиться к тому, что публикуют. Также [благодаря пререгистрации](#) растет количество опубликованных материалов с отрицательными или нулевыми результатами. Это значит, что журналы постепенно преодолевают предвзятость публикации, данных становится больше, а объективное научное знание — ближе.

Да, в науке кризис, но это вовсе не значит, что ученым больше нельзя доверять, а исследования скатились в сплошное шарлатанство. Наличие различных точек зрения — нормально, а идеал исследовательской практики в принципе недостижим. Перемены же пусть и [не быстро](#), но наступают.

Важные и полезные открытия все еще [публикуются](#), и они, даже пройдя несколько перепроверок, подтверждаются. А если ученые все еще способны критиковать самих себя, отказываться от старых или ненадежных идей, значит, не все потеряно.

><{{{._____)

На самом деле неудачная репликация еще [не доказывает](#), что эксперимент не достоверен. Ведь даже самый добросовестный исследователь, в том числе и репликатор, не застрахован от ошибок. Впрочем, сами ученые [умеют отличать](#) исследования, результаты которых могут быть воспроизведены, от нереплицируемых.

Гораздо интереснее, что, как показывает эксперимент нидерландских психологов 2019 года, с этой задачей порой неплохо справляются и [обычные люди](#). Конечно, им хуже профессионалов удается «предсказать» судьбу работы, но в целом процент правильных ответов превышает статистическую погрешность. Например, участникам опыта, не имеющим отношения к науке, предложили оценить, удастся ли воспроизвести эксперимент, который показал, что люди распознают эмоции по изображениям глаз после прочтения художественной литературы лучше, чем после нехудожественных текстов. Больше половины «народных экспертов» посчитали, что реплицировать такой опыт не удастся, и оказались правы.

Этим экспериментом ученые пытались проверить теорию, согласно которой результаты тех статей, что сформулированы наиболее правдоподобно и неувидительны с точки зрения интуиции обывателя, повторятся с большей вероятностью. Оценку непрофессионалов авторы опыта предлагают использовать при решении, стоит ли воспроизводить тот или иной эксперимент или сослаться на него, а также при выдвижении гипотез. Так люди, не связанные с наукой, могут помочь двигать ее вперед.

Андрей Вдовенко

Редактор: Андрей Яковлев

#11

ПРЕДСТАВЬТЕ: ВАМ ПЛАТЯТ ДЕНЬГИ ПРОСТО ТАК. ПИСЬМО О БЕЗУСЛОВНОМ БАЗОВОМ ДОХОДЕ

(・v・)㊟⑩ Привет, меня зовут Витя Вилисов, я независимый исследователь и журналист.

В 2020 году я курировал цифровой перформанс [SIARIA](#) — мобильное приложение со сценами в дополненной реальности, которое рассказывало о безусловном базовом доходе и людях, чьи жизни можно было изменить или даже спасти, получай они деньги просто так.

Тогда в России случился локальный всплеск интереса к этой теме — во многом благодаря выходу на русском языке [книги](#) «Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики» Филиппа Ван Парайса и Янника Вандерборхта. Свою роль сыграла и пандемия, которая обострила проблему социальной поддержки. Наш проект не взлетел: тех, кто хотел что-нибудь узнать о базовом доходе, оказалось даже меньше тех, кто интересуется дополненной реальностью.

Однако сама идея — а ей почти 500 лет — никуда не делась. Детали могут различаться от проекта к проекту, но большинство теоретиков сходится на трех основных критериях. Речь о регулярной денежной выплате, которая: **безусловна** (деньги выплачиваются вне зависимости от того, есть у вас работа, доход и заслуги перед обществом или нет), **универсальна** (ее получают все жители конкретной территории) и **индивидуальна** (сумма приходит каждому лично). За последние 50 лет разные форматы таких выплат тестировались в сотнях государственных, частных и гибридных экспериментов. А в октябре 2022-го в *Washington Post* даже вышел [материал](#) под заголовком «Безусловный базовый доход неоднократно тестировали. Он работает».

Государства привили гражданам подозрительность к любым утопическим идеям, и многие считают безусловный базовый доход чем-то радикальным и неосуществимым. Однако я убежден, что без него человечество не сможет решить многие критические проблемы XXI века. Это письмо о том, почему безусловный базовый доход необходим, а реализация идеи — не экономический, а политический и этический вопрос.

В тексте больше 28 тысяч знаков, время на чтение — примерно 19 минут.

Часть первая. Почему мы вообще говорим о безусловном базовом доходе

В 1970-е в экономиках западных стран начались изменения, которые к середине девяностых догнали и Россию, — переход к модели [неолиберализма](#), продвигаемой экономистами из международного общества [«Мон Пелерин»](#). Этот набор политэкономических принципов начал свой путь по планете с политики Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. Он включает в себя веру в свободный рынок как главный инструмент прогресса, неограниченную конкуренцию, приватизацию, неприкосновенность частной собственности, минимальную роль профсоюзов и сокращение социальной поддержки граждан государствами до минимума.

На протяжении почти всего XX века доля [национального дохода](#) западных стран, которая приходится на прибыль компаний, и та доля, которая приходится на доходы работников, оставались относительно стабильными. Но через тридцать лет после Второй мировой, с наступлением неолиберальной эры, первая начала расти, а вторая — снижаться. Тенденция усилилась в девяностые, но

особенно после кризиса 2008-го, когда промышленный капитализм трансформировался в то, что философ Ник Срничек называет [«капитализмом платформ»](#). Тогда транснациональные корпорации перестали быть просто компаниями, превратившись в гигантские платформы-монополисты, инфраструктурой которых теперь пользуются не только частные клиенты, но также другие корпорации и государства.

Поощряя капитал, правительства снижали налоги на высокие доходы, увеличивали субсидии корпорациям и владельцам крупной собственности, уменьшая при этом поддержку малоимущих граждан. Документалист Адам Кертис [описывает](#) этот процесс как **стремление политиков передать власть финансовым элитам** в надежде, что те лучше справятся с задачей двигать общество и экономику к прогрессу. А экономист Тома Пикетти в своем исследовании [«Капитал в XXI веке»](#) показывает: между двумя мировыми войнами состояния богатейших людей планеты просели, но начиная с семидесятых баланс между богатством (то есть прибылью капитала) и доходом (то есть заработком трудящихся) стремительно меняется. Первое растет гораздо быстрее второго, причем не только в странах «первого мира», но также в России и Китае. Если тенденция продолжится, считает Пикетти, будущее будет похоже на XIX век, когда вся экономика была выстроена вокруг узкого круга богатейших.

Что с этим не так? Государства поощряют предпринимателей и корпорации, и те больше зарабатывают, двигая экономику к росту, а общество к прогрессу, не так ли? Здесь место для еще одного открытия

Пикетти: значительная часть крупнейших богатств мира происходит не из заработанного, а из унаследованного капитала. Такие состояния самовоспроизводятся: доход капитала — от недвижимости, интеллектуальных прав, акций — сегодня гораздо выше, чем доход от труда. Поэтому богатые богатеют гораздо стремительнее, чем все остальные, — и это вообще никак не связано с их трудолюбием или продуктивностью. Экономист Гай Стэндинг называет такое положение вещей [«капитализмом рантье»](#).

Дело не только в том, что зарплаты растут медленно, а доходы капитала — быстро, но еще и в изменении характера занятости. «Капитализм платформ» привел к тому, что число [«салариата»](#) (работников на постоянном окладе с социальными гарантиями) сокращается, а [«прекариата»](#) (людей на контрактах или фрилансе без соцгарантий) — растет. В идеале доход рабочих должен состоять не только из зарплат: он также включает медицинскую страховку, оплаченные выходные и отпуска, льготы и доступ к инфраструктуре. Переход к неолиберализму сопровождается ростом зарплат, но часто снимает с компаний и государств обязанность поддерживать работников всеми остальными способами.

Мы вошли в то, что социологи Люк Болтански и Эв Кьяпело [именуют](#) «третьим духом капитализма»: работники эксплуатируются все больше, но это сглаживается мантрами о свободе, отсутствии иерархии, гибкости, мобильности и саморазвитии. Прибавьте сюда [войну](#) с профсоюзами, которая [ведется](#) в [самых](#) неолиберальных странах, и получается, что работники оказываются в

совсем уязвимом положении. И самое главное: неолиберализм усугубляет мировое неравенство.

↘ [Доклад о глобальном неравенстве](#), вышедший в 2022 году, подтверждает это. Сегодня 10% самых богатых людей мира получают 52% глобального дохода, а беднейшие 50% — лишь 8,5%. Имущественное неравенство еще выше: беднейшая половина владеет лишь 2% активов, а богатейшие распоряжаются 76%. Авторы доклада обращают внимание, что «неравенство в уровнях дохода и активов увеличивается во всех странах с восьмидесятих годов прошлого века» — на волне реализации программ по дерегулированию и либерализации.

У неравенства, особенно экстремального, есть [множество](#) последствий, в том числе чисто экономических: при определенном уровне оно способно замедлять или даже останавливать экономический рост. То есть, грубо говоря, неравенство [обходится](#) государству и обществу [дороже](#), чем обошлись бы меры по его сглаживанию, однако дело не только в этом. Находить для всего исключительно денежные аргументы — это как раз то, к чему призывает культура неолиберализма: якобы все должно быть экономически оправданно. Но экономическое неравенство — прежде всего моральная проблема; это прямое свидетельство отсутствия социальной справедливости.

То, что богатые богатеют, а бедные оказываются еще более уязвимыми, чем были в середине прошлого века, говорит о крайнем несовершенстве нынешней системы распределения ресурсов. Причем речь не о тех ресурсах, о которых говорилось в социалистических проектах прошлого, когда пролетариат формировался как массовый класс. Теперь, [пишет](#) экономист Гай Стэндинг, ресурсы — это не только деньги, земли и производства, но еще и базовая безопасность, контроль над собственным временем, образование, финансовая грамотность и многое другое. И одной из самых многообещающих схем для перераспределения всего этого можно считать безусловный базовый доход.

Часть вторая. Как экспериментировали с безусловным базовым доходом

В 2016 году гражданам Швейцарии предложили принять участие в общенациональном референдуме, где им нужно было согласиться или не согласиться с тремя утверждениями. Первое — страна вводит безусловный базовый доход. Второе — он позволит всем швейцарцам жить достойную жизнь и активно участвовать в общественной сфере. Третье — уровень базового дохода и источник его финансирования должен определить закон.

Референдум предваряла широкая общественная кампания: агитировали за безусловный базовый доход и против, снимали документальные фильмы, проводили [зрелищные акции](#). В итоге против проголосовали 77% швейцарцев, оставшиеся 23% — за, и базовый доход в стране не был введен. Но сам факт того, что в Швейцарии — стране с низким уровнем бедности и неравенства, пуританской этикой труда и большим количеством богатых — такой референдум в принципе прошел, можно назвать чудом. А то, что сторонников идеи набралось сразу 23% (в некоторых округах их число достигло 40%), — тем более.

↘ История помнит моменты, когда введение безусловного базового дохода в некоторых странах было ближе, чем в Швейцарии 2016-го. Например, американский президент-республиканец Ричард Никсон в 1969 году [предложил](#) план поддержки малоимущих семей: они должны были регулярно получать выплату или эквивалентную налоговую льготу в размере не меньше 1600 долларов в год (это около 13 000 долларов на сегодняшние деньги), причем независимо от того, работают члены семьи или нет. Звучит довольно революционно — даже несмотря на то, что за предложением Никсона стояло желание избавиться от системы социальной поддержки, а не нарастить ее. Об этом проекте Никсона подробно рассказывает в своей книге [«Утопия для реалистов»](#) историк и сторонник введения базового дохода Рутгер Брегман. Если очень коротко, у 37-го президента США ничего не вышло:

инициативу отверг конгресс, да и сам Никсон в ней разочаровался — в том числе под влиянием одного из своих советников.

Безусловный базовый доход гораздо ближе к реальности, чем принято думать: он тестировался в сотнях экспериментов в самых разных странах. Некоторые были полноценными пилотными программами, другие — исследованиями или [квазиэкспериментами](#). Какие-то изучали концепцию целиком, остальные проверяли ее отдельные положения. Были те, что благополучно завершились, и те, которые пришлось прервать досрочно.

Самым масштабным по длительности и количеству участников долгие годы остается **Постоянный Фонд Аляски**. В этом американском штате с 1982 года всем, кто прожил на его территории больше года и не имеет судимости, выплачивают дивиденд с нефтяного экспорта. Выплата гарантируется Конституцией Аляски и зависит от нескольких факторов — не только от объема нефтяных доходов, но и числа получателей. Поэтому сумма немного меняется, но в среднем составляет 1500–2000 долларов в год — и она фиксированная для всех.

Схема, при которой доходы от продажи ресурсов инвестируются в фонд благосостояния и затем каким-то образом распределяются между людьми, — как раз один из способов платить базовый доход, практикуемый в разных странах. Например, в Норвегии подобный фонд поддерживает социальную сферу на доходы от продажи

нефти и газа, в Ботсване — от продажи алмазов, в Кувейте и Восточном Тиморе — от нефти.

Монголия, зависимая от экспорта ресурсов, [экспериментирует](#) с выплатами населению с 2004 года. Сперва часть доходов от продажи руд, минералов и топлива шла на выплаты детям, родители которых должны были выполнять определенные условия — регулярно отправлять их на школьные занятия или своевременно вакцинировать. Затем деньги стали платить вообще на каждого ребенка. А в 2010-м появились еще и выплаты для каждого жителя страны — правда, плохая организация и коррупция не позволили этой программе проработать дольше двух лет.

Один из самых цитируемых в медиа экспериментов — из-за качества организации и вышедшей по итогам [книги](#) — провели в **Финляндии** в 2016-м. Там [запустили](#) общенациональную программу, в рамках которой две тысячи случайно выбранных человек на протяжении двух лет получали по 560 евро в месяц вне зависимости от уровня дохода и статуса занятости. В том же году некоммерческая организация [GiveDirectly](#) — ее спонсорами выступают частные лица, компании и различные фонды — запустила в **Кении** проект, бюджет которого составил 30 миллионов долларов. Жители 44 местных деревень получают безусловные базовые выплаты в течение 12 лет с момента старта программы, в других 80 деревнях — в течение двух лет, в 71 деревне деньги раздадут в короткий период, а люди еще из 100 деревень ничего не получают и выступают контрольной группой. Эксперимент пока идет, и финальные результаты мы увидим лишь через пять лет, но

кое-что [уже известно](#) (например, что в общей сложности между 20 тысячами кенийцев уже успели распределить несколько миллионов долларов).

В 2018-м **канадская провинция Онтарио** [начала](#) свой эксперимент: четыре тысячи местных жителей с низким или нулевым доходом получали выплаты, размер которых доходил до 24 тысяч долларов в год. Правда, потом пришедшее к власти консервативное правительство остановило реализацию проекта, и это даже вызвало протесты.

В разных городах **США** только за последние три года [стартовало](#) около 50 экспериментальных программ, так или иначе исследующих эффекты прямых выплат гражданам. А **Испания** по следам пандемии [разработала](#) план безусловных выплат, которые, согласно замыслу, должны помочь 850 тысячам беднейших семей страны. Проект еще в стадии реализации, но около 160 домохозяйств уже начали получать деньги, что делает эту программу одним из крупнейших экспериментов по базовому доходу в истории. Одну из самых амбициозных в мире программ в январе 2023 года [запустила](#) и испанская автономная область Каталония. Начиная с осени пять тысяч случайно выбранных человек будут получать безусловные базовые выплаты на протяжении двух лет: взрослые — 800 евро в месяц, несовершеннолетние — 300.

В **Бразилии** закон, закрепляющий право людей на безусловный базовый доход, принят парламентом и [подписан](#) президентом еще в 2004-м. Пока это [единственная](#) страна в мире, которая приняла подобный

закон, но он забуксовал на этапе реализации. В качестве промежуточной меры при президенте Луле да Силве была запущена программа [Bolsa Familia](#) (в переводе с португальского «Семейное пособие») — журнал *Economist* [называл](#) ее «схемой борьбы с бедностью, имеющей поклонников по всему миру». На протяжении многих лет беднейшие бразильские семьи получали ежемесячные выплаты, если дети в них посещали школу и вовремя проходили вакцинацию. Но в 2021-м, уже при президенте-консерваторе Жаире Болсонару, эту программу сменила другая, [Auxilio Brasil](#) («Помощь Бразилии»), которая [не понравилась](#) значительной части бразильского общества.

Различные эксперименты и пилотные программы по выплате чего-то похожего на безусловный базовый доход — разных масштабов и с разной выборкой — также запускали в [Германии](#), [Индии](#), [Нидерландах](#), [Намибии](#), [Китае](#), [Японии](#), [Непале](#), [Филиппинах](#), [Индонезии](#), [Мексике](#), [Пакистане](#), [Эфиопии](#), [Аргентине](#) и [других](#) странах. Да, лишь некоторые из них можно назвать национальными экспериментами, и то с натяжкой. Не все проводились с убедительной выборкой, не каждый можно [воспроизвести](#), а большинство были слишком недолгими, чтобы предсказывать по ним долгосрочные экономические и другие последствия. Авторы [книги](#) о безусловном базовом доходе *Debating Universal Basic Income* справедливо указывают, что это скорее демонстрационные программы, чем рандомизированные контролируемые исследования, которые считаются золотым стандартом науки. И тем не менее собранных данных вполне достаточно, чтобы опровергнуть самые распространенные аргументы против безусловного базового дохода

и попробовать спрогнозировать его влияние на разные аспекты человеческой жизни.

Часть третья. Что мы узнали благодаря всем этим программам и экспериментам

В 2021 году группа авторов [проанализировала](#) 86 обзоров на эксперименты с безусловным базовым доходом, проведенные за последние 60 лет. Они увидели, что в период с 1960-х по 1990-е фокус внимания исследователей был направлен в основном на влияние таких выплат конкретно на рынок труда. И до сих пор главное сомнение противников базового дохода можно сформулировать так: разве из-за денег, которые достаются даром, люди не перестанут работать?

↘ Ответ на этот вопрос искали почти 30 лет, но затем к нулевым годам интерес к концепции безусловного базового дохода сошел на нет. И только после кризиса 2008-го, с новой волной интереса, указывает группа авторов, исследователи обратили внимание на другие аспекты — например, на эффекты,

которые выплаты оказывают на ментальное и физическое здоровье, доступ к жилью и образованию, уровень преступности, климатический кризис и гендерное неравенство. То есть комплексное влияние безусловного базового дохода начали изучать относительно недавно.

Сразу к самому болезненному опасению — якобы, получая деньги просто так, люди совсем перестанут работать. Если и так, это преимущество, а не проблема, но об этом ниже. Впрочем, ни одно из исследований безусловного базового дохода такого эффекта не обнаружило. В 2018 году группа авторов [опубликовала](#) метаанализ сразу 16 экспериментов, и нигде не было отмечено существенного влияния базовых выплат на объем кадровых предложений на рынке труда или трудовую инициативу людей. Спустя два года вышел [систематический обзор](#) уже 18 экспериментов, и его авторы тоже не нашли фактического подтверждения этому распространенному стереотипу. Даже наоборот — они заметили некоторое увеличение числа работоспособных граждан, которые находятся в поиске вакансий. В точечных анализах результатов самых известных экспериментов приводятся аналогичные выводы. То есть базовый доход **на желание людей работать либо совсем не влияет**, либо влияет незначительно.

В других областях исследования эффекты тестирования базового дохода почти всегда положительные. Это хорошо [видно](#) в еще одном обзоре экспериментов, который в 2020-м провели в Стэнфордском университете. Большинство

показывают, что на экспериментальных территориях **существенно снижался уровень бедности** и неравенства — хотя в благополучных странах не так сильно, как в бедных.

Эксперименты демонстрируют благоприятный эффект безусловного базового дохода и **на образовательную сферу**: в семьях, которым приходят базовые выплаты, дети с большей вероятностью регулярно посещают школу и лучше подготовлены к ней. Также большинство исследований свидетельствуют об **улучшении ситуации в области здоровья**: у людей попросту появляется возможность обратиться за медицинской помощью и пройти необходимые исследования. А систематический обзор журнала *The Lancet* [обнаружил](#), что чем более уязвима тестируемая группа, тем позитивнее эффект, который базовый доход оказывает на нее. Например, среди людей с низкими и средними доходами **увеличивается частота использования контрацепции** и, как следствие, снижается число незапланированных беременностей и ранних браков. И мы точно [знаем](#), что безусловный базовый доход **улучшает ситуацию с продовольственной безопасностью** и разнообразием питания.

Знаменитый [лондонский](#) эксперимент 2009 года, в котором тринадцати бездомным платили деньги просто так (как и похожие проекты в [Ванкувере](#) и [Сан-Франциско](#)), демонстрирует способность базового дохода позитивно **влиять на доступ к жилью людей в экстремальной ситуации**. Значительная часть участников этих экспериментов либо нашли постоянный дом, либо стали

проводить меньше времени на улицах. Есть стереотип, что, если раздать деньги бездомным, они все пропьют или спустят на наркотики. Однако в самых разных экспериментах люди без постоянного места жительства или просто экстремально бедные тратили свои выплаты на еду и медицинскую помощь.

Одной из проблем большинства исследований базового дохода является то, что тестировщики фокусируются, как правило, на его индивидуальных эффектах, редко обращаясь к влиянию на сообщества, социальную или экономическую ситуацию в регионах и тем более макроэкономику. Но, например, из экспериментов в Кении, Намибии и Индии [можно сделать вывод](#), что базовый доход **способствует объединению местных сообществ** и укреплению самоуправления. А психологические эксперименты [говорят](#) об **увеличении уровня толерантности**: получатели базового дохода становятся терпимее к «другим».

Наконец, одним из теоретических эффектов базового дохода (теоретических потому, что его показали лишь небольшие исследования) называется **снижение зависимости работников от «плохих» работодателей**. Гипотеза в том, что благодаря базовым выплатам люди будут реже соглашаться на [«бредовую»](#) работу и начнут увереннее защищать свои права, уже не так боясь увольнений и санкций.

Авторы книги *Debating Universal Basic Income*, обобщая аргументы сторонников безусловного базового дохода, пишут, что он способен снизить уровень не только бедности

и неравенства, но также общественного стресса и преступности. Еще — увеличить доступ к образованию, предпринимательству и здравоохранению. И, что немаловажно, **внести вклад в борьбу за независимость женщин**. В частности, эксперименты в Кении, Намибии и Индии [показали](#), что базовый доход делает женщин менее экономически зависимыми.

Часть четвертая. Что говорят противники базового дохода — и как его финансировать

Еще один распространенный аргумент против безусловного базового дохода — его невозможно ввести, потому что это слишком дорого. Но где взять деньги на базовый доход — наименьшая из всех потенциальных проблем.

↘ Уже существует [множество разных](#) расчетов под конкретные экономики. Грубо говоря, это готовые схемы, позволяющие странам платить минимальный прожиточный минимум всем своим жителям. Разделить эти схемы можно на две группы: одни — для уже существующих бюджетов,

другие требуют привлечения дополнительных источников финансирования. В ряде случаев безусловный базовый доход [МОЖЕТ](#) вообще не стоить бюджету ни копейки дополнительных денег — например, если остановить другие социальные программы и высвободить таким образом средства. Некоторые проекты предусматривают увеличение налоговой нагрузки для отдельных групп налогоплательщиков или перераспределение доходов с ресурсов. Это, кстати, ответ тем, кто уверен, что введение базового дохода обязательно ведет к высокой инфляции — речь вовсе не о том, чтобы просто напечатать больше денег. Речь о перестройке экономической системы.

Внутренние суммы также высвобождаются, например, если сократить военные расходы и траты на [содержание тюрем](#). Налогами можно облагать не только ультрабогатых, но и роботов, используемых для автоматизации производств (а точнее, их владельцев). А еще — предприятия с большим объемом вредных выбросов, то есть ввести [углеродный налог](#), уже [существующий](#) в некоторых странах. Часть средств от него может идти в том числе на финансирование базового дохода, как и доходы от [торговли эмиссионными квотами](#) и [налога](#) на использование общественных ресурсов.

Но так или иначе, любые расчеты на текущем этапе приблизительны. Как и в случае с любым другим большим проектом, при реализации они обязательно не сойдутся с

реальностью. Другое дело, что почему-то никто не спрашивает, есть ли, например, деньги на коррупцию при госзакупках, [равную](#) около 35% доходов федерального бюджета России; войны тоже обычно начинаются без всяких общественных обсуждений — а хватит ли вообще на это средств. Многие экономические события просто происходят по воле демократической или недемократической власти — и **задача в том, чтобы пересмотреть приоритеты**. Существующие расчеты показывают, что, когда приоритетом станет безусловная базовая безопасность людей, обеспечить ее будет, мягко говоря, не невозможно.

Что еще говорят противники безусловного базового дохода? Две книги помогают в обобщении аргументов против: уже упомянутая [Debating Universal Basic Income](#) и [Basic Income And The Left: A European Debate](#) (обе не переведены на русский). Скажем, скептики также опасаются, что базовый доход увеличит зависимость граждан от государства. В США и Великобритании, где в расцвете [неолиберализм](#) и культура индивидуализма, принято презрительно смотреть в адрес «государственяnek» (*nanny states*) Северной и Западной Европы — якобы они слишком возятся с бедняками и другими уязвимыми слоями населения, чем только развращают их. При этом неолиберальные государства сами склонны к повышенному патернализму. Системы социальной помощи в них завязаны на многочисленных проверках и условиях — государство следит за гражданами как за маленькими детьми. А переусложненная система пособий, например, в США создает то, что называют [poverty trap](#) или [welfare trap](#),

— когда люди с низким доходом не могут повысить его именно из-за условий получения субсидий.

Системы пособий в Европе тоже напичканы условиями и проверками, ведущими к стрессу и унижению людей. В общественном воображении сидит образ мигранта или бедняка, который хочет поскорее сесть на пособие, чтобы ничего не делать, поэтому противники базового дохода боятся, что «вертолетные деньги» развратят еще больше людей. В реальности же программы социальной поддержки по всему миру [страдают](#) от «недовыдачи»: в разных странах [до 40%](#) жителей, которым положены те или иные выплаты, [не заявляют](#) свое право на них по разным причинам. Среди них сложность или размытость правил, невыполнимые условия, стигматизация и невозможность совмещать пособия даже с низкооплачиваемой работой.

Еще один аргумент против — якобы это слишком примитивная схема для XXI века, когда доступны механизмы персонализации. Но практика показывает: программы социального страхования, например, как раз двигаются в сторону персонализации, чтобы охватить большее количество самых разных кейсов, — и это приводит к тому, что системы становятся абсурдно сложными. В Испании, где чем-то вроде безусловного базового дохода задумали охватить около 850 тысяч семейств, столкнулись со сложностями уже на этапе отбора кандидатов: для этого требуется огромный бюрократический аппарат, поэтому постоянно происходят задержки и путаница.

Именно **составление эффективного кадастра граждан** может стать одним из главных вызовов на пути реализации безусловного базового дохода, [указывают](#) канадские исследователи. И называют еще два: **необходимость спроектировать универсальный способ оплаты**, который подойдет вообще всем, и организацию такого **контроля за выплатами, который не будет напоминать слежку** за получателями.

Но главное препятствие на пути к безусловному базовому доходу — не дефицитные бюджеты или технологические нюансы, а неолиберальная культура, подкрепляемая нежеланием ультрабогатых участвовать в новом договоре о перераспределении капитала. Людям по правую сторону политического спектра кажется абсурдной идея базового дохода, потому что «получать деньги должны только те, кто работает». Парадоксальный тезис в условиях «капитализма рантье», когда большинство крупнейших богатств унаследованы, а доход на капитал выше дохода на труд. Мы также знаем о финансовых пузырях, манипуляциях с акциями и феномене компаний вроде *Uber*, которые могут существовать много лет и привлекать деньги инвесторов, продолжая при этом [работать в убыток](#). Те, кто работает, и те, кто получают деньги, далеко не всегда одни и те же люди.

Профессор юриспруденции Катарина Пистор в книге [The Code of Capital](#) подробно рассказывает, что богатство (и неравенство) создаются в числе прочего законами, принимаемыми под давлением тех людей, которым это выгодно. Так что богатство — не нейтральная экономическая категория, а социально конструируемое

явление. В свою очередь, философ Филипп Ван Парайс [указывает](#), что огромная часть доходов современного человека — не результат его труда, а дар природы, помноженный на знания, капитал и инновации, доставшиеся нам от предыдущих поколений. И претендовать на свою часть этого дара имеет право каждый член глобального сообщества.

Базовый доход — совсем не радикальная идея, как показывает количество экспериментов с ним и уровень [одобрения](#) в западных странах. Но его реализация неизбежно заставляет думать о действительно радикальных вещах. Первая — **людям [нужно меньше работать](#)**. Уже [набирают](#) популярность концепции [постпродуктивизма](#) и [дероста](#), согласно которым человечеству необходимо перестать экономически расти. Продолжая это делать и эксплуатируя ресурсы в прежнем темпе, мы просто не справимся с климатическим кризисом.

Другая радикальная идея — пора наконец развести выживание и занятость. Во-первых, не все могут постоянно работать (и, как бы шокирующе ни звучало, не все хотят). Во-вторых, для огромного числа людей основная мотивация работать — не в физическом выживании, а в чем-то еще: они делают это ради реализации, удовольствия или вклада в жизнь сообщества. Человек [должен](#) иметь право не работать, тем более что работу мы все еще понимаем слишком узко. В некоторых экспериментах по безусловному базовому доходу видно, что освободившееся от традиционной работы время многие люди начинают тратить на заботу об окружающих.

Базовый доход может стать ступенью на пути к так называемому [universal caregiver society](#) — обществу, где каждый участник осуществляет труд по заботе о других людях. Сегодня он выполняется в основном женщинами, не считается «настоящей» работой и почти не оплачивается. И даже если просто признать его работой, в гендерном перераспределении это, скорее всего, не поможет: мужчины не бросятся им заниматься. Задача в том, чтобы каждый член общества ощутил необходимость взять на себя часть работы по уходу за другими. И базовый доход может этому помочь — [позволив](#) человеку осознанно выбирать то соотношение оплачиваемой работы, репродуктивного труда и досуга, которое подходит именно ему.

><{{{._____)

В конце своей книги *Battle Eight Giants* социолог Гай Стэндинг пишет, что экономические эффекты безусловного базового дохода, скорее всего, будут умеренными. Главные причины, по которым он выступает за реализацию этой концепции, не экономические, а моральные и этические.

Безусловный базовый доход может дать людям больше свободы и объединить их, реанимировав таким образом социальные связи, уничтоженные десятилетиями неолиберализмов и авторитаризмов. Но он — только часть набора мер, необходимых для создания нового общественного договора о справедливом перераспределении ресурсов. Другой частью может стать, например, [идея](#) о максимально допустимом доходе.

Или ограничение на накопление капитала и конвертируемость денег.

Некоторые противники безусловного базового дохода предлагают ему на замену социальные сервисы: бесплатные медицину, образование, транспорт и другие жизненно необходимые услуги. Но в мире, настолько зависимом от денег, это не сделает жизнь человека по-настоящему устойчивой и безопасной — а цель ведь именно такая. Поэтому, думая достаточно долго о безусловном базовом доходе, его связи с трудом и богатством, неизбежно начинаешь думать о другой, действительно революционной идее — [мире без денег](#).

■

Витя Вилисов

Редактор: Анна Чесова

#12

ЛЕСА, ПОЛНЫЕ ЗОЛОТА. ПИСЬМО О ТОМ, ЗАЧЕМ СПАСАТЬ ТРОПИКИ АМАЗОНИИ

≡☰ (˘˘) Привет, это Анастасия Приказчикова,
журналистка и блогер.

На последнем саммите ООН по климату в ноябре 2022-го только что избранного президента Бразилии — [Лулу да Силву](#) — [встречали](#) аплодисментами. Такой теплый прием был связан с его публичными заявлениями: да Силва [обещал](#) остановить вырубку тропических лесов в бассейне Амазонки, достигшую [огромных масштабов](#) при прежнем президенте Жаире Болсонару.

Амазонские леса часто [называют](#) легкими планеты, подчеркивая их роль в производстве кислорода. Однако правильнее сравнивать их с [гигантским кондиционером](#), который охлаждает Землю, смягчая последствия глобального потепления (как это работает, я объясню ниже). До недавнего времени этот природный кондиционер работал без сбоев — но похоже, в последние 50 лет ситуация [изменилась](#). Исследователи уверены: для этих лесов наступает переломный момент. И если они погибнут,

последствия будут [разрушительными](#) — причем не только для биоразнообразия и климата в самой Бразилии.

Сегодня я расскажу, что происходит с лесами Амазонии, от которых без преувеличения [зависит](#) будущее планеты. Но письмо это не только о природе — оно о том, насколько разным может быть подход руководства одной и той же страны, даже, казалось бы, в условиях тяжелой экономической ситуации.

Это письмо — о надежде.

■■■■■

В тексте больше 28 тысяч знаков, время на чтение — примерно 19 минут.

Часть первая. Почему исчезновение лесов Амазонии касается всех нас

Что мы знаем о лесах Амазонии? Это влажные тропические леса в Латинской Америке, а точнее, в самой большой низменности на Земле. Тропиками называют климатические зоны [между тропиком Рака и Козерога](#), на

территории Центральной и Южной Америки, Западной и Центральной Африки, Западной Индии, Юго-Восточной Азии, а также Австралии и на острове Новая Гвинея.

Так вот, крупнейший в мире тропический лес расположен именно в Амазонии (не путать с Амазонкой — рекой в Южной Америке, в бассейне которой, собственно, и находятся эти леса). Амазонские леса занимают [5.5 миллиона](#) квадратных километров и состоят примерно из [390 миллиардов](#) деревьев — это около [трети](#) всех тропических лесов мира.

Большая часть амазонских лесов расположена на территории Бразилии (60%) — остальная приходится на Перу, Колумбию, Боливию, Эквадор, Венесуэлу, Суринам, Гайану и Французскую Гвиану. И хотя тропические леса в целом [покрывают](#) лишь 6% поверхности Земли, их называют важнейшей наземной экосистемой на планете.

↘ **Здесь [обитает](#) более половины всех видов растений и животных планеты.** А амазонские леса считаются одной из «горячих точек» биоразнообразия в мире — так ученые называют места с высокой концентрацией самых разных форм жизни. В них [можно встретить](#) как минимум 40 тысяч известных видов растений и деревьев, 2,5 миллиона видов насекомых, а также минимум две тысячи видов млекопитающих и птиц. По [данным](#) Всемирного фонда дикой природы (WWF) и бразильского Института устойчивого развития «Мамирауа», новый вид в лесах Амазонии обнаруживают в среднем каждые два дня.

↘ **Тропические леса [сдерживают рост](#) температуры на планете.** Происходит это так: деревья поглощают углекислый газ из атмосферы и в процессе фотосинтеза преобразуют его и воду в питательные вещества, необходимые для роста. Часть поглощенного углекислого газа деревья выбрасывают обратно в атмосферу в процессе дыхания, а остальное хранят в листьях, стволах и корнях в виде углерода. Из-за того, что углекислый газ влияет на [повышение температуры](#) на планете, это позволяет сдерживать глобальное потепление.

По некоторым оценкам, тропические леса хранят таким образом около [четверти](#) всего углерода на Земле — больше, чем любая другая экосистема. Одним из основных мировых «поглотителей» углекислого газа [называют](#) леса Амазонии.

↘ **Тропические леса поддерживают круговорот воды** — и охлаждают поверхность Земли. Деревья в тропиках действуют как гигантские насосы — выкачивают воду из почвы через глубокие корни и испаряют ее через листья, что приводит к образованию дождевых облаков. Именно поэтому в тропиках всегда такой влажный воздух. Благодаря этому поверхность Земли остужается — если сравнить ее с кожей человека, этот процесс, пожалуй, похож на потоотделение.

Одно большое дерево в центре амазонского леса [может](#) выделять до 300 литров воды в день. В амазонских лесах каждый год [выпадает](#) 15 400 кубических километров осадков — больше, чем где-либо в мире. Они снабжают водой не только свою территорию, но и соседние регионы.

Часть влаги, которая испаряется через листья деревьев, выпадает в виде дождя на саму Амазонию (лес производит около половины собственных осадков). Другая часть через Анды [попадает](#) в южные и центральные районы Бразилии, Аргентину, Парагвай и Уругвай через влажные воздушные потоки, которые ученые называют [flying rivers](#) («летающие реки») — поскольку они переносят огромные объемы воды по воздуху.

Долгое время такие природные особенности Амазонии гарантировали устойчивость местной экосистемы и благополучие ее обитателей. Но с 1970-х состояние тропических лесов Амазонии [стремительно ухудшается](#). Об этом свидетельствуют [спутниковые данные](#), собранные за четверть века — с 1991 по 2016 год. По мнению ученых, крупнейший в мире тропический лес [теряет](#) способность восстанавливаться после регулярных засух, не прекращающейся интенсивной вырубке и пожаров.

В 2021 году фонд [Rainforest Foundation Norway](#) — одна из ведущих организаций в области защиты тропических лесов — представил первый глобальный [отчет](#) о состоянии тропических лесов на планете. Экологи собрали и проанализировали все доступные данные о тропических лесах на Земле за период с 2002 по 2019 год — включая информацию о произошедших с ними изменениях в 73 странах мира. Главный вывод следующий: из 14,5 миллиона квадратных километров тропических лесов, когда-то покрывавших поверхность Земли, нетронутыми [остается](#) только 36%.

Более трети (34%) тропических лесов полностью исчезли. Еще треть в той или иной степени деградировали (то есть утратили способность восстанавливаться). Только с 2002 по 2019 год мир потерял почти 600 тысяч квадратных километров тропического леса — это больше площади континентальной Франции.

Сейчас, по данным *Rainforest Foundation Norway*, 72% нетронутых тропических лесов находится в бассейне Амазонки, из них 42% — на территории одной только Бразилии. Поэтому именно на Бразилию ученые возлагают надежды по сохранению уникальной экосистемы тропиков. Несмотря на то, что в последние годы эта страна теряет леса с катастрофической скоростью.

Часть вторая. О том, как вырубка лесов надолго стала синонимом прогресса

Плохие времена для амазонских лесов Бразилии начались в 1964 году, когда в стране установилась [военная диктатура](#). С тех пор и вплоть до 1985-го страной

руководило военное правительство — за это время друг друга сменили пять президентов, все они были генералами.

Пришедшие к власти военные [считали](#), что необходимо срочно начать использовать земли Амазонии в границах Бразилии, в противном случае дикие, никем не занятые территории попытаются забрать себе захватчики из соседних стран — и отберут у бразильцев природные богатства. Так что, решили новые власти, неосвоенные леса могут представлять [угрозу национальной безопасности](#) — и поэтому необходимо срочно их осваивать.

Людей начали призывать переезжать в бразильскую Амазонию и возделывать землю. Власти даже [создали](#) специальный Национальный институт колонизации и аграрной реформы (*INCRA*) — чтобы тот курировал процесс.

В результате в лес устремились [миллионы людей](#), и началась интенсивная вырубка тропического леса — сначала для создания инфраструктуры (линии электропередачи и автомагистрали для транспортировки ресурсов), а затем — для заготовки древесины и разработки участков под пастбища и плантации.

По данным Национального института космических исследований Бразилии (*INPE*), за последние 40 лет в бразильской Амазонии было [вырублено](#) около 17% ее общей площади,

из которых почти половина — за последние 20 лет.

После падения режима военной диктатуры все усилия руководства страны, по сути, сводились к попыткам выбраться из глубокого экономического кризиса — властям было, мягко говоря, не до защиты лесов. Первый за 29 лет демократически избранный президент Бразилии, Фернанду Колор ди Мелу (возглавлял страну с 1990-го по 1992-й), провел большую часть своего правления в борьбе с гиперинфляцией. Самая серьезная проблема Бразилии тех времен — сильное расслоение на очень богатых и очень бедных. В 1990-е каждый четвертый бразилец продолжал [выживать](#) менее чем на один доллар в день. Эти социально-экономические противоречия и помогли в 2003 году Луле да Силве впервые избраться на пост главы страны — и он стал [первым](#) в истории Бразилии левым президентом.

В начале нулевых на фоне [международного давления](#) Бразилия попыталась решить проблему вырубki лесов — переломный момент произошел как раз в начале первого президентского срока [да Силвы](#). Тогда жителей лесных территорий (а эти земли зачастую становились чьей-то собственностью [непрозрачным и незаконным путем](#)) начали переселять в другие места. Кроме того, федеральный природоохранный орган — Институт окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов Бразилии (*IBAMA*) — [проводил](#) рейды и выписывал крупные штрафы фермерам за нарушение действующего на тот момент Лесного кодекса, по которому [запрещалась](#),

например, полная вырубка леса на своей территории. Инспекторов *ИБАМА* даже сопровождала армия, которая обеспечивала их безопасность. Благодаря всем этим мерам с 2005 года вырубка амазонских лесов Бразилии стала [сокращаться](#).

Для сравнения: за 2004 год в стране было [вырублено](#) почти 28 тысяч квадратных километров леса, за 2005-й — 19 тысяч, а за 2012-й — лишь 4,5 тысячи. За девять лет — с 2004 по 2012 год (эти годы совпадают с двумя первыми президентскими сроками да Силвы) — вырубка на территории Бразилии [сократилась](#) на 83,5%. Правда, следующий президент, Дилма Русеф, ослабила защиту лесов, и площадь вырубок стала постепенно увеличиваться.

В 2014 году громкий [коррупционный скандал](#) спровоцировал в Бразилии масштабный [кризис](#) — политический, экономический и социальный. По [оценкам](#) Bloomberg, он стал худшим для экономики страны за последние сто лет. По всей стране вспыхнули массовые демонстрации, и это стало благодатной почвой для прихода к власти консервативного политика Жаира Болсонару, который решил баллотироваться в президенты.

Во время своей предвыборной кампании «Трамп из тропиков», как его [окрестили СМИ](#) (со сравнением [согласился](#) даже сам Дональд Трамп), [обещал](#) победить коррупцию, бороться с преступностью и решить проблему стагнации экономики. Часть его предвыборных заявлений

касалась Амазонии. Риторика крайне правого Болсонару во многом повторяла тезисы генералов из прошлого: он [предлагал](#) развивать «этот огромный необработанный участок земли» и осваивать тропический лес — добывать древесину и полезные ископаемые, а еще заниматься земледелием.

Болсонару [настаивал](#), что большое количество охраняемых природных территорий в Амазонии сдерживает развитие страны, поскольку не позволяет вести экономическую деятельность и получать прибыль, то есть увеличивать ВВП Бразилии. А активное освоение нетронутых районов Амазонии создаст новые рабочие места и экономические возможности для бразильцев, считал новый президент. Он даже пообещал [продлить](#) существующую автомагистраль почти на 500 километров вглубь тропического леса — и «открыть для промышленности» [земли коренных народов](#), на которых предприятиям запрещается какая-либо масштабная деятельность (к счастью, эта идея не была претворена в жизнь).

После победы Болсонару новая администрация [лишила](#) финансирования Институт окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов Бразилии (*IBAMA*), который защищал тропические леса от незаконного захвата и вырубки. Ключевые сотрудники были уволены. Любопытно, что Болсонару затаил обиду на *IBAMA* аж с 2012 года — тогда институт [поймал](#) его на незаконной рыбной ловле в федеральном заповеднике у побережья Рио-де-Жанейро и оштрафовал на 2700 долларов. Причем сам политик [не отрицал](#) взаимосвязь этих событий. Да и в целом биографию Болсонару нельзя назвать безупречной:

в 2020-м Проект по расследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP) иронично [назвал](#) Жаира Болсонару «человеком года» за его вклад в пропаганду организованной преступности и коррупции. Так, президент подписал указ о передаче незаконно присвоенных земель в собственность захватчиков — и даже [создал](#) специальное ведомство, которое «простило» штрафы экологическим нарушителям.

О масштабе проблемы захвата лесов в то время [свидетельствуют](#) данные Сельского экологического реестра лесов Бразилии (CAR). Заполнение этого электронного реестра для всех землевладельцев обязательно — но каждый может делать это самостоятельно. В итоге захватчики часто [использовали](#) его, чтобы «узаконить» право собственности на землю, которого у них на самом деле не было. По базе реестра видно, что с 2016-го по 2020-й в Бразилии площадь не принадлежавших никому лесных территорий, объявленных частной собственностью, увеличилась на 232% — и достигла в 2020 году 18,6 миллиона гектаров. Это треть всех общественных лесов Амазонии. При этом статус 90% земли из этого реестра не соответствует бразильскому законодательству, а почти 46% находится в природоохранных зонах.

Все это привело к тому, что уже в 2019 году [38%](#) исчезнувших за год тропических лесов в мире пришлось именно на Бразилию. К концу президентского срока

Болсонару темпы вырубки лесов Амазонии достигли [рекордных значений](#).

Часть третья. Почему это все по-прежнему происходит

В XXI веке проблемой исчезновения диких лесов мало кого удивишь — деревья пилят ради добычи древесины, урбанизации, строительства дорог. Но в случае с тропическими лесами есть и другие, менее очевидные причины. Наибольший ущерб этим лесам наносит производство говядины и сои — а еще добыча полезных ископаемых.

↘ **Производство говядины.** Именно производство говядины называют главной причиной вырубки лесов в Амазонии — ведь для коров требуются новые пастбища. По некоторым [данным](#), до 80% вырубок лесов здесь происходит именно поэтому.

Между прочим, Бразилию называют [крупнейшим](#) в мире производителем и экспортером говядины: в стране ежегодно забивают 22,2 миллиона коров. А в районах бразильской Амазонии показатель продолжает расти: если

в 2009-м забил 8,7 миллиона голов, то в 2020-м — уже 10,2 миллиона. Делается это не только ради мяса, из коров также производят кожаную одежду и обувь — и активно экспортируют продукцию за рубеж. Крупнейшие импортеры — [Китай и США](#).

Больше десяти лет назад ведущие мясоперерабатывающие компании, покупающие крупный рогатый скот в Бразилии, [обязались](#) использовать только тех коров, которые выращены на фермах, не вырубавших леса под новые пастбища. Но увы, производители часто занимаются гринвошингом — заявляют, что заботятся об экологии и сохраняют леса, а на деле ищут лазейки в законодательстве. Так называемое «отмывание скота» происходит следующим образом: владельцы ранчо перед забоем просто перевозят коров с «грязных» ферм, где вырубает леса под пастбища, на «чистые», где этого не делают, — и уже оттуда продают мясным производителям. Одна корова [может пройти](#) через десять ферм, прежде чем окажется на скотобойне крупного мясного производителя. В таком случае практически невозможно отследить весь путь, который она прошла, — как и нанесенный лесам ущерб.

Площадь пастбищ в Амазонии продолжает увеличиваться, в том числе на особо охраняемых территориях и землях коренных народов (земли и ресурсы которых вообще-то трогать [запрещено](#) — этого не изменила даже администрация Болсонару). Только с 2018-го по 2021-й в

бразильской Амазонии [вырубили](#) более 34 тысяч квадратных километров леса — это больше, чем площадь всей Бельгии.

↘ **Производство сои.** Сегодня сою [называют](#) основной сельскохозяйственной культурой Бразилии, но так было не всегда. Популярность сои растет с середины прошлого века, когда в 1950-е на юге США [начал развиваться](#) сектор птицеводства. Чтобы обеспечить птицефабрики кормом — качественной белковой мукой, — американцы разработали новые сорта сои, адаптированные к местному, более теплему климату.

Бразильцы поняли, что определенные сорта могут выращивать и у себя, — и превратили юг страны буквально в сплошную соевую плантацию. Бразильская корпорация сельскохозяйственных исследований (*EMBRAPA*) продолжила эксперименты коллег из США и к 1980-м адаптировала культуру для западной и северной частей страны. В итоге новые сорта сои распространились на всю Амазонию, где под ее плантации стали расчищать новые территории — и вырубать леса.

Мировое производство сои за последние полвека резко [выросло](#). Если в 1960-е мир производил от 20 до 30 миллионов тонн сои в год, то теперь — 350 миллионов тонн. Такой рост связан с увеличением спроса на переработанную сою: это корма для животных (77% всей выращиваемой сои), [биотопливо](#) и растительное масло. Большая часть сои поступает из двух стран — США и Бразилии.

На каждую из них приходится около трети мирового производства.

В 2006 году на сою из Амазонии был введен так называемый [мораторий](#). Под давлением розничных продавцов и неправительственных организаций крупные торговцы зерном договорились между собой, что не будут покупать сою, выращенную в бразильской Амазонии на землях, где леса были вырублены после 2006 года. И хотя это «соевое соглашение» [способствовало](#) снижению темпов рубки тропических лесов, недавнее [исследование](#) показало, что леса в Амазонии продолжают рубить под фермы с соей (ведь подписание соглашения было добровольным и носило лишь декларативный характер).

↘ **Добыча золота и других ископаемых.** Амазония давно славится своим [золотом](#), а лес и добыча ценных металлов — понятия в общем-то несовместимые. Ведь чтобы построить шахту, нужно вырубить деревья и удалить верхний слой почвы. Добыча металлов [бывает](#) как согласованной с властями (что подразумевает соблюдение определенных норм безопасности и инвестиции в восстановление почвы), так и нелегальной (никаких обязательств, главное не попасться). Суть, конечно, не меняется — лес страдает в любом случае. Но особенно вредна для леса кустарная и мелкая золотодобыча — которая часто ведется нелегально (и с которой как раз, по [оценкам](#) Интерпола, дела в стране обстоят хуже всего). Увы, в таком случае [страдает](#) не только лес —

ведь нелегальные старатели [используют ртуть](#) (об этом мы расскажем ниже), оставляют земли разрушенными и ничего не восстанавливают.

После глобального кризиса 2008 года мировой спрос на золото вырос, что спровоцировало в Амазонии [«новую золотую лихорадку»](#) и еще больше активизировало нелегальную добычу. Все это [влияет](#) на состав почвы — бывает, что деревья [не растут](#) даже спустя три-четыре года после прекращения добычи. А некоторые участки леса после такого грубого вмешательства могут и вовсе никогда не восстановиться.

Часть четвертая. Страшные последствия, которыми нас пугали экологи, уже наступили

Увы, слова о том, что последствия исчезновения амазонских лесов могут быть катастрофическими, уже не звучат как алармизм. Расскажем о ключевых негативных последствиях, которые сегодня стали реальностью.

↘ **Леса Амазонии сами превращаются в источник углекислого газа.** Ежегодно мировые леса [поглощают](#) 2,4 миллиарда тонн углекислого газа, четверть из этого приходится на Амазонию. Но проблема в том, что амазонские тропики теряют способность поглощать этот парниковый газ: из-за постоянной вырубке лесов и резкого увеличения пожаров Амазония сама его [производит](#). В процессе горения дерева и корни высвобождают углерод, который они в себе хранили. К тому же чем больше деревьев вырубает, тем меньший объем углекислого газа способны поглощать оставшиеся.

Все это значит, что охлаждающая способность тропических лесов региона снижается. «Гигантский кондиционер» не справляется со своей задачей, что может повлиять на рост глобальной температуры на планете.

↘ **Регион все чаще страдает от засухи.** Амазония [снабжает](#) водой себя и соседние регионы, обеспечивая благополучие людей в Бразилии и соседних странах. Однако из-за повышения температуры, вырубки лесов и использования огня для расчистки территорий осадков становится все меньше, а засушливых сезонов — больше. В перспективе водный баланс в регионе, который сильно зависит от амазонских дождей, будет [нарушен](#), что повлияет на сельское хозяйство и промышленность на местных территориях. И это уже происходит. 2021 год [стал](#) шестым за последние два десятилетия, когда Бразилия страдала от засухи. А засуха влияет на все отрасли экономики и частные домохозяйства, поскольку приводит к подорожанию электроэнергии (на гидроэнергетику

[приходится](#) примерно 88% общего потребления электроэнергии).

↘ **Все больше животных и растений исчезает навсегда.** Вырубка лесов и пожары не проходят бесследно. Ученые [подсчитали](#): из-за произошедших с 2001 года пожаров в бассейне Амазонки пострадали ареалы 80% видов животных, находящихся под угрозой исчезновения. В перспективе это может привести к потере биоразнообразия и нарушению баланса в экосистеме. А именно богатое [биоразнообразие](#) делает всю экосистему более устойчивой к климатическим изменениям. Так, Амазонию [называют](#) «живой лабораторией» для производства семян. Изучение важных сельскохозяйственных культур региона в естественной среде позволяет исследовать их и повышать урожайность в условиях меняющегося климата. Например, каждый посевной сезон коренные общины Амазонии выращивают и улучшают десятки сортов [маниока](#). Будут ли подобные исследования возможны и в будущем — открытый вопрос.

↘ **Ртуть из рек и почвы попадает в тела людей и животных.** Как мы уже сказали, исчезновение лесов в Амазонии во многом [связано](#) с кустарной добычей золота — ведь, как правило, она незаконна и поэтому никак не регулируется. Золотодобытчики оставляют после себя не только разрушенную эрозией почву, но и отравленные реки и ручьи. Все дело в методе: для отделения золота они [используют](#) ртуть. Ее смешивают с почвой и золотосодержащими горными породами, в результате чего образуется амальгама — смесь ртути и золота, которую затем нагревают. При нагреве ртуть испаряется, а золото

остается. На кустарную добычу золота [приходится](#) более 35% всех глобальных выбросов ртути.

Вместе с осадками ртуть [попадает](#) в почву и реки, оттуда через растения, фрукты и насекомых — к животным и рыбам, а после — к человеку. Тяжелые металлы не так просто вывести из организма, поэтому по мере продвижения вверх по пищевой цепочке концентрация ртути растет, что делает ее особенно опасной для человека. Ртуть способна накапливаться в организме и вызывать у людей и животных неврологические нарушения. А в Амазонии [проживает](#) почти 50 миллионов человек, из которых около 1,5 миллиона — представители коренных народов, и они в буквальном смысле кормятся с этой земли.

Как [показало](#) одно из исследований, у тех, кто потребляет выловленную в районе шахт рыбу, уровень ртути в организме повышен. А у птиц в лесах вблизи мест добычи золота концентрация ртути в организме в 2–12 раз выше нормы.

Часть пятая. Что же, собственно, теперь делать

За последние полвека в Бразилии [уничтожено](#) как минимум 17% нетронутых лесов. Некоторые исследователи [считают](#),

что критичной отметкой станет 20–25%. Якобы тогда наступит переломный момент для Амазонии — климат региона кардинально изменится, а часть тропических лесов превратится в саванну. Если эти ученые правы, мы опасно близки к точке невозврата.

Давайте представим, что мы можем повлиять на ситуацию. Что в таком случае следует делать в первую очередь?

↘ **Прекратить вырубку лесов.** В 2021 году на саммите ООН по климату более сотни стран, включая, кстати, Бразилию, [обязались](#) остановить вырубку и ускорить восстановление лесов к 2030 году — правда, это скорее декларация [о намерениях](#), чем обязательный к исполнению документ.

Экологи также призывают местные власти запретить строительство дорог, плотин и других объектов инфраструктуры в нетронутых частях леса — а еще инвестировать в восстановление почвы и леса на уже вырубленных участках.

↘ **Следить за исполнением норм.** Здесь прозвучат довольно общие слова о том, как важно соблюдать уже существующие нормы по защите лесов, — но ведь это правда так. Иначе толку от запретов на вырубку будет ноль. И это задача именно властей — в данном случае государств, расположенных в бассейне Амазонки.

В случае с Бразилией правительству следует восстановить работу местных органов по охране окружающей среды, которым [существенно сократили](#) финансирование в

последние годы. Раньше этим занимался *IBAMA* — боролся с лесными пожарами, незаконными лесозаготовками, контролировал добычу полезных ископаемых; регуляторы даже имели право уничтожать тяжелую технику, если фиксировали незаконную вырубку. Сейчас Лула да Силва возвращает *IBAMA* полномочия.

Кроме того, необходимо присваивать государственным землям в Бразилии официальный статус охраняемых. Дело в том, что, если государственная земля в Бразилии не имеет официального обозначения, она особенно уязвима для незаконных захватчиков.

↘ **Жестко контролировать импорт.** Причем менять ситуацию можно на разных уровнях: на государственном и международном, на уровне решений крупного бизнеса — и даже на уровне активистов. Во-первых, торговые партнеры Бразилии и других стран бассейна Амазонки (а это [в первую очередь](#) Китай и США) могут законодательно влиять на производителей, чтобы добиться перемен. Эффективным инструментом может стать прямой запрет на импорт товаров, для производства которых вырубается леса. Так, в декабре 2022-го Евросоюз и Европарламент [согласовали](#) законопроект, запрещающий участникам европейского рынка продавать такую продукцию на территории Евросоюза — а рынок стран ЕС для Бразилии [очень важен](#). Если документ примут (а шансы велики), европейские компании должны будут доказать, что их продукция не связана с уничтожением лесов.

Во-вторых, бизнес (производители мяса, крупные покупатели древесины, сои, золота и других природных

ресурсов) может требовать от властей южноамериканских стран большей прозрачности в цепочках поставок. Прозрачность в этом даст уверенность в том, что при производстве этих товаров лес не уничтожается. И в-третьих, так как зачастую компании занимаются гринвошингом (как в случае с «отмыванием скота»), важную роль здесь может сыграть давление общества — ведь ни одна компания не хочет испортить свой имидж.

↳ **Помочь Бразилии.** Сегодня вполне очевидно, что спасение лесов Амазонии — общая задача. И ответственность за ее выполнение не должна лежать только на президенте Бразилии и ее жителях, которым все так же нужно чем-то кормить свои семьи. Наряду с международными ограничениями здесь важны программы помощи Амазонии. К таким относится [Amazon Fund](#) — крупнейший в мире фонд защиты лесов, деятельность которого [возобновил](#) в первый же день своего пребывания в должности в 2023 году Лула да Силва.

Этот фонд да Силва учредил в 2008-м. Он собирает пожертвования для борьбы с вырубкой и содействует устойчивому использованию бразильской Амазонии. В том числе из этого фонда финансировалась деятельность *IBAMA* (например, оплачивались вертолеты, которыми агенты пользовались во время своих рейдов). Крупнейшие доноры, Германия и Норвегия (последняя [финансировала](#) 94% всех расходов фонда), приостановили перечисления в 2019 году — сразу после того, как Болсонару фактически [парализовал](#) деятельность организации, без объяснения причин распустив совет директоров и технический комитет.

Управляет фондом Национальный банк развития Бразилии (*BNDES*). Сейчас в фонде [хранятся](#) 3,3 миллиарда бразильских реалов (630 миллионов долларов США). Германия уже заявила, что возобновляет финансирование, заинтересованы в этом и норвежцы. Возможность стать донорами рассматривают Великобритания и Франция.

Пока фонд [получает](#) пожертвования от иностранных правительств и компаний, но в скором будущем донатить ему смогут также неправительственные организации и частные лица. Новое правительство заинтересовано в привлечении как можно больших международных инвестиций, но для этого команде Лулы придется подкрепить свои заявления в защиту окружающей среды конкретными действиями.

><{{{._____)

Первые шаги да Силвы позволяют надеяться, что уничтожение амазонских лесов будет остановлено. Новый президент [вернул](#) на пост главы министерства охраны окружающей среды Бразилии Марину Сильву, при которой с 2003 по 2008 год вырубка лесов в стране сократилась в половину; отменил указ Болсонару о добыче ископаемых на землях коренных народов и в особо охраняемых районах; создал министерство по делам коренных народов. Регуляторы *IBAMA* уже [отправились](#) в свои первые рейды против незаконной вырубки лесов.

Полностью прекратить вырубку к 2030 году новому руководству Бразилии будет, конечно, непросто. Да Силве придется как-то договариваться со сторонниками

Болсонару: они контролируют аж шесть из девяти штатов Амазонии и считают, что природоохранные идеи нынешнего президента нанесут ущерб экономике. И в чем-то они даже правы: вместе с планом спасения лесов да Силва должен предложить бразильцам план экономических и, вероятно, политических реформ.

Иначе амазонские леса так и останутся основным источником дохода миллионов людей — и угроза их существованию сохранится.

■

Анастасия Приказчикова

Редактор: Елизавета Антонова

* Все организации, помеченные этим знаком, объявлены в России «иностранными агентами». А деятельность общественного движения сторонников Алексея Навального объявлена «экстремистской» и запрещена по решению суда.